

#1 (41), 2019 część 6

Wschodnioeuropejskie Czasopismo Naukowe
(Warszawa, Polska)

Czasopismo jest zarejestrowane i publikowane w Polsce. W czasopiśmie publikowane są artykuły ze wszystkich dziedzin naukowych. Czasopismo publikowane jest w języku polskim, angielskim, niemieckim i rosyjskim.

Artykuły przyjmowane są do dnia 30 każdego miesiąca.

Częstotliwość: 12 wydań rocznie.

Format - A4, kolorowy druk

Wszystkie artykuły są recenzowane

Każdy autor otrzymuje jeden bezpłatny egzemplarz czasopisma.

Bezpłatny dostęp do wersji elektronicznej czasopisma.

Zespół redakcyjny

Redaktor naczelny - Adam Barczuk

Mikołaj Wiśniewski

Szymon Andrzejewski

Dominik Makowski

Paweł Lewandowski

Rada naukowa

Adam Nowicki (Uniwersytet Warszawski)

Michał Adamczyk (Instytut Stosunków Międzynarodowych)

Peter Cohan (Princeton University)

Mateusz Jabłoński (Politechnika Krakowska im. Tadeusza Kościuszki)

Piotr Michałak (Uniwersytet Warszawski)

Jerzy Czarnecki (Uniwersytet Jagielloński)

Kolub Frennen (University of Tübingen)

Bartosz Wysocki (Instytut Stosunków Międzynarodowych)

Patrick O'Connell (Paris IV Sorbonne)

Maciej Kaczmarczyk (Uniwersytet Warszawski)

#1 (41), 2019 part 6

East European Scientific Journal
(Warsaw, Poland)

The journal is registered and published in Poland. The journal is registered and published in Poland. Articles in all spheres of sciences are published in the journal. Journal is published in **English, German, Polish and Russian.**

Articles are accepted till the 30th day of each month.

Periodicity: 12 issues per year.

Format - A4, color printing

All articles are reviewed

Each author receives one free printed copy of the journal

Free access to the electronic version of journal

Editorial

Editor in chief - Adam Barczuk

Mikołaj Wiśniewski

Szymon Andrzejewski

Dominik Makowski

Paweł Lewandowski

The scientific council

Adam Nowicki (Uniwersytet Warszawski)

Michał Adamczyk (Instytut Stosunków Międzynarodowych)

Peter Cohan (Princeton University)

Mateusz Jabłoński (Politechnika Krakowska im. Tadeusza Kościuszki)

Piotr Michałak (Uniwersytet Warszawski)

Jerzy Czarnecki (Uniwersytet Jagielloński)

Kolub Frennen (University of Tübingen)

Bartosz Wysocki (Instytut Stosunków Międzynarodowych)

Patrick O'Connell (Paris IV Sorbonne)

Maciej Kaczmarczyk (Uniwersytet Warszawski)

**Dawid Kowalik (Politechnika
Krakowska im. Tadeusza Kościuszki)**
**Peter Clarkwood(University College
London)**
Igor Dziedzic (Polska Akademia Nauk)
**Alexander Klimek (Polska Akademia
Nauk)**
**Alexander Rogowski (Uniwersytet
Jagielloński)**
Kehan Schreiner(Hebrew University)
**Bartosz Mazurkiewicz (Politechnika
Krakowska im. Tadeusza Kościuszki)**
Anthony Maverick(Bar-Ilan University)
**Mikołaj Żukowski (Uniwersytet
Warszawski)**
**Mateusz Marszałek (Uniwersytet
Jagielloński)**
**Szymon Matysiak (Polska Akademia
Nauk)**
**Michał Niewiadomski (Instytut
Stosunków Międzynarodowych)**
Redaktor naczelny - Adam Barczuk

1000 kopii.

**Wydrukowano w «Aleje Jerozolimskie
85/21, 02-001 Warszawa, Polska»**

**Wschodnioeuropejskie Czasopismo
Naukowe**

**Aleje Jerozolimskie 85/21, 02-001
Warszawa, Polska**

E-mail: info@eesa-journal.com ,

<http://eesa-journal.com/>

**Dawid Kowalik (Politechnika
Krakowska im. Tadeusza Kościuszki)**
**Peter Clarkwood(University College
London)**
Igor Dziedzic (Polska Akademia Nauk)
**Alexander Klimek (Polska Akademia
Nauk)**
**Alexander Rogowski (Uniwersytet
Jagielloński)**
Kehan Schreiner(Hebrew University)
**Bartosz Mazurkiewicz (Politechnika
Krakowska im. Tadeusza Kościuszki)**
Anthony Maverick(Bar-Ilan University)
**Mikołaj Żukowski (Uniwersytet
Warszawski)**
**Mateusz Marszałek (Uniwersytet
Jagielloński)**
**Szymon Matysiak (Polska Akademia
Nauk)**
**Michał Niewiadomski (Instytut
Stosunków Międzynarodowych)**
Editor in chief - Adam Barczuk

1000 copies.

**Printed in the "Jerozolimskie 85/21, 02-
001 Warsaw, Poland»**

East European Scientific Journal

**Jerozolimskie 85/21, 02-001 Warsaw, Po-
land**

E-mail: info@eesa-journal.com ,

<http://eesa-journal.com/>

СОДЕРЖАНИЕ

КУЛЬТУРОЛОГИЯ

Варвус О.В., Ефимец М.А.,

ПРОДВИЖЕНИЕ ПОЗИТИВНОГО ИМИДЖА РОССИИ ЗА РУБЕЖОМ: КУЛЬТУРНЫЙ ПОТЕНЦИАЛ ФОНДА
«РУССКИЙ МИР»4

Косаревский В.Г.

ПУБЛИЧНЫЕ БИБЛИОТЕКИ И ОБРАЗОВАТЕЛЬНЫЕ УЧРЕЖДЕНИЯ: ПУТИ СОТРУДНИЧЕСТВА В
ПРОДВИЖЕНИИ ДЕТСКОГО И ЮНОШЕСКОГО ЧТЕНИЯ6

Мусинова И.А., Михеев В.А.

АНАЛИЗ ТВОРЧЕСТВА КИНОРЕЖИССЕРА РЕСПУБЛИКИ КОРЕЯ КИМ КИ ЁНА (1919-1998) НА ПРИМЕРЕ
ФИЛЬМА «СЛУЖАНКА» (1960)10

ФИЛОСОФСКИЕ НАУКИ

Баев В.Г.

ФИЛОСОФ НА СЛУЖБЕ ПРАВИТЕЛЯ: О КАРЛЕ ШМИТТЕ И ФЕНОМЕНЕ ГИТЛЕРА В ИСТОРИИ ГЕРМАНИИ:
ПОПЫТКА ЛИТЕРАТУРНОГО САМОПОЗНАНИЯ.....14

Кири С.Р.

КОРРУПЦИЯ И РОССИЙСКАЯ МЕНТАЛЬНОСТЬ20

ЮРИДИЧЕСКИЕ НАУКИ

Артюхова Н.О.

ОПЕРАТИВНЕ ЗАБЕЗПЕЧЕННЯ НАЦІОНАЛЬНИХ ІНТЕРЕСІВ УКРАЇНИ У СФЕРІ МІЖНАРОДНОГО
ТОРГОВЕЛЬНО-ЕКОНОМІЧНОГО СПІВРОБІТНИЦТВА: КОНЦЕПТУАЛЬНІ ЗАСАДИ27

Корнеева Ю.А., Коробкин А.В.

О ВОЗМОЖНОСТЯХ ИСПОЛЬЗОВАНИЯ ПРОЦЕДУР ВОССТАНОВИТЕЛЬНОГО ПРАВОСУДИЯ И МЕДИАЦИИ В
ОТНОШЕНИИ ЛИЦ, СОВЕРШИВШИХ ПРЕСТУПЛЕНИЕ В НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНЕМ ВОЗРАСТЕ30

Куркин Б.А., Искевич И.С.

ПОНЯТИЕ «ПУБЛИЧНОГО ПОРЯДКА» (*PUBLICPOLICY*) В ТЕОРИИ И ПРАКТИКЕ МЕЖДУНАРОДНОГО
КОММЕРЧЕСКОГО АРБИТРАЖА РОССИИ34

Соловйова А.М.

КРИМІНАЛЬНО-ПРАВОВА ОХОРОНА ВЛАСНОСТІ ЗА ЗАКОНОДАВСТВОМ КРАЇН РОМАНО-ГЕРМАНСКОЇ
ПРАВОВОЇ СІМ'Ї.....40

Поліщук Г.С., Тернавська А.А.

ЗАХОДИ ЗАПОБІГАННЯ СУЇЦИДУ СЕРЕД ЗАСУДЖЕНИХ У ВИПРАВНИХ КОЛОНІЯХ ТА ШЛЯХИ ЇХ
УДОСКОНАЛЕННЯ47

КУЛЬТУРОЛОГИЯ

Варвус О.В.,

магистрант кафедры ЮНЕСКО

Российской академии народного хозяйства и госслужбы при Президенте РФ (Москва)

Ефимец М.А.,

аспирант кафедры ЮНЕСКО

Российской академии народного хозяйства и госслужбы при Президенте РФ (Москва)

ПРОДВИЖЕНИЕ ПОЗИТИВНОГО ИМИДЖА РОССИИ ЗА РУБЕЖОМ: КУЛЬТУРНЫЙ ПОТЕНЦИАЛ ФОНДА «РУССКИЙ МИР»

Varvus O. V.,

master's student, UNESCO's

chair at the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration (Moscow)

Epimaz M. A.,

postgraduate student, UNESCO's

Chair at the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration (Moscow)

PROMOTING A POSITIVE IMAGE OF RUSSIA ABROAD: CULTURAL RESOURCES OF THE FUND "RUSSIAN WORLD»

Аннотация. В статье рассматривается феномен Русского мира (внутренний и внешний), различные его трактовки в научной среде (русский мир как явление, определение и концепция), направления школ (геополитическая, геоэкономическая и геокультурная). Особое внимание обращается на гуманистические формы интегративной политики России, значимые культурные практики Фонда «Русский мир», способствующие укреплению позитивного имиджа страны за рубежом, отражающие современный творческий и интеллектуальный потенциал Русского мира, растущий международный интерес к изучению русского языка и культуры.

Abstract. The article deals with the phenomenon of the Russian world (internal and external), its various interpretations in the scientific environment (the Russian world as a phenomenon, definition and concept), directions of schools (geopolitical, geo-economic and geocultural). Special attention is paid to the humanistic forms of Russia's integrative policy, significant cultural practices of the Russian world Foundation, contributing to the strengthening of the country's positive image abroad, reflecting the modern creative and intellectual potential of the Russian world, the growing international interest in the study of the Russian language and culture.

Ключевые слова: позитивный имидж России, Русский мир и его всемирность, культурные практики Фонда «Русский мир»

Key words: positive image of Russia, Russian world and its universality, cultural practices of the Russian world Foundation»

Усложняющийся многополярный мир на всех треках мобилизации глобальной безопасности выводит на повестку дня вопросы поиска действенных механизмов стабилизации мира, использования «мягкой силы» в международных отношениях и всей системе межкультурных коммуникаций.

В.В. Путин в своем Приветствии XII Ассамблеи Русского мира, которая проходила в Твери 3-5 ноября 2018 г., отметил чрезвычайную актуальность темы всемирности русской культуры, большую, консолидирующую роль Фонда «Русский мир», и подчеркнул важность обсуждения миссии Великой Русской культуры в общемировом цивилизационном пространстве.

Русский мир пробудился на изломе столкновения конкурирующих цивилизационных проектов, когда «крупнейший в мире разделенный народ» в результате слома советского этапа обнажил «два Русских мира»: внутренний мир уцелевшей Российской Федерации и внешний – «русский мир за

границами» как относительно новый феномен носителей исторической идентичности русских (россиян), языка и культуры.

О данном феномене особенно интенсивно заговорили в середине нулевых, когда многие наши соотечественники стали проявлять повышенный интерес к изучению духовного и культурного наследия русской эмиграции. Рассматривая, русский мир как самостоятельную цивилизацию, которая способна нести идеалы, прежде всего вырабатываемые внутри самой страны, исследователи обосновывали свои концепты, отражающие суть и миссию Русского мира. Российская Федерация в настоящий момент вырабатывает новую глобальную доктрину развития, учитывающую мировые тенденции, но основывающуюся на особенностях российского государства русской культуры. Это порождает значительный интерес к явлению, а также к концепции "Русский мир". Понятие "Русский мир" стало широко употребляться в научной среде. В отечественной литературе различают

«Русский мир» как реально существующее явление, а также связанную с ним дефиницию, и как концепцию, выстраиваемую в течение последних десятилетий. В.А. Никонов отмечает 3 направления теоретических школ русского мира [7].

Школа геополитическая, которую представляют А.Г. Дугин и В.Л. Цымбурский, разработавшие концепцию под названием «Остров Россия» [8]. Суть ее – в изоляции от мира, создание альянса постсоветских государств, которые обеспечат России безопасность и суверенное положение в Евразии, т.е. акцент сделан на цивилизационную самобытность России в противовес европоцентристской нацеленности России слиться с западным миром.

Другая школа – геоэкономическая, представленная учеными П.Г. Щедровицким и А.И. Неклесом [9]. В их трактовке «русский геоэкономический мир» складывается из огромного количества русских диаспор, в том числе работающих в сфере высоких технологий. Опора на них дает возможность России подключиться к технологическим, финансовым ресурсам Запада, тем самым укрепить позиции нашей страны в глобальной экономике и политике.

Третья школа развивает геокультурную парадигму, которая обобщена в работах С. Градировского, Б.В. Межуева [2]. По их мнению, цель Русского мира – в интеграции России со странами-источниками миграционных потоков, расположенных в основном в постсоветском пространстве. И в этом смысле Россия должна создавать сообщества по принципу Британского Содружества наций, или Объединения иберийско-американских государств, или Сообщества франкофонных наций. Русский мир, будучи полиэтническим, поликонфессиональным и полисемантическим, выступает глобальным феноменом, который не может быть описан однозначно каким-то одним определением [7, с.17].

Русский мир является своего рода глобальным проектом, направленным на формирование новой идентичности, отвечающей целям страны на данном этапе ее исторического бытия. С.Н. Градировский и Б.В. Межуев рассматривают Русский мир в рамках геокультурного подхода, что, по их мнению, предполагает несколько нестандартный взгляд на задачи России в мире: ей необходимо устанавливать связи, прежде всего, не с теми странами, куда на протяжении столетий эмигрировали русские, а с государствами, откуда люди приезжают в РФ сейчас. С.Н. Градировский и Б.В. Межуев считают, что именно такая политика позволит России занять свое, особое место в трансформирующемся мире [2].

Существенную роль в продвижении имиджа государства играют организации соотечественников за рубежом, культурные центры, обеспечивающие международное взаимодействие в социально-экономической сфере, в области науки, культуры, искусства, массовых коммуникаций, спорта, туризма и работы с молодежью.

На современном этапе мирового развития под влиянием процессов глобализации и в условиях формирования новой полицентричной системы кросскультурных отношений в качестве главных факторов влияния государств на мировую систему, наряду с военно-политическими и экономическими ресурсами, выдвигаются факторы «мягкой силы».

Исследование роли «мягкой силы» и её полноценной реализации – важная теоретико-методологическая и практико-ориентированная задача аксиосферы русского мира.

В современных условиях возрастает прикладное значение стратегической триады (культура-образование-наука) как компонента «мягкой силы». Россия с 2016 г. включена в рейтинг «The Soft Power 30» [5]. Предприняты значительные усилия для повышения имиджа России, как на её территории, так и за её пределами. Олимпиада в России, Перекрестные культурные форумы, культурно-образовательные обмены и т.п. позволяют, порой не просто снизить прессинг экономических санкций, а порой вовсе их нивелировать и упразднить.

По мнению В. И. Савинкова, ощутимые сложности, связанные с восприятием Российской Федерации за рубежом, зачастую объясняются не враждебными происками, а неготовностью восприятия зарубежной аудиторией позитивной информации о нашей стране [6], ее ценностных приоритетах. Российское общество находится в поисках своей идентичности, системы ценностей и собственного пути развития. Речь идет не о внедряемых и распространяемых доктринах манипулирования общественным сознанием, а о ценностно-смысловых, в том числе идейных, основах культурного распознавания и отождествления людей.

Существует точка зрения, что современной России отведена исторически важная роль интегратора противоречивых, но стратегически поступательных процессов, созидających новую социокультурную реальность в современном мире.

Многонациональная Россия являет собой символ сплочения и централизации многих культур, мировоззрений, идеологий, она стала местом сплочения и соглашения Востока и Запада. Вероятно, поэтому Россия зачастую создает гуманистические формы интегративной политики, смысловые и значимые поля духовности и культуры.

В последние годы Россия все активнее развивает различные виды межгосударственного сотрудничества. Одной из ведущих организаций в данном направлении является Фонд Русский мир, основной целью которого является популяризация русского языка, национального достояния России и важного элемента российской и мировой культуры. С начала образования в 2007 году и по настоящее время Фонд реализует свои проекты в более чем в 100 странах мира [4].

Основными партнёрами Фонда за рубежом и в Российской Федерации выступают ведущие университеты и образовательные учреждения, библиотеки и музеи, некоммерческие организации и объ-

единения, общества дружбы с Российской Федерацией и общества любителей русского языка и культуры, профессиональные ассоциации и объединения преподавателей русского языка и литературы, организации российских соотечественников, молодёжные и студенческие объединения, другие организации и учреждения.

Фонд поддерживает проекты, целью которых является продвижение «всемирности русской культуры». На площадках партнёрских организаций на паритетной основе создана и развивается сеть Русских центров и Кабинетов Русского мира, на базе которых организуются курсы русского языка, клубы любителей русской словесности и культуры, проводятся фестивали, олимпиады и викторины на лучшее знание истории России, многонациональной культуры народов Российской Федерации и другие мероприятия, формирующие устойчивую мотивацию к изучению русского языка и к получению достоверной информации о современной России [3].

Самым масштабным событием в деятельности Фонда является проведение Ассамблей Русского мира, традиционно приуроченных к празднованию Дня народного единства. В рамках Ассамблей проходят подиумные дискуссии, круглые столы, тематические секции, практикумы по важнейшим проблемам в сфере русского языка, культуры, истории и философии Русского мира. Этот ежегодный международный форум позволяет наглядно отразить современный творческий и интеллектуальный потенциал Русского мира, растущий международный интерес к изучению русского языка и культуры.

Реальная проблема для выживания концепции Русского мира состоит не столько в будущем российских меньшинств за рубежом, сколько в способности России структурировать свой «голос» в мире, раскрыть свои возможности для ребрендинга и устойчивого развития полилога культур.

Список литературы

1. Боголюбова, Н.М. Роль зарубежных культурных центров в развитии современного межкультурного сотрудничества / Н.М. Боголюбова, Ю.В. Николаева // Ерамота [Электронный ресурс]. - Режим доступа: http://www.gramota.net/articles/issn_1997-292X_2012_6-2_09.pdf. - Дата доступа: 18.02.2018.
2. Градировский, С.Н., Межуев Б.В. Русский мир как объект геокультурного проектирования. [Электронный ресурс] http://www.archipelag.ru/ru_mir/history/history2003/g_radirovsky-russmir
3. Горлова И.И. Культура как «мягкая сила: инструменты и точки притяжения. Режим доступа: http://teoria-practica.ru/rus/files/arhiv_zhurnal/2015/18/culture/gorlova-bychkova.pdf
4. Отчёт о деятельности фонда «Русский мир» в 2017 год Режим электронного доступа www.russkiymir.ru/fund/report.php Дата обращения 23.12.2018
5. Рейтинг британского PR-агентства Portland [Электронный ресурс]. - Режим доступа: <http://softpower30.portland-communications.com/ranking>
6. Савинков В.И. Коммуникативные стратегии в формировании международного имиджа России и продвижении национальной культуры за рубежом. Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/kommunikativnye-strategii-v-formirovanii-mezhdunarodnogo-imidzha-rossii-i-prodvizhenii-natsionalnoy-kultury-zarubezhom>
7. Фонду «Русский мир» 10 лет. Юбилейный сборник Фонда «Русский мир». - М., 2017. - 300 с.
8. Цымбурский В.Л. Морфология российской геополитики и динамика международных систем XVIII-XX веков. Режим доступа: <https://www.litmir.me/br/?b=571609&p=1>
9. Щедровицкий П. Русский мир и транснациональное русское. Режим доступа: http://www.archipelag.ru/ru_mir/history/history99-00/shedrovicky-transnatio

Косаревский В.Г.

директор Центральной библиотеки №197

им. А.А. Ахматовой Западного административного округа г. Москвы.

ПУБЛИЧНЫЕ БИБЛИОТЕКИ И ОБРАЗОВАТЕЛЬНЫЕ УЧРЕЖДЕНИЯ: ПУТИ СОТРУДНИЧЕСТВА В ПРОДВИЖЕНИИ ДЕТСКОГО И ЮНОШЕСКОГО ЧТЕНИЯ

Kosarevskiy V.G.

Director of the Central Library №197 named after

A.A. Akhmatova Western Administrative District of Moscow

PUBLIC LIBRARIES AND EDUCATIONAL INSTITUTIONS: WAYS OF COOPERATION IN PROMOTING CHILDREN AND YOUTH READING

Аннотация. Рассмотрена проблема детского и юношеского чтения в условиях современной модели образования. Проанализированы методы взаимодействия и обмена опытом публичных библиотек Западного округа и образовательных учреждений. Составлен список основных направлений сотрудничества

библиотек и образовательных учреждений на основе анализа деятельности SMART-библиотеки (Центральная библиотека № 197 им. А.А. Ахматовой). Определена дальнейшая перспектива взаимодействия публичных библиотек с образовательными учреждениями на основе комплекса инновационных технологий, внедренных в деятельность SMART-библиотеки с целью продвижения детского и юношеского чтения.

Abstract. The article identifies the issue of children's and youthful reading in the condition of the modern educational model. Methods of interaction and exchange of experience between public libraries of the Western district and educational institutions are analyzed. The main directions of cooperation between public libraries and educational institutions are enumerated on the analysis of SMART-library No. 197 of A.A. Akhmatova activity. The further prospect of interaction between public libraries and educational institutions is defined on the basis of a complex of innovative technologies implemented in SMART-library's activity with the main aim – to promote children's and youth reading.

Ключевые слова: сотрудничество публичных библиотек и образовательных учреждений, образовательные технологии, библиотека виртуальных путешествий, продвижение детского и юношеского чтения.

Key words: the cooperation between public libraries and educational institutions, the educational technologies, the library of virtual travels, the promoting of children's and youth reading.

Согласно исследованиям в области культуры чтения, повсеместно в мире наблюдается снижение интереса к чтению. Причинами этого кризиса и, как следствие, падения грамотности населения принято считать мировую глобализацию, бесплатный доступ к электронным изданиям в сети Интернет, деградацию модели книжной торговли, сформированной в советские годы, а также отсутствие системы навигации в документальном потоке, особенно в потоке детской и юношеской литературы. В соответствии с распоряжением Правительства РФ от 3 июня 2017 г. №1155-р: «Поддержку и развитие детского и юношеского чтения необходимо рассматривать как приоритетное направление в культурной и образовательной политике государства, имеющее важнейшее значение для будущего страны»¹. Как видим, проблема детского и юношеского чтения остаётся актуальной и требует постоянного мониторинга для выработки системы факторов оценки и комплексов программ по предотвращению дальнейшего спада интереса к чтению.

Фундаментом детского образования является классическая художественная, учебная и научно-популярная литература, предрасположенность к которой формируется у детей с самых ранних лет как в семье, так, в равной степени, и в образовательных учреждениях. Однако за последние несколько лет восприятие детьми и юношеством книги претерпело весомые изменения. В статье И. Шутовой «В фокусе: Детское и юношеское чтение»², передающей основное содержание научно-практической конференции в Москве в Доме русского зарубежья им. Александра Солженицына (тема: «Программа поддержки и развития детского и юношеского чтения: проблемы и перспективы»)

присутствует отсылка к выступлению В.П. Дёмина, академика, секретаря отделения образования и культуры Российской академии наук, согласно которому в школьной программе существует большая проблема преподавания дисциплин: «программа предусматривает прохождение, а не изучение материала», что подразумевает поверхностное изучение основ общеобразовательной программы. Отчасти из-за этого, по мнению В.П. Дёмина, проблемы с русской речью и русским языком приобретают национальный масштаб: должны быть созданы условия для продвижения чтения, особенно по направлению изучения языка.

Встает вопрос, какие технологии использовать в привлечении современного юного читателя, какие мероприятия на базе публичных библиотек можно проводить, основываясь на программе образовательных учреждений, для достижения обоюдной цели поддержания культуры чтения. Согласно последним тенденциям педагогической практики, учителя всё чаще опираются на принцип визуализации в прохождении нового материала, особенно в младших классах. На основе исследований С.В. Арановой³ и Т.Н. Жуковой, преобразование текста учебных материалов в графическую форму, путём составления таблиц, диаграмм и макетов улучшает зрительное восприятие информации и выполняет сразу несколько задач:

1. обеспечение интенсификации обучения;
2. активизация учебной и познавательной деятельности;
3. формирование и развитие критического и визуального мышления⁴.

¹ Концепция программы поддержки детского и юношеского чтения в РФ : Распоряжение Правительства РФ от 3 июня 2017 года №1155-р. URL: http://mcbs.ru/files/2017/programma_chteniya/Kontseptsiya.pdf (дата обращения: 06.12.2018).

² Шутова, И. В фокусе: Детское и юношеское чтение [Текст] / И. Шутова // Современная библиотека. – 2018. – №1. – С. 62-65.

³ Аранова, С. В. К методологии визуализации учебной информации. Интеграция художественного и логического [Электронный ресурс] / С. В. Аранова. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/k-metodologii-vizualizatsii-uchebnoy-informatsii-integratsiya-hudozhestvennogo-i-logicheskogo> (дата обращения: 08.12.2018).

⁴ Жукова, Т. Н. Роль визуализации в школьном образовании [Текст] / Т. Н. Жукова // Санкт-Петербургский обра-

Особую роль в учебно-воспитательном процессе играют визуализация и интерактивность, направленные на развитие коммуникативных навыков, творческого мышления и активное взаимодействие всех субъектов, учащихся или студентов, как, например, участие в совместной проектной деятельности или настольной бизнес-игре. Внедрение интерактивных педагогических технологий, которые ориентированы, в первую очередь, на дополнительное образование, только начинается в системе образования. Эти технологии включают: дискуссионные, тренинговые и игровые, а также технологии творчества⁵.

В «Основах государственной культурной политики» заявляется о необходимости «принятия мер по возрождению интереса к чтению», «расширению доступности для граждан произведений классической и современной отечественной и мировой литературы, детской литературы, произведений, созданных на языках народов России», и ставится задача «сохранения библиотек как общественного института распространения книги и приобщения к чтению, принятия мер по модернизации их деятельности»⁶. В современных отечественных библиотековедческих исследованиях развивается утверждение о том, что именно библиотеки являются основным звеном в структуре культурного и человеческого капитала⁷.

В то время как в некоторых публичных библиотеках эти методики и инструменты включены в повседневную деятельность.

Так, например, благодаря московскому проекту по реновации библиотек «Точки роста», большинство культурно-досуговых учреждений стали учебно-медийными центрами, в которых пользователи получили возможность приобщиться к актуальным информационным потокам и развить навыки, необходимые в глобализованном мире. Интеллектуальные способности, нейротестирование, цифровые навыки, компетенции и профессии будущего, «умные» среды для «умных» городов, бизнес-эрудиция – неполный перечень того, что стало доступным в библиотеках нового формата, одной из которых, по праву, можно считать SMART-библиотеку.

Основная из миссий SMART-библиотеки это популяризация чтения через разработку междисциплинарной научно-методической программы по дополнительному образованию, которая поможет «закрепить» учащимся новый материал благодаря инновационным технологиям, интерактивным мастер-классам или настольным играм.

Примеры образовательных услуг SMART-библиотеки достаточно наглядны:

1. Настольная игра «Мир профессий будущего». Как было указано выше, одна из наиболее эффективных методик знакомства с новым материалом является игра. В SMART-библиотеке каждую среду для всех желающих и во время экскурсий с учащимися 8-9 классов проводится настольная профориентационная игра «Мир профессий будущего», разработанная на основе «Атласа профессий будущего» Агентством стратегических инициатив (АСИ) и бизнес-школой «Сколково». Участники игры получают представление о траектории развития рынка труда в ближайшем будущем, спектре необходимых надпрофессиональных навыков для успешной работы и новых информационных технологий, оценивают перспективность той или иной профессии и формируют отношение к школе, как к трамплину во взрослую жизнь.

2. «Библиотека виртуальных путешествий». В ней создана уникальная площадка, позволяющая смотреть фильмы VR-360. Коллекция виртуальных образовательных экскурсий, созданных Департаментом образования города Москвы, включает следующие направления: «Москва многоконфессиональная», «Биоразнообразие Москвы», «Электроэнергетика Москвы», «Освоение космоса», «Москва Серебряного века».

Включение виртуальных путешествий VR-360 в работу городских библиотек способствует расширению их возможностей для всех возрастных групп населения: школьников, их родителей и представителей старшего поколения. Технологии виртуальной реальности позволяют учителям проводить урок на базе библиотеки, используя дополнительный материал с наглядными примерами, что способствует быстрому освоению материала учащимися и приобщению к культуре чтения.

3. Комикс-центр. Представляет в открытом доступе коллекцию из 2000 комиксов краудфандингового проекта «Соберем библиотеку комиксов». Центр культуры комиксов организует различные активности: интерактивные лекции, встречи, мастер-классы, используя современные мультимедийные технологии. Сегодня Комикс-центр это коллекция графических романов, где любой найдет произведение по вкусу: в фонде есть издания на основе классических произведений (Гюго В. «Собор Парижской Богоматери», Брэдли Р. «451° по Фаренгейту»), биографии великих художников (Сальва Р. «Моне. По ту сторону холста»), комиксы

зовательный вестник. – 2016. – №1. URL: <https://cyberleninka.ru/article/v/rol-vizualizatsii-v-shkolnom-obrazovanii> (дата обращения: 06.12.2018).

⁵ Швецова, И. В. Интерактивные педагогические технологии в системе дополнительного образования / И. В. Швецова // Труды Санкт-Петербургского государственного института культуры. – 2013. – С. 324-331.

⁶ . Указ Президента РФ от 24 декабря 2014 г. № 808 «Об утверждении Основ государственной культурной политики» [Электронный ресурс]. – Режим доступа : <http://base.garant.ru/70828330/#ixzz5S1uwjPU2/>.

⁷ Шлыкова, О. В. Библиотечное дело: инвестиции в человеческий капитал / О. В. Шлыкова // Вестник культуры и искусств. – 2018. – № 3 (55). – С. 25–32; Никонова Е.В. Устойчивое развитие культурного и человеческого капитала: роль библиотек и ее оценка// Библиотековедение. – 2017. – Т.66. – №1. – С.19-28.

о супергероях, а также образовательные графические романы по алгебре, физике, экономике и другим дисциплинам.

Так, SMART-библиотека заняла активное место в обмене опытом с образовательными учреждениями района Крылатское, она также приглашает школы с экскурсиями из Калуги, Коломны, Домодедово и других городов Подмосковья [Таблица 1]:

Таблица 1

Направления сотрудничества SMART-библиотеки с образовательными учреждениями

Учреждение и класс	Дата	Программа посещения	Количество посетителей
Центр образования №1471	03.09.2018	Посещение школы в рамках городской акции «Первоклассный читатель». Презентация библиотеки, викторина.	98
ГБОУ Школа №1440, 2 класс	12.09.2018	Экскурсия: «Привет, библиотека!»	34
ГБОУ Школа №1440, 9 класс	14.09.2018	Настольная игра «Мир профессий будущего», ознакомление с «Библиотекой виртуальных путешествий».	28
ГБОУ Школа №1593, 3 класс	18.09.2018	Библиотечный урок: библиотека, электронный каталог, расстановка книг по системе ББК.	27
Московская экономическая школа, 9 класс	24.09.2018	Экскурсия по библиотеке, игра «Мир профессий будущего».	29
ГБОУ Школа №1120, 2 класс	26.09.2018	Экскурсия «Привет, библиотека!», литературные игры.	25
ГБОУ Школа №1471, 3 класс	27.09.2018	Экскурсия «Привет, библиотека!», квест «Библиотека тайн и приключений».	29
Все школы района Крылатское	29.09.2018	Районный конкурс по скорочтению «Юный интеллектуал 2018».	56
ГБОУ Школа №1371, 4 класс	03.10.2018	Экскурсия «Знакомство с библиотекой».	29
ГБОУ Школа №1371, 3 класс	05.10.2018	Квест «Библиотека тайн и приключений».	33
Школа ЭУК "Развитие", 8 класс	15.10.2018	Лекция «Сатира в русских комиксах».	24
ГБОУ Школа №1593, 2 и 3 классы	17.10.2018	Квест «Библиотека тайн и приключений».	54
Школьники города Калуги (6, 7, 8 классы)	01.10.2018, 17.10.2018, 25.10.2018	Экскурсия по библиотеке, ознакомление с «Библиотекой виртуальных путешествий».	97

Таким образом, сразу после официального открытия Библиотека начала приглашать школы и проводить экскурсии, лекции и настольную игру «Мир профессий будущего», строго ориентируясь на своего юного адресата: для учащихся начальной школы SMART-библиотека проводит квесты, литературные конкурсы и игры, а для средней и старшей школы профориентационные мастер-классы.

Надо отметить, что при некорректном использовании средств визуализации и при подаче информации в готовом виде, дети перестают критически мыслить и анализировать материал. Именно поэтому требуется усиление интеграции библиотек и образовательных учреждений. Тенденция перекладывать материал урока на презентации нередко приводит к бездумному скачиванию этой презентации у учителя без последующего осмысления информации. Постоянное «пролистывание» комиксов о супергероях представляет исключительно досуг, но не самообразование.

Сейчас перед публичными библиотеками и образовательными учреждениями стоит важная задача разработки единой концепции просвещения в

широком смысле, при которой сложные моменты в новом материале будут наглядно представлены с помощью виртуальных экскурсий или интерактивных занятий для развития моментального анализа ситуации.

Весь этот дополнительный материал будет дан в виде рекомендательного списка литературы или ссылок для ознакомления в библиотеке нового типа — многофункциональном учебно-медийном центре, где фактически в потоке образовательной литературы читатель будет получать доступ к базам данных и виртуальным экскурсиям для успешного выполнения домашнего задания и проектов. И ядром такого центра выступает «менеджер знания» — библиотекарь, выполняющий миссию просветителя, который не только интегрирует потоки разных типов информации (в том числе и учебной), но и выступает координатором гуманитарных исследований и проектных практик, в т.ч. онлайн-взаимодействия современных пользователей. Это значительно расширяет спектр библиотечных благ — от консультирования, профессиональной цифро-

вой грамотности, доступа к электронным хранилищам, поиску информации, менеджмента цифровых проектов до продвижения и маркетинга результатов собственно библиотечно-библиографической и шире – образовательной деятельности.

В этом смысле нельзя не согласиться с исследователями относительно того, что «для современных стратегов сферы культуры важно увидеть библиотеку в широком контексте социоэкономических трансформаций. Только такой взгляд позволит провести эффективную модернизацию всей вертикали библиотечного хозяйства – от подготовки кадров до получения уникального библиотечного продукта, востребованного потребителем будущего»⁸.

Справочная литература

1. Концепция программы поддержки детского и юношеского чтения в РФ : Распоряжение Правительства РФ от 3 июня 2017 года №1155-р. URL: http://mcbs.ru/files/2017/programma_chteniya/Kontseptsiya.pdf (дата обращения: 06.12.2018).
2. Шутова, И. В фокусе: Детское и юношеское чтение [Текст] / И. Шутова // Современная библиотека. – 2018. – №1. – С. 62-65.
3. Аранова, С. В. К методологии визуализации учебной информации. Интеграция художественного и логического [Электронный ресурс] / С.

В. Аранова. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/k-metodologii-vizualizatsii-uchebnoy-informatsii-integratsiya-hudozhestvennogo-i-logicheskogo> (дата обращения: 08.12.2018).

4. Жукова, Т. Н. Роль визуализации в школьном образовании [Текст] / Т. Н. Жукова // Санкт-Петербургский образовательный вестник. – 2016. – №1. URL: <https://cyberleninka.ru/article/v/rol-vizualizatsii-v-shkolnom-obrazovanii> (дата обращения: 06.12.2018).

5. Швецова, И. В. Интерактивные педагогические технологии в системе дополнительного образования / И. В. Швецова // Труды Санкт-Петербургского государственного института культуры. – 2013. – С. 324-331.

6. Шлыкова, О. В. Библиотечное дело: инвестиции в человеческий капитал / О. В. Шлыкова // Вестник культуры и искусств. – 2018. – № 3 (55). – С. 25–32;

7. Никонорова Е.В. Устойчивое развитие культурного и человеческого капитала: роль библиотек и ее оценка // Библиотековедение. – 2017. – Т.66. – №1. – С.19-28.

8. Указ Президента РФ от 24 декабря 2014 г. № 808 «Об утверждении Основ государственной культурной политики» [Электронный ресурс]. – Режим доступа : <http://base.garant.ru/70828330/#ixzz5S1uwjPU2/>.

*Мусинова Ирина Александровна,
ассистент кафедры востоковедения
Михеев Владимир Андреевич
студент*

ФГАОУ ВО «УрФУ имени первого Президента России Б.Н. Ельцина»

АНАЛИЗ ТВОРЧЕСТВА КИНОРЕЖИССЕРА РЕСПУБЛИКИ КОРЕЯ КИМ КИ ЁНА (1919-1998) НА ПРИМЕРЕ ФИЛЬМА «СЛУЖАНКА» (1960)

*Musinova Irina Aleksandrovna,
Assistant of the Department of Oriental Studies
Mikheev Vladimir Andreevich
student*

FSAEI of HE "Ural Federal University named after the first President of Russia B.N. Yeltsin "

ANALYSIS OF THE ARTWORK OF THE FILM DIRECTOR OF THE REPUBLIC OF KOREA KIM KI YOUNG (1919-1998) ON THE EXAMPLE OF THE FILM "THE HOUSEMAID" (1960)

Аннотация: В данной работе рассмотрено творчество одного из наиболее влиятельных режиссеров Республики Корея времен «золотого периода» южнокорейского кинематографа – 1960-ых годов XX столетия. В основу данной статьи положен обзор самого значительного его произведения – фильма «Служанка» 1960 года. Рассмотрен жизненный путь режиссера. Проанализирован творческий стиль, который применялся Ким Ки Ёном при создании своих работ. Дана оценка его влиянию на дальнейшее развитие южнокорейского кинематографа.

Summary: This paper describes the work of one of the most influential directors of the Republic of Korea during the "golden period" of South Korean cinema - the 1960s of the 20th century. This article is based on a review of his most significant work, The Housemaid of 1960. The biography of the director is also analyzed. Research has been also done on the creative style that was used by Kim Ki-Young for creation of his works. An assessment of its influence on the further development of South Korean cinema is given.

⁸ Шлыкова, О. В. Библиотечное дело: инвестиции в человеческий капитал / О. В. Шлыкова // Вестник культуры и искусств. – 2018. – № 3 (55). – С. 32.

Ключевые слова: Кинематограф, культура, Республика Корея, востоковедение, восточная культура, современная культура Востока.

Keywords: Cinematography, culture, Republic of Korea, Oriental studies, Eastern culture, Modern culture of East

Перед тем, как перейти к рассмотрению творчества данного режиссера, стоит в общих чертах осветить его биографию.

Ким Ки Ён (1919-1998) родился в Сеуле, во времена, когда Корея находилась в оккупации Японии. Несмотря на то, что в официальных документах его дата рождения обозначена 1919 годом, сам он утверждал, что был рожден в 1922 году.

Уже в молодости Ким Ки Ёна начинает интересоваться киноискусством, но в то время он имел и еще одно увлечение: в юности он изучал стоматологию, однако, медицинского образования будущий режиссер не получил – ему не удалось пройти отбор в медицинский институт.

Уже в национальной старшей школе Пхеньяна Ким Ки Ён продемонстрировал свои довольно разнообразные таланты: так, например, за свой интерес к наукам он получил титул «Профессор физики», а также он был увлечен поэзией, и одна из его работ была опубликована в японской газете.

После этого, в 1940 году, будущий режиссер отправился в Японию, планируя работать и откладывать деньги для повторной попытки поступления.

Находившись в другой стране, он часто посещал различные сценические постановки и нередко ездил в Киото, где видел множество зарубежных картин.

В особенности на него повлияли следующие картины: мелодрама Джозефа фон Штернберга «Марокко» (1930) и триллер под названием «М» за авторством Фрица Ланга, созданный в 1931 году. Эти произведения оказали сильное влияние на творчество будущего режиссера.

По возвращению в Корею в 1941 году Ким Ки Ён планировал устроиться на работу дантистом, однако вместо этого им было принято решение посвятить себя изучению искусства драматургии. В те времена его в особенной степени интересовали театральное искусство Древней Греции, творчество Юджин О'Нила и Генрика Ибсена. Ким возвращается в Пхеньян, где им была изучена так называемая «система Станиславского».

Так, на момент начала Корейской войны Ким Ки Ён работал интерном в Клинике Сеульского Университета. Именно с этим конфликтом и было связано «попадание» будущего режиссера в мир кино.

Так, по утверждениям некоторых южнокорейских кинокритиков, Корейская война (1950-1953) дала возможность войти в мир кино Ким Ки Ёну, который в противном случае завершил бы свою карьеру как второсортный постановщик пьес.

И действительно: оказавшись в Пусане в 1951 году, Ким Ки Ён знакомится с знаменитым в те времена драматургом О Ён Джингом, через которого он и «попадает в мир» кинематографа.

Изначально он всего лишь помогает О Ён Джину создавать выпуски новостей, но уже в это время он проявляет способность создавать пьесы одновременно с работой на Новости Национальной обороны.

Чуть позднее будущий режиссер присоединяется к Информационной службе США (ЮСИС), где и получает возможность полноценно обучиться искусству написания сценария, съемок, а также овладеть навыками продюсера.

Уже после окончания Корейской войны, в 1955 году, Ким Ки Ён создает свое первое художественное произведение – триллер «Коробка смерти» антикоммунистической направленности, пропагандистская лента, сделанная режиссером по заказу Информационной службы США.

Тем не менее, «прорывным» для режиссера становится именно 1960 год, когда свет увидела его самая знаменитая и высоко оцененная работа – «Служанка».

В ней Ким Ки Ён впервые показал одну из основных черт своего стиля – смешение жанров ужасов и мелодрамы, присутствие «роковой женщины» крайне нетипичного архетипа для корейского кинематографа тех времен.[1, с.116]

Такой смелый эксперимент со стороны режиссера стал возможен лишь потому, что в этот год страна была погружена в пучину социального хаоса – президент Ли Сын Ман был свергнут в результате Апрельской революции, и на время государственная цензура была ослаблена, чем и воспользовались многие деятели искусства.

«Служанка» 1960 года же продемонстрировала авторский стиль Ким Ки Ёна, который представляет собой смешение жанров ужасов и мелодрамы. Еще одним типичным элементом для фильмов данного режиссера является наличие архетипа «роковой женщины» и семьи среднего класса, которая будет разрушена её действиями.

Стоит отметить, что для корейской культуры данный тип персонажа не является полностью неизвестным. Он был «введен в оборот» ещё в период государства Чосон.

Так, он использовался ещё в романе писателя Ким Ман Джуна (1637-1692) «Скитания госпожи Са по югу», где рассказывается о семье Лю. Из-за действий «недобродетельной» наложницы семья также оказывается на грани распада.

Тем не менее, подход к восприятию основного конфликта у Ким Ман Джуна и Ким Ки Ёна различается. В «Служанке» нет ни «добродетельных», ни ярко выраженных «негативных» персонажей.

В «Скитаниях госпожи Са по югу» главные герои также максимально пассивны, и не стремятся отомстить за свою честь или хотя бы защитить себя так как это считается «недостойным». Протагонисты могут лишь принимать помощь: так, к госпоже

Са во сне приходят покойные родители, которые дают ей советы по выходу из тех или иных ситуаций [2, с.188].

Отношение Ким Ки Ёна к понятию «мечь» оказывается также куда более сложным. Намерение служанки восстановить своё достоинство не осуждается им прямо, но и не поощряется. Она, как и члены семьи, является лишь заложницей сложившейся в обществе ситуации.

Таким образом, можно утверждать, что в данной картине есть и социальный посыл – своего рода «протест» против стремительного изменения традиционного корейского общества и семьи на западный манер, что, по мнению автора, приводило к разложению нравов, что и продемонстрировано в фильме. [3, с. 25].

Сюжет же картины повествует о распаде семьи композитора Ким Донг Сика из-за вторжения в нее «роковой женщины» – служанки Менг Сук, которая соблазняет мужа и становится беременной от него.

Жена композитора угрозами заставляет горничную спровоцировать выкидыш, упав с лестницы, после чего та начинает мстить семье, убивая сначала сына семьи, а потом совершая двойное самоубийство вместе с Донг Сиком, принимая вместе с ним крысиный яд.

При этом стоит отметить, что, по сути, картина является замкнутой: в самом начале композитор зачитывает аналогичную историю из газеты своей жене, а в конце кинокартины он вновь возвращается к ней, давая зрителю понять, что все увиденные им события не происходили в реальности фильма.

После этого Донг Сик напрямую предупреждает смотрящего картину человека о том, что подобную ошибку в настоящее время может совершить каждый, тем самым будто бы показывая «разложение» нравов в обществе.

По сути, фильм «Служанка» является отражением социальной и экономической нестабильности эпохи индустриализации в Республике Корея, в которую жил Ким Ки Ён, которую он решил осветить, показав разложение нравов типичной южнокорейской семьи среднего класса тех времен. [4, с.23]

Стоит отметить, что добиться донесения этого смысла режиссеру помогали даже такие приемы, как игра со светом или расстановка объектов в каждой отдельной сцене.

Таким образом, можно говорить о том, что этот фильм отражает корейский культурный код того периода. Для среднего класса важно обладание материальными ценностями: домами, телевидением, горничными – это все важная часть этого кода.

В то же время вместе с этими характеристиками также развивались и темные, гротескные элементы. Эти темные и гротескные элементы хорошо показаны в «Служанке».

Дом, в котором живет семья, полон темных, затененных мест. Горничная воспринимается семьей презрительно – ее изоляция показана, когда Донг

Сик закрывает дверь кухни прямо перед ней. Крутопадающие углы съемки семьи показывают их будто погребенными в пространстве собственного дома».

По сути, фильм изображает семью в нетипичном свете для азиатского кино, для которого данная ячейка общества в кино, особенно в жанре мелодрамы, является чем-то незбылемым и первостепенным.

Ким Ки Ён же искажает этот шаблон, показывая, как эта единица, в теории устойчивая, может распасться под давлением обстоятельств, также ведомая собственными эгоистическими инстинктами.

Он также и отражает атмосферу того времени, показывает его общие социальные тенденции: переход к западному образу жизни, отказ от традиционного, который приводит к упадку нравов, постепенное изменение социальных ролей мужчины и женщины.

Главная заслуга режиссера Ким Ки Ёна состоит в том, что он и был одним из тех режиссеров, которые создали жанр «корейского авторского кино» в шестидесятые годы двадцатого века.

Он показал, что авторы кинокартин в подобном стиле должны обладать смелостью, собственным видением того, каким должно быть кино, уметь выражать свои идеи через образы и не бояться идти на эксперименты. По утверждению некоторых исследователей, работы Ким Ки Ёна позднее даже стали культовыми в Республике Корея. [5, с.87]

Идеи Ким Ки Ёна прослеживаются во многих более поздних кинопроизведениях различных южнокорейских кинотворцов. Одним из самых ярких тому примеров можно считать кинопроизведение «Олдбой» 2003 года, одну из самых массовых корейских кинолент двадцать первого века.

Так, при бюджете в 3 миллиона долларов, в мировом прокате им было собрано более 14, что было довольно неплохим результатом для Республики Корея тех времен.

Ее автор – Пак Чхан Ук заявлял, что «Служанка», вышедшая в 1960 г., является его любимым фильмом, а о самом же режиссере он отзывался следующим образом: «Он способен найти и запечатлеть красоту в разрушении, юмор в насилии и терпоре».

В фильме «Олдбой» 2003 года прослеживается явное влияние работ Ким Ки Ёна – там так же имеются угнетение, невозможность терпеть несправедливость, которая сочетается с невозможностью возмездия, скрытый праведный гнев, неоднозначность и «многомерность» героев – в фильме также невозможно точно сказать, кто из персонажей является «плохим», а кто является «хорошим».

Главный герой картины – О Дэ Су, в самом её конце вынужден отрезать себе язык, оказавшись не в силах убить своего противника, который и сам лишь осуществлял мечь.

Также примечательно то, что Пак Чхан Ук при съемке использует стилистические приемы, аналогичные тем, которые применял Ким – долгие

планы, специфическая расстановка объектов в пространстве и малое количество света.

Стоит также упомянуть и тот факт, что по утверждению самого Пак Чхан Ука, его другая работа – фильм ужасов «Жажда», в некоторых элементах напрямую цитирует фильм «Служанка» 1960 года.

К тому же, в кинокартине «Сочувствие госпоже Месть» 2005 за его авторством также присутствует архетип «роковой женщины», правда в этот раз являющийся положительным персонажем.

Так, главная героиня, Кым Чжа, являет собой сильную и независимую женщину, которая холодно-кровно мстит виновным в её разлуке с дочерью и продолжительным тюремным заключением за то, чего она не совершала. [6, с. 50]

В 2013 году был создан американский ремейк этого фильма, в съемках которого приняли участие такие актеры, как: Сэмюэл Джексон, Элизабет Олсен и Джош Бролин. Тем не менее, американская версия получила крайне смешанные отзывы, к тому же провалившись в прокате.

Стоит рассмотреть другого режиссера, который признавал огромное влияние Ким Ки Ёна на свое творчество – Пон Чжун Хо, который снял один из самых кассовых южнокорейских фильмов – «Монстр» 2006 года выпуска, а также «Сквозь снег», который вышел в 2013 году. Он признавал, что Ким Ки Ён – его любимый режиссер, фильмы которого оказали на него огромное влияние.

В фильме «Монстр» действительно прослеживается влияние режиссера Ким Ки Ёна. Так, этот фильм, являясь голливудским блокбастером, в то же самое время содержит в себе политический и социальный подтекст на положение дел в Республике Корея.

Им Сан Су – еще один корейский режиссер, на которого повлияло творчество Ким Ки Ёна. В 2010 году он выпускает ремейк фильма «Служанка» 1960 года, который удостоился положительных оценок критиков и зрителей, а также был номинирован на «Пальмовую ветвь» на Каннском кинофестивале. Также он был коммерчески успешен и стал десятым по посещаемости фильмом в Республике Корея за 2010 год.

«Служанку» 2010 года, тем не менее, сложно назвать полной копией фильма 1960 года, по утверждениям некоторых критиков данная кинокартина лишь составлена из элементов оригинального фильма, но сами эти элементы изменены.

Так, сама по себе «горничная» теперь является не столько жертвой обстоятельств, сколько сама

выступает в роли мстителя. Также фильм 2010 года является и социальной сатирой – в нем отображена жизнь типичной обеспеченной корейской семьи, со всеми пороками, которые в ней присутствуют: жадностью, высокомерием и ложью.

В целом, можно говорить о том, что Ким Ки Ён является значимой фигурой в корейском кинематографе двадцатого века, одним из тех, кто и создал жанр «корейского авторского кино».

Он, совместно с другими режиссерами «золотого периода», стремился уйти от банальности коммерческого кино и пропагандистских лент, вырабатывая уникальный стиль. [7, с. 42] Его работа «Служанка» 1960 года, как уже было сказано выше, признается одним из лучших южнокорейских фильмов, когда-либо созданных.

Его творчество в целом оказало значительное влияние на таких южнокорейских режиссеров, как Пак Чхан Ук, Пон Чжун Хо, Им Сан Су и Ким Ки Дука, авторству которых принадлежат самые массовые и узнаваемые за рубежом кинопроизведения Республики Корея – «Монстр», «Олдбой», «Сочувствие госпоже мести» и многие другие.

В этих фильмах прослеживаются элементы, позаимствованные у Ким Ки Ёна – архетип «роковой женщины», глубокий психологический и социальный подтекст, смешение жанров.

Литература

1. Frances Gateward. *Seoul Searching: Culture and Identity in Contemporary Korean Cinema*. N.Y.: State University of New York Press, 2007. – 315 p.
2. Ким Манчжун. Сон в заоблачных высях/пер. с кит. и кор. А.Ф.Троцевич. СПб.: Гиперион, 2010 – 288 с.
3. Alison Peirse, Daniel Martin. *Korean Horror Cinema*. Edinburgh University Press, 2013. – 256 p.
4. Nohchool Park. *A Cultural Interpretation of the South Korean Independent Cinema Movement, 1975-2004*. University of Kansas, 2009. – 229 p.
5. Soo Jeong Ahn. *The Pusan International Film Festival, South Korean Cinema and Globalization*. Hong Kong University Press, 2011. – 232 p.
6. Шайдулина М.В. Феномен эстетизированной жестокости в современном южнокорейском кинематографе как отражение национально-культурной идентичности. // Вестник государственного Томского университета. Культурология и искусствоведение. 2017 №25. С. 44-53.
7. Brian Yecies, Aegyung Shim. *The Changing Face of Korean Cinema: 1960 to 2015*. NY: Routledge, 2016. – 305 p.

ФИЛОСОФСКИЕ НАУКИ

Баев Валерий Григорьевич

*Заведующий кафедрой трудового и предпринимательского права
Юридического института
Тамбовского государственного технического
университета
доктор юридических наук, профессор*

ФИЛОСОФ НА СЛУЖБЕ ПРАВИТЕЛЯ: О КАРЛЕ ШМИТТЕ И ФЕНОМЕНЕ ГИТЛЕРА В ИСТОРИИ ГЕРМАНИИ: ПОПЫТКА ЛИТЕРАТУРНОГО САМОПОЗНАНИЯ

Valery G. Baev

*Head of the Department of labor and business law
law Institute
Tambov state technical University
University's
doctor of law, Professor*

A PHILOSOPHER IN THE SERVICE OF THE RULER: ON CARL SCHMITT AND THE PHENOMENON OF HITLER IN THE HISTORY OF GERMANY: THE ATTEMPT OF THE LITERARY SELF-DISCOVERY

Аннотация: в настоящей статье представлен материал, показывающий попытки немецкого философа и правоведа Карла Шмитта, обращаясь к литературным образам, найти оправдание своей службы нацистскому режиму. Впервые Шмитт позиционировал себя в национал-социалистских дебатах как сторонник тоталитарного государства в книге «Левиафан в учении Томаса Гоббса о государстве». Начиная с 1933 г., Шмитт буквально и публично высказывался в пользу пришедшего к власти национал-социализма. Творческая лаборатория К. Шмитта напоминает вырубленные глубоко под землей шахтные туннели, в конце которых стоят рядом две фигуры: Ф. Шиллер и А. Гитлер. Шмитт никогда не разделял классических канонов буржуазного образованного общества. В то же время книгой о Левиафане, написанной в 1938 г., он четко и доступно (экзотерически) аргументировал свои соображения о недопустимости «тоталитарного государства». С другой стороны, используя эзотерический язык, говорил о необходимости использования политического мифа как инструмента объединения общества. С помощью мифа государство может достигать того, что не удалось сделать мечом: завоевать веру управляемых.

Abstract: the article presents the material showing the attempts of the German philosopher and jurist Carl Schmitt to find the justification of his service to the Nazi regime by referring to literary images. For the first time, Schmitt positioned himself in the national socialist debate as a supporter of the totalitarian state in the book "Leviathan in the teachings of Thomas Hobbes about the state." Beginning in 1933, Schmitt literally and publicly spoke in favor of national socialism that came to power. Creative laboratory K. Schmitt looks like a mine tunnel cut down deep underground, at the end of which there are two figures: Hitler and Schiller. Schmitt never shared the classical canons of a bourgeois educated society. At the same time, the book about Leviathan, written in 1938, he clearly and clearly (exoterically) argued his views on the inadmissibility of "totalitarian state". On the other hand, using esoteric language, he spoke about the need to use political myth as a tool to unite society. Using the myth the government can achieve what was not able to make a sword: to win the faith of the governed.

Ключевые слова: Германия, философия права, Карл Шмитт, Коммерел, Шиллер, Гитлер, Левиафан, духовно-историческая панорама

Key words: Germany, philosophy of law, Karl Schmitt, Comerel, Schiller, Hitler, Leviathan, spiritual and historical panorama

Актуальность темы исследования. Карл Шмитт – фигура само по себе интересная. И не только в философском смысле. Он родился в самом конце XIX века и захватил большую часть века двадцатого. Прежде чем я начат проникновение в мыслительную сферу Карла Шмитта, необходимо рассказать о нем самом. Он заслуживает этого.

Левиафан – это политический символ. О «смысле и неудаче» этого символа правовед К.

Шмитт написал известную книгу «Левиафан в учении Томаса Гоббса о государстве» [7]. Данным произведением К. Шмитт (1888-1985) позиционировал себя в национал-социалистских дебатах о тоталитарном государстве.

На какой стороне баррикад тогда стоял он, не ясно, поскольку до сих пор не прекращаются споры о его политических пристрастиях - двойственность была естественным признаком его натуры. В условиях политической цензуры и преследований

Шмитт, один из влиятельнейших академических сподвижников прихода Гитлера к власти [10, с.197], вынужден был играть на различиях между экзотерическими (общепонятными, популярными) высказываниями и экзотерическим (для посвященных в его тайну) значением его произведений. Начиная с 1933 г., Шмитт буквально и публично высказывался в пользу пришедшего к власти национал-социализма. В то же время книгой о Левиафане, написанной в 1938 г., он четко и доступно (экзотерически) аргументировал свои соображения о недопустимости «тоталитарного государства». С другой стороны, используя экзотерический язык, говорил о необходимости использования политического мифа как инструмента объединения общества. С помощью мифа государство может достигать того, что не удалось сделать мечом: завоевать веру управляемых. Позднее Шмитт предпринимал и экзотерическую критику национал-социализма. В 1938 г. он написал, но не опубликовал предупреждение читателям: «Осторожно, мой дорогой, - пишет он. - Книга эта насквозь экзотерическая, и ее экзотерика растет в той степени, с какой ты углубляешься в книгу. Лучше не брать ее в руки!» [5, с. 217]. Этой литературной фикции Шмитт дал имя «Бенито Серено», литературного героя прикованного на взбунтовавшемся судне капитана из новеллы американского писателя Германа Мелвилла (1819-1891), через образ этого героя Шмитт отразил свою собственную роль при национал-социализме.

Творческая лаборатория К. Шмитта напоминает вырубленные глубоко под землей шахтные туннели, в конце которых стоят рядом две фигуры: Ф. Шиллер и А. Гитлер. Шмитт никогда не разделял классических канонов буржуазного образованного общества; и после 1945 г. он думал о Гитлере и национал-социализме совсем по-другому, нежели современная ему историография ФРГ⁹.

После 1945 г. Шмитт использовал два способа трактовки национал-социализма: историко-правовой и историко-духовный. Комментарий к ним можно найти в его многослойных, многозначных зарисовках, которые появились в печати в 1991 г. (после его смерти) под названием «Глоссарий». Первое ключевое понятие его методологии – легальность, второе – гениальность. Вместе они позволяют дать полный ответ на вопрос о причинах фашизации Германии.

К методу историко-правовой дедукции (вывод по правилам логики) национал-социализма Шмитт прибегает в различных вариантах [11], отмечая при этом трансформацию правового понятия в антитезу легальности и легитимности; последнее служит ему ключом для понимания причин и обстоятельств гибели Веймарской республики (вплоть до «легальной революции» и передачи власти Гитлеру). Шмитт был убежден, что формализация права веймарским юридическим позитивизмом облегчила противоречащую здравому смыслу «легальную»

революцию, которая с точки зрения конституции была легальной, но по своей сущности имела и иные основания легитимности.

Поскольку историко-правовая дедукция не давала «полного ответа», Шмитт имел в запасе второй, историко-духовный метод, использовавшийся им в качестве ключа для понимания «мифа вождя». Для того чтобы ознакомиться во всей полноте со шмиттовским толкованием истории, необходимо использовать материалы его наследия. Анализ историко-духовного способа трактовки истории Карлом Шмиттом – задача данной статьи.

Объектом научного интереса является осмысление Шмиттом феномена Гитлера через трактовку Шиллера крупным ученым-филологом Максом Коммереллом. Созданный им образ характеризовался двумя моментами: во-первых, отходом от чисто моралистического описания Шиллера (что соответствовало духу либерального просвещенного бюргерства); и, во-вторых, осовремененным отношением к Шиллеру, творчество которого стало для Шмитта зеркалом его собственной проблематики. После Второй мировой войны философ размышлял о трагике человеческих поступков с опорой на Шиллера. Незаконченный фрагмент Шиллера о Димитрии Самозванце (1804-1805 гг.), смелый драматический проект, явился для Шмитта материалом, с помощью которого он объяснял Гитлера и собственную запутанность жизни. Иначе говоря, точка зрения Коммерелла в отношении Шиллера, которую полностью воспринял и Шмитт, помогла ему уяснить собственную позицию и исследовать гитлеровский феномен.

Шмитт усмотрел в Шиллере тирана «духа». Ему пришлось пересмотреть устоявшиеся взгляды и по-новому осветить свои отношения с поэтом. Как, например, это сделал Томас Манн, говоря о старом Гете или вечно молодом Шиллере. Он отошел от привычных оценок Гете и использовал резко критическую риторику, чтобы по-новому определить гуманитарный масштаб своего времени. В юбилейном году Гете (1949) он заново открыл своего Гете, прославляя его как полубога и как чудовище, как сверхчеловека и как нечеловека. Аналогично Шмитт поставил перед собой задачу в рамках полемики о Шиллере дать новую комплексную картину своего времени.

1. Духовно-историческую панораму Шмитта необходимо исследовать в контексте деятельности кружка Георга: это объединение после 1900 г. являлось настоящей лабораторией внутренней политики Германии. Стефан Георг (1868-1933) – «звезда союза», магистр объединения, приверженец Ницше и Гельдерлина. Георг увидел в фигуре поэта Гельдерлина прорицателя, провозвестника

⁹ В связи с Нюрнбергским трибуналом Шмитт был арестован и допрошен. При допросе в 1947 г. он признался:

«Я интеллектуальный авантюрист». Некоторые придерживаются точки зрения, что в Нюрнберге Шмитт был интернирован и использован в качестве эксперта.

нового времени и констатировал смену эпох – переход от буржуазного века к массовому обществу. Его влияние в ученых кругах было велико, хотя сам Георг не рассматривал себя как ученого. «Как мне представляется, ни один путь не ведет к науке», – говорил он в пику своему ученику по объединению Фридриху Гундольфу (1880-1931). Тем не менее, из его кружка вышли знаменитые ученые. Среди филологов наряду с Гундольфом можно назвать Макса Коммерелла.

Коммерелл родился в 1902 г. в Мюнхене и умер в Марбурге в 1944 г. В конце 20-х гг. он вышел из окружения Георга. Но философы вроде В. Бенямина, М. Хайдеггера или Г.-Г. Гадамера продолжали видеть в нем наиболее выразительного представителя такого понимания литературы, которое репрезентировал кружок. Перед 1933 г. Коммерелл испытывал симпатию к нацистам. С лета 1933 г. однозначно дистанцировался от них.

Близость Шмитта к духовно-историческим взглядам Коммерелла и других членов кружка Георга вытекает из редких ссылок на Гельдерлина, в связи с его рассуждениями о «номосе» как основном понятии права¹⁰, а также в грубых попытках разрушить культ Гете. Как он полагал, образование этих людей, «представителей буржуазной эпохи», уже не отвечает вызовам времени.

Берлинский спор историков вокруг историчности идеальных ценностей привел к внутреннему разброду среди членов кружка. Шмитт принял участие в этих дискуссиях, после 1918 г. обрушившись с уничтожающей критикой на работу Ф. Мейнеке «Идея государственного резона» [9, с.45-52]. Шмитт упрекнул историзм в том, что его представители не воспринимают политические «идеи» в историко-политическом аспекте, между тем данные понятийные образования распознаются только в контексте конкретной ситуации. Столь же радикально он критикует героев немецкого «Просвещения».

Нападки на образованный мир были характерной особенностью кружка Георга до 1914 г.; потом эту манеру перенял веймарский радикализм. Таким образом, кружок разрушал буржуазный эталон образования, лишая его «героев» способности влиять на историю и создавая взамен мифологию, легенды или историю «славы». Наряду с тенденцией монументализации, возвеличивания ученых в кружке Георга действовала и противоположная тенденция, направленная на демонтаж их исторического влияния.

Буржуазному стандарту образования Шмитт противопоставил динамический экспрессионистский антимодернизм и спроецировал его на творчество поэтов, не соответствовавших требованиям его времени. Так, Шмитт возложил на культ Гете ответственность за появление национал-социализма. В «Глоссарии» он приписывает этот специфический взгляд Максу Коммереллу и политическому философу Эрику Фёгелину: «Специфическое новогерманское понятие расы может быть объяснено только культом Гете», – пишет он 21 декабря 1947 г. и протягивает линию от Гете к нацистской элите. А написанную ранее большую монографию Коммерелла о «Поэте как вожде классики», одно из самых известных произведений, вышедших из недр кружка, а также книгу Э. Фёгелина «О расовой идее в духовной истории от Рея до Каруса» Шмитт рассматривает как публикации, содержащие духовно-историческое разъяснение «вождистской роли» Гете в немецкой истории просвещения¹¹.

Знаменитая книга Коммерелла [2] повествует о внутренней истории немецкой классики от Клопштока через Гете и Шиллера к Жану Полю и Гёльдерлину. Книга показывает, как поэты выбирали из своих рядов «путеводную звезду» и «вождей». Повествование начинается с Клопштока, «ученика греков», и «пробуждения» Гете Гердером, продолжается описанием Шиллера как помощника Гете и доходит до Жана Поля и Гельдерлина, которые сами уже выбирали своим вождем не Гете, а Гердера и Шиллера. Книга Коммерелла – история дружеско-вражеского разделения, которая кончается с уходом Гете. Сам Коммерелл не отворачивается от Гете и считает его масштабной личностью.

Шмитт, напротив, обозначает свой резкий поворот от Гете. 17 мая 1948 г. он записывает в «Глоссарии»: «Решающим шагом с началом 20 века можно считать переход от гениальности Гете к гениальности Гельдерлина... «Молодежь без Гете» (название статьи Коммерелла) конкретно означает молодежь с Гельдерлином, то есть переход от оптимистически-иронически-нейтралистской гениальности к пессимистически-активно-трагической гениальности» [10, с. 152]. «Переход» к пессимистическому изложению гениальности Шмитт связывает с окончанием вильгельмовской эры и скатыванием Европы в Первую мировую войну.

2. «Шиллер как творец «человека действия» (homo actor). Брошюра Коммерелла под таким названием оказала влияние на формирование точки зрения Шмитта о Шиллере. В основу книги была положена памятная речь, которую Коммерелл

¹⁰ О понятии «номос», сформулированном в «кружке», см.: Salin E. Civitas Dei. Tübingen, 1926 (автор описывает распространение христианства как процесс государство-образования); другое программное сочинение кружка: Kantorowicz E. Kaiser Friedrich der Zweite. Berlin, 1927 (в нем «тиран» Фридрих воспевается в античной манере, преподносится как антихрист и предтеча Возрождения. Сам Шмитт в литературе предстает в качестве актера, тесно встроеного в имперско-теологическое движение

веймарского времени. См.: Koenen A. Der Fall Carl Schmitts. Sein Aufstieg zum "Kronjuristen des Dritten Reichs". Darmstadt, 1995.

¹¹ В дневниковых записях Шмитта от 21.12.1947 подробно цитируется: «Что объединяет меня с Э. Фёгелином? Он исследовал центральное значение Гете, причем критически; если приходит беда, то духовно-исторически ее можно объяснить только культом Гете».

произнес 9 ноября 1934 г. в Бонне. Он обращается против существующей буржуазной легенды о Шиллере, в основе которой лежит ошибочное представление о соотношении «идеи» и «поступка». Идеалистически-моральному изображению Шиллера как «мироскорбющему певцу идеалов» он противопоставляет творца «человека действующего»: «Если Шиллер говорит об идее, он говорит и о действии. Если он говорит о действии, он не расстается с идеей. Непримируемость идеи и поступка, существование идеи возможно при условии ее превращения в поступок – решающее в шиллеровском познании».

В своей речи Коммерелл соединяет драматические образы «людей действия», проводя при этом различия между взглядами мальчиков и зрелых мужей. Он приходит к выводу, что в «Валленштейне» Шиллеру удалось раскрыть состояние напряженности между идеей и действием и проанализировать обратное воздействие поступка на самосознание действующего. Каждый человек действия в минуту опасности может превратиться в «преступника». И поскольку Шиллер указал на роль поступка в его отношении к идее, то он, согласно Коммереллу, не является буржуазным идеалистом и моралистом.

«Для Шиллера идея есть образ действующего. Действующий всегда неправ. Дело – первично, характер – вторичен. До начала действия человек не раскрытый, неопределенный, он лишь многократная возможность, только дело определяет его» [4, с. 12]. Перейдя к шиллеровской «Истории заговоров и союзов», которая представляет собой рефлексию общего характера поступков, Коммерелл находит политический ответ Шиллера в его «Учении о добродетелях одного человека, который хотел изменить мир». Путем «самопожертвования чистого образа» достигается реформирование увядшего «ордена» [3, с. 27]. В заключение Коммерелл связывает этот ответ с шиллеровской концепцией «эстетического воспитания». При этом он тщательно избегает прямых сопоставлений с современным контекстом; Шмитт же читает эту речь как комментарий к 1934 году, делая два вывода: во-первых, Коммерелл говорит о еще существующей возможности реформирования ордена; во-вторых, Шиллер указывает своим планом Димитрия Самозванца на взаимное разрушение иллюзий, на видимость, на наступающий обман [1, с. 380].

Многочисленные произнесенные Коммереллом мысли близки взглядам Шмитта. Так, Коммерелл говорит: Кто действует, тот имеет власть. Кто исповедует власть, тот продает себя властям. Это жертва во имя идеи. Для человека действующего его поступок остается непонятым. Понимание поступка становится возможным из анализа последствий. А полное понимание – задача для современников и последующих поколений. Коммерелл употребляет для этого слово, ставшее для Шмитта впоследствии ключевым – «исполнитель, проводник». Он пишет: «Исполнитель завещания – скорее всего изменившийся характер зрителей» [3, с. 24]. Эта сентенция противоречит раннему утверждению

о том, что Шиллер, прежде всего сам являлся творцом собственной легенды. Вместе с тем важно подчеркнуть, что Шиллер отмечает различие поступка и действия, а совершенный поступок в собственном смысле делает центральным.

В «Глоссарии» Шмитт проецирует нарисованный Коммереллом образ Шиллера на Гитлера. Менее всего здесь интересно обозначение Гитлера как Димитрия, в большей степени – анализ «легенды», сформированной в сознании публики. Немецкий народ, несмотря на растущее понимание того, что его обманывают и превращают в преступника, продолжает эту игру, считает Шмитт. Поверив в Гитлера, народ потерял силу к достижению успеха. Разумеется, Шмитт думает здесь не только о Гитлере, но и о своей роли в национал-социализме. Еще больше, чем Гитлер, он мог видеть себя в роли самозванного Димитрия. Хотя такая идентификация в «Глоссарии» четко не просматривается.

3. Как Шмитт воспринимает в «Глоссарии» работу Коммерелла?. Цель «Глоссария» – апологетика. Можно ли вообще описывать собственную жизнь? Следует ли вести дневник, который будут читать другие? И ответ на это: христианину это не положено по причине обязанности к смирению; а если и можно, то только по приказу церковного начальника или святого отца, которому исповедуешься; по божественному наитию или по необходимости защитить себя. А в другом месте (4.4.1949): я ищу возможность оправдания моего народа от обвинений в преступлениях.

Шмитт выразительно называет Гитлера преступником, но постоянно микширует его преступления: Книболо (имеется в виду Гитлер) был преступником, но ни самым большим (для больших преступлений мировой дух выбирает другие инструменты), ни самым последним. С другой стороны, Шмитт «размывает» преступления фашизма неподобающим обращением союзников с Германией после 1945 г.; это обращение Шмитт называет юстицией победителей. Гитлер, говорит он, есть не более чем агент чужих идей, «пустой усилитель», «простая губка», которого сделала «носителем всех идей» только звериная жажда мести.

В этой перспективе Гитлер предстает как объективный результат развития XIX в. Такая точка зрения остается для Шмитта руководящей. В конечном счете, он не дает определения Гитлеру, но разрушает мифический образ Гитлера. Подобным образом он критикует не столько самого Гете, сколько культ Гете. Анализируя гитлеровскую «легенду», он объявляет Гитлера только инструментом.

Наряду с историко-просветительской доктриной Шмитт использует историко-теологическую, согласно которой Гитлер-актер избран для исполнения замыслов всемогущей трансцендентной идеи. Шмитт в своем «Глоссарии» ссылается на Гегеля и его мнение о всемирно-исторических личностях и полагает, что всемогущая личность способна повлиять на переход в новое состояние. Его замечания относительно Гитлера сочетают два подхода –

историко-теологический и историко-просветительский. Историко-теологическая ключевая мысль Шмитта – устоявшееся в дискуссиях с церковным правоведом Рудольфом Зомом убеждение, что «идея всегда незваный гость в реальной действительности» [5, с. 14]. В «Глоссарии» отмечено: Мировой Дух находит исполнителя и проводника, которые бездуховно (технически) обеспечивают работу предприятия живодерни, как ускорители процесса против воли. Но они ускоряют совсем другие обстоятельства, чем те, которые они хотели бы ускорить. Аналогичные размышления встречаются у Гегеля. У того действуют всемирно-исторические личности, которые, сами того не осознавая, толкают вперед общество в осознании свободы. Но Шмитт не признает этого аспекта прогресса. Он приписывает немецкому народу особую привязанность к Гитлеру. Поэтому Гитлер у него не орудие бога, а создание народа. Шмитт спрашивает себя: как мог такой необразованный индивид стать вождем культурной нации¹². И отвечает на это в статье «Фюрер защищает право». Шмитт характеризует Гитлера как исполнителя (руку) германской истории. Как бессознательный инструмент чужих идей. Гегель называет своих героев вождями души, которые являются средствами и инструментами Высокого и Великого, о чем они не догадываются, исполняя чужую волю. В ранней формулировке Шмитта (1934 г.) Гитлер фигурирует как лунатическое существо, позже Шмитт резко выделяет безвольность и бессознательность Гитлера как исполнителя (Гегель) высшего исторического замысла. Какое совпадение! Коммерелл в 1934 г. говорит об «исполнителе», а в 1940 г. о «чистом исполнителе». Он отмечает, что «трагик» видит «судьбу идеи» в истории таким образом, что она или вынуждена страдать от рук нечистоплотного исполнителя или быть обреченной на гибель от руки чистого исполнителя. «Идея завладевает индивидуумом и поэтому всегда выступает для него чужим гостем. Таковым как раз и был Адольф, карикатурным чужаком, характеризовавшийся пустой чистотой своих идей о фюрере, харизме, гениальности и расе. Он был случайным, недетерминированным исполнителем».

Шмитт радикализирует здесь различие между индивидуумом и идеей предположением полной произвольности, случайности в выборе «исполнителя». Образование кажется ему препятствием. Шмиттовский «исполнитель» вышел на авансцену истории в силу своей чужеродности и «чистоты своих идей», отклонявшихся от традиции. Не перегруженный традицией, он мог стать чистым инструментом для нового. Расизм, что Шмитт у Гитлера не может оспорить, он относит, в соответствии с историко-духовным методом, на Англию и демократию («Гитлер – мрачный результат немецкого англофильства»). «Гитлер не сам нашел себя. Мы

должны благодарить за его появление чистые демократические мозги, которые вырубili мифическую фигуру неизвестного солдата первой мировой». «Он есть сумма немецкого прошлого, нарыв абсолютно растраченного тысячелетия».

Историко-философская трактовка Гитлера как чистого исполнителя чужих идей встречается не только у Шмитта. Она получает собственный акцент со ссылкой на Шиллера. Шмитт уточняет свой взгляд на Гитлера как чистого исполнителя у Шиллера.

4. Шиллер в жизни Шмитта не играл какой-либо значимой роли. В одном письме сестре (1911 г.) Шмитт называет Шиллера великим поэтом. Вообще Шмитт дистанцируется от Шиллера, точнее от культа Шиллера. Пересмотр образа Шиллера возникает под влиянием речи Коммерелла. Шиллеровский «Дмитрий Самозванец» стал для философа ключом для понимания исторического Гитлера: «Он не сын моего сердца, он сын моей мести». Шмитт проводит аналогию между заключительной сценой «Дмитрия Самозванца», рассказывающей о встрече сына и матери, с гитлеровским отношением к матери-нации. На эту сцену указывал и Коммерелл.

Шмитт причисляет Шиллера к немецкому идеализму и видит доминирование поэта над философом в том, что тот рассматривает мораль политически и одухотворяет политику морали. Шиллер понял, что мораль опровергает себя под воздействием политики, и открыл, что каждый автор под воздействием своего учения становится предателем собственной идеи и преступником. Эти размышления Шмитт вставляет в качестве «Интермеццо» в свой разговор о власти и о доступе к власти предрежающим [7, с. 18]. Там он затрагивает проблему доступа к власти на примере бисмарковского прошения об отставке, а также на основе шиллеровского литературного героя маркиза Поза из «Дона Карлоса». Он рассматривает Шиллера как политического писателя, который инструментализирует литературу, используя ее для политики морали.

Вопрос ответственности ставится Шмиттом в зависимость от конкретных действий, причем любое действие он рассматривает как имеющее ответственность: «Мы виноваты уже в том, что мы действовали». Какую историческую идею исполнял Гитлер, остается неясным. Становится очевидным, что Шмитт проводит различие между немецким образованием и типом Гитлера, делая это центральным пунктом своих размышлений. Его ответ спекулятивно привязывается к Шиллеру и обостряет расхождение мысли и дела, идеи и исполнения. Гитлер одухотворяется литературным образом «Дмитрия Самозванца».

¹² Карл Ясперс вспоминает свой разговор с Хайдеггером, который задавал те же самые вопросы. Ясперс спросил: «Как может необразованный человек руководить Германией?» - «Образование не играет роли, вы посмотрите на

его прекрасные руки» // Martin Heidegger – Karl Jaspers. Briefwechsel 1920-1963. Hrsg. von W. Biemel und H. Saner. Frankfurt am Main, 1990. S. 257.

5. «Глоссарий» разрешает доступ в творческую лабораторию Шмитта. Все говорит за то, что Шмитт желал его публикации. Глоссарий – еще один путь вхождения в шмиттовское наследие, инструкция для ориентации в лабиринте его архива. Буржуазного порядка здесь не найдете, как и в более ранних дневниках Шмитта. И гитлеровская трактовка присутствует здесь. В архивном собрании есть целая папка, которая еще раз поднимает проблему сопоставления Гитлера с Дмитрием Самозванцем. И снова тут предпринимается попытка уточнения современной истории через поэзию. Разрозненные записи, на обложке одной из них – «Кто кого обманул? Гитлер? Гитлер читал Дмитрия в середине 1941 г. На втором листе тоже о Гитлере: «Эту жертву германской легальной потребности я для себя ни открыл, ни создал, никогда не называл носителем харизмы и даже ни на одну секунду не считал харизматической личностью».

Гитлеровская конфессиональность тоже занимает Шмитта. Он цитирует замечание теолога Теодора Хекера (1932): «Национал-социализм – это активация бандитских, плебейских инстинктов протестантизма». И в 70-х гг. Шмитт придерживается точки зрения о схожести Гитлера и образа Лже-Дмитрия. Шмитт читал литературные произведения проблемно-исторически, предпринимая попытки к оформлению определенных задач, вопросов и проблем.

Заключение. Трактовка Коммереллом Шиллера вошла в трактовку Шмиттом Гитлера. Можно сомневаться, имеет ли свое влияние эта трактовка для исторического понимания Гитлера. Бесспорно другое: Шмитт акцентировал центральный вопрос: Как стали возможны успехи Гитлера? Почему история остановилась именно на нем? Очевидно, что Шмитт, типологизируя чрезвычайную неправдоподобность (невероятность) Гитлера, искал научный ответ на поставленный вопрос, а творчество Шиллера использовал как инструмент этой типологизации. Несмотря на апологетические мотивы в отношении Гитлера, которые снимают ответственность с Гитлера как исполнителя исторической воли, нельзя сказать, что Шмитт тяготеет к Гитлеру. Но и ФРГ оставалась Шмитту чужой.

Шмитт открыто признавался своему испанскому другу, что это было заблуждением его поко-

ления ожидать от фашизма и от Гитлера живой ориентации и поворота жизни. После 1945 г. он опять напоминает центральный вопрос: Сегодняшний мир нормальный или это чрезвычайное положение? И он одобряет, в противовес своему другу, во всяком случае, для Испании «возможность спасительной диктатуры (письмо от 2.10.1976). Какими бы ни спорными оставались шмиттовские толкования, они все же представляют собой интенсивное использование поэзии и творчества как инструмента к историческому сознанию. Они – ключ к собственному шмиттовскому преодолению прошлого. Обращение Коммерелла к «действующему человеку» остается для Шмитта руководящей идеей, если Шмитт подписывает свою книжку о Шекспире вопросом: «Что я сделал?»

Литература:

1. Шиллер. План трагедии «Дмитрий Самозванец» // Шиллер. Полн. собр. соч. в переводе русских писателей. 7-е изд. Том второй. - СПб., 1893.
2. Kommerell M. Der Dichter als Führer in der deutschen Klassik. Klopstock, Herder, Goethe, Schiller, Jean Paul, Hölderlin. - Berlin, 1928.
3. Kommerell M. Schiller als Gestalter des handelnden Menschen. - Frankfurt am Main, 1934.
4. Mehring R. Hitler-Schiller: Carl Schmitts nachgelassene Hitler-Reflexionen im Licht von Max Kommerells Schiller-Deutung // Leviathan. Zeitschrift für Sozialwissenschaft. - 2005. - № 2.
5. Schmitt C. Der Wert des Staates und die Bedeutung des Einzelnen. - Tübingen, 1914.
6. Schmitt C. Der Leviathan in der Staatslehre des Thomas Hobbes. Sinn und Fehlschlag eines Symbols. - Hamburg, 1938.
7. Schmitt C. Gespräch über die Macht und den Zugang zum Machthaber. - Pfullingen, 1954.
8. Schmitt C. Zu Friedrich Meineckes «Idee der Staatsräson» (1928) // ders. Positionen und Begriffe im Kampf mit Weimar-Genf-Versailles. - Hamburg, 1940.
9. Schmitt C. Glossarium. Aufzeichnungen der Jahre 1947-1951. Hrsg. von E. von Medem. - Berlin, 1991.
10. Verfassungsrechtliche Aufsätze aus den Jahren 1924 bis 1954. Materialien zu einer Verfassungslehre. - Berlin, 1958.

Кира Степановна Романова
кандидат философских наук,
доцент, старший научный сотрудник
отдела философии Учреждения
Российской академии наук
Института философии и права
Уральского отделения РАН
г. Екатеринбург

КОРРУПЦИЯ И РОССИЙСКАЯ МЕНТАЛЬНОСТЬ

Romanova K.S.
candidate of philosophy,
associate Professor, senior researcher
Department of Philosophy
Russian Academy of Sciences
Institute of philosophy and law
Ural branch of RAS

CORRUPTION AND THE RUSSIAN MENTALITY

Аннотация: Автор в статье показывает, что проблема коррупции имеет ярко выраженные исторические, а также ментальные, и социокультурные составляющие, Коррупционное поведение не столько детерминируется внешними обстоятельствами, сколько зависит от внутренних детерминант: комплекса определенных качеств личности, ее установок, ценностных ориентаций, и морально- правовых норм регуляции поведения. Коррупция выступает закономерным следствием социального неравенства, духовно- нравственной деградации общества, его общей криминализации. Переходный период формирования рыночного общества, где всё продается и покупается, капитал выступает если не главной, то определяющей ценностью. В обществе произошел сдвиг от криминального беспредела 90-х годов к массовому правовому нигилизму, к размыванию нравственных норм, исчезли в массовом сознании ценностные понятия чести и достоинства.

Abstract: the Author of the article shows that the problem of corruption has a pronounced historical, as well as mental, and socio - cultural components, Corruption behavior is not so much determined by external circumstances, as it depends on internal determinants: the complex of certain qualities of the individual, its attitudes, value orientations, and moral and legal norms of behavior regulation. Corruption is a natural consequence of social inequality, spiritual and moral degradation of society, its General criminalization. The transition period in the formation of a market society, where everything is bought and sold, capital is, if not the main, then the determining value. In society there was a shift from criminal lawlessness 90-ies to mass legal nihilism, to the erosion of moral norms, disappeared in the mass consciousness of the value concepts of honor and dignity.

Ключевые слова: коррупция, коррупционное сознание. формы коррупционного поведение, «рыночная» личность, сословное государство, ментальность, нравственные ценности

Key words: corruption, corruption consciousness. forms of corruption behavior, "market" personality, class state, mentality, moral values

Постановка проблемы:

Часто коррупцию воспринимают только как российскую традицию, хотя на самом деле она имеет всемирный характер. История коррупции также стара как истории человеческой цивилизации, где бы она ни творилась в Америке, Африке, Европе или в Азии. История возникновения коррупции уходит глубоко корнями в далекую древность. Интересно, что историки не могут назвать точной даты возникновения коррупции, однако однозначно уверены, что она была постоянным спутником человечества и развивалась вместе с ним. - Более того, о ее наличии и различном отношении к ней говорят многие авторы, представители самых разных исторических времен.

Соответственно проявления коррупции обнаруживаются как в государствах с тоталитарным, так и демократическим режимом, в экономически и

политически слаборазвитых странах и супердержавках. В принципе нет таких стран, которые могли бы претендовать на исключительное целомудрие. Поэтому можно смело проводить параллель между историей коррупции в России и тем же процессом в других странах.

Однако только со времен Средневековья понятие «коррупция» приобретает институциональное (церковное), каноническое значение - как «порча» как дьявольский соблазн, означающий брэнность человека, подверженность разрушению, Коррупция в богословии католицизма стала проявлением греховности. После первородного грехопадения коррумпированной, то есть растленной и греховной, оказалась природа, в которой рождаются и живут люди. Наследственная греховная порча обычно рассматривалась как первопричина всех грехов (Блаженный Августин, Фома Аквинский).

Анализ современных исследований:

Многие современные историки считают коррупцию настоящим культурным феноменом человечества, а потому не видят смысла во всех мерах по борьбе с ней. Эти идеи опираются на теорию М. Вебера, который сделал неоценимый вклад в формирование философского инструментария изучения многих социальных явлений и в том числе - коррупции. С точки зрения М. Вебера феномен коррупции изучается постольку, поскольку он затрагивает наши культурные интересы, и наш познавательный импульс ориентирован на этот сектор реальности. Также Вебер сделал вывод о функциональности и приемлемости коррупции при условии, что она усиливает позицию элит, гарантирующих ускорение происходящих в обществе изменений [Вебер 1990]. Согласно воззрениям сторонников такого подхода, коррупция выполняет свои политические и экономические функции. Таким образом, помимо констатации функциональности коррупции, данные исследователи, выделяют ее конструктивные функции.

Современное научное представление о коррупции сформировалось в XX веке, когда постепенно происходит изменение отношения к справедливости, подотчетности и использованию богатства, власти. Нынешняя точка зрения, гласящая, что коррупция вредит развитию, еще несколько десятилетий назад не считалась очевидной. В 1960-е и 1970-е годы широко обсуждалась тема коррупции в странах третьего мира, но к единому мнению о том, как она влияет на развитие, так и не удалось прийти. Ряд ученых, не без влияния трудов М. Вебера, считали, что коррупция может быть полезна для развития общества.

История возникновения и развития коррупции в России имеет свои особенности. К сожалению, Россия в смысле наличия коррупционных отношений не была и не является исключением из общего правила. Их формирование и развитие также имеет многовековую историю. Казалось бы, уже в древности выдающиеся мыслители понимали правильные пути развития государственности и власти, исключая злоупотребления ими в любой форме. Еще Аристотель в знаменитом труде «Политика» говорил: «Самое главное при всяком государственном строе - это посредством законов и остального распорядка устроить дело так, чтобы должностным лицам невозможно было наживаться». И далее: «Величайшие преступления совершаются из-за стремления к избытку, а не к предметам первой необходимости...» [Аристотель 2016: 198]. Однако организация управленческо-бюрократической системы в России была организована вопреки этому послы.

Цель статьи: анализ особенности коррупции в российской ментальности.

Первая форма подношений чиновникам связана с расходом на само ведение и оформление дел. Доходы чиновников в виде оплаты на ведение и оформление дел учитывались при определении им

жалования: если в приказе было много дел, с которых можно было «кормиться», то им платили меньше жалования. То есть практика «кормления от дел» была частью государственной системы содержания чиновничества в XVII в.

Другой формой подношений были, так называемые «посулы». В частности, одно из первых письменных упоминаний о «посулах» как незаконном вознаграждении княжеским наместникам относится еще к концу XIV века. «Посулы» как форма коррупции - это плата за благоприятное решение дел, за совершение незаконных деяний. Чаще всего «посулы» выражались в переплатах за услуги, за ведение и оформление дел, и поэтому граница между двумя формами коррупции была размытой и едва различимой [Седов 1998: 208]. Соответствующая норма была закреплена в так называемой Двинской уставной грамоте (Уставная грамота Василия) [Российское законодательство... 1995: 181], а позже уточнена в новой редакции Псковской Судной грамоты. Можно предположить, что эти источники лишь констатировали наличие подобных деяний, которые явно имели место намного раньше своего официального нормативного закрепления. Так же в истории развития обычаев, которые формировали социально-психологические особенности отношений между народными массами и властью имущими, имели место и другие формы, к примеру, «почести». Уважительное значение «почести» проявляется и в русском обычае одаривать уважаемого человека, и в особенности, высокое начальство, хлебом-солью. Но уже в XVII в. «почесть» все больше приобретала значение разрешенной взятки. И, конечно, мздоимство в России расцвело на почве широкой практики подношений «почести» чиновникам. [Седов 2001: 208]. В Древней Руси митрополит Кирилл осуждал «мздоимство» наряду чародейством и пьянством. Мздоимство упоминается в русских летописях XIII в. Первое законодательное ограничение коррупционных действий принадлежит Ивану III. А его внук Иван Грозный впервые ввел смертную казнь в качестве наказания за чрезмерность во взятках [Гладких 2001: 31]. В Российском уложении «О наказаниях уголовных и исправительных» 1845г. (в редакции 1885г., действовавшее в России до октября 1917г.) так же различался состав получения взятки - мздоимства и лихоимства.

Исторически подобные отношения отражающие практику взаимодействия властных структур и народных масс не только формировали культуру отношений, но общественное сознание, ментальность. Ментальность, если отталкиваться от уже принятых в научном употреблении понятий это «...социально - психологические установки, способности восприятия, манера чувствовать и думать» [Гуревич: 1989 с.50]. Ментальность - это нечто общее, лежащее в основе сознательного и бессознательного, логического и эмоционального, то есть глубинный и потому трудно рефлекслируемый источник сознания и его составляющих, таких как идеология, правосознание, нравственность, вера, а

также чувств и эмоций. Ментальность это духовное проявление самобытности мироощущения, миропереживания и мироотношения сообщества и индивида через «архетипы бессознательного» [К. Г. Юнг] Архетипы в повседневном поведении объективируются в определенные стереотипы и нормы.

Как отмечает Н. В. Сюзева : « ...можно предположить, что отношение к коррупции как норме и обыденному явлению, которое существует повсеместно и бороться с которым бессмысленно, является национальным стереотипом русского народа». И далее: «Следовательно, стереотип в контексте национальной культуры представляет собой определенную особенность сознания представителей той или иной этнической группы, стандарт и норму поведения, которые, в свою очередь, влияют на формирование национального характера». [Сюзева. 2014]

Способ духовного самовыражения, а значит и его ментальности, является язык и все что связано с ним. В русской культуре, на уровне обыденного сознания проблема коррупции нашла отражение в устном народном творчестве. Это легко проиллюстрировать пословицами и поговорками, которые представляют собой сгустки народной мудрости, выражающие истину, проверенную опытом многовековой истории народа, многих поколений. В.И.Даль говорил о пословицах русского народа, что это сплав «народной опытной премудрости и суемудрия» «стонов и вздохов» «плача и рыданий» «горя и утешения». Он характеризовал пословицы как «житейскую народную правду». [Даль В.И., 1879.] Они помогают понять историю явления коррупции и отношения к нему в народе. Например: «законы святы, да законники супостаты»; «казна на поживу дана»; « не ходи к воеводе с одним носом, ходи к нему с приносом»; «не подмажешь - не поедешь»; «когда деньги говорят, тогда совесть молчит», и др. Кстати, сопротивляющееся коррупции сознание также находит отражение в пословицах и поговорках. Например, в таких: «Вору потакать - что самому воровать»; «Лучше бедность да честность, нежели прибыль, да стыд»; «Лишнее не бери, карман не дери, души не губи», и др.

Таким образом, человек, который даже еще не сталкивался с проявлением коррупции в реальной жизни, уже имеет к ней вполне определенное отношение лояльности и даже внутренней готовности (установка) под влиянием его культурного окружения, в том числе коррупционной направленности сознания.

Закономерным этапом взросления нашей цивилизации является государственность. Но этот важный процесс всегда сопровождается появлением чиновников, которые представляют собой своеобразную социальную прослойку между элитой и простым народом. Известный русский писатель, философ и общественный деятель А.И. Герцен отмечал, что: «государство расположилось в России, как оккупационная армия». Он говорил о том, что мы не ощущаем государство частью себя,

частью общества, государство и общество ведут войну [Герцен 1956: 153].

При этом в их руках сосредотачивается порой неограниченная власть, а значит, они получают возможность обогащаться за счет своего выгодного положения. Как их победить, если они нами управляют? В свое время Н. Макиавелли дал одно из самых коротких и емких определений коррупции. Коррупцию Макиавелли определял как «использование публичных возможностей в частных интересах» [Макиавелли 1954: 286].

Характерно, что многие его воззрения на эту проблему весьма актуальны и сегодня. Психологически для многих людей такое отношение к государству сохраняется в их ментальности до сих пор. Чиновники всех уровней образуют отдельное сословие государственных людей, противопоставленных остальному населению, которое имеет определенные социальные преимущества и материальные гарантии.

Справедливости ради следует отметить, что в так называемых тоталитарных государствах коррупция все-таки сведена к относительной минимальности. Надо отметить, что в истории России был период советской власти, когда взяточничество считалось одним из опаснейших пережитков прошлого. Так В.И. Ленин требовал для борьбы с ним самых суровых, подчас «варварских», по его выражению, мер борьбы. В письме члену коллегии Наркомюста Курскому он требовал: «Необходимо тотчас, с демонстративной быстротой внести законопроект, что наказания за взятку (лихоимство, подкуп, сводка для взятки, и прочее и тому подобное) должны быть не ниже десяти лет тюрьмы и, сверх того, десяти лет принудительных работ» [цит. по: Каратуев 1993:]. Суровость мер в борьбе с взяточничеством объяснялась тем, что большевиками оно рассматривалось не только как позорный и отвратительный пережиток старого общества, но и как попытка эксплуататорских классов подорвать основы нового строя, являясь угрозой развращения и разрушения аппарата рабочего государства [Каратуев 1993].

В советское время идеология обеспечивала единую систему воспитания, образования и пропаганды. С раннего детства, первых шагов социализации, людям прививались идеи социальной справедливости, патриотизма. Прививались ценности морального кодекса строителя создаваемого нового коммунистического общества. К ним в первую очередь относились: добросовестный труд на благо общества, нетерпимость к нарушению общественных интересов, непримиримость к нечестности, стяжательству. Государственные и общественные институты активно и целенаправленно участвовали в воспитании молодого поколения. Коммунистическая идеология, направленная на активность и созидательность строителей нового общества, также предполагала наличие партийного, профсоюзного, государственного контроля, результаты которого отражались в средствах массовой информации, в сатирических журналах, кинофильмах и т.д.

Следует отметить, что в советское время ментальные предпосылки к обогащению «на халяву», а не через создание материальных ценностей, проявлялись в другом социальном явлении, которое получило название «несуны». Это явление также нашло отражение в народном фольклоре: «На заводе ты не гость, унеси домой хоть гвоздь!»; «Стыд не дым, глаза не ест» и др.

Надо отметить, что хотя советский период российской истории также имеет факты коррупции и взяточничества, но даже самые скандальные советские дела, например, «азербайджанское», «икорное» или дело фирмы «Океан», по масштабам и близко не стоят рядом с современными коррупционными практиками, причем довольно обыденными. В этот исторический период коррупция проявлялась скорее в кумовстве, в «блате», существующих на принципах: «Ты - мне, я - тебе». То есть, использовался скорее третий вид капитала - «социальный» (П. Бурдье), который определялся происхождением и связями. Сдерживающим фактором развития коррупции выступал страх, и не столько тюрьмы, хотя этот фактор, естественно, присутствовал, сколько общественного и семейного порицания, ведь страх потерять почётное рабочее место, а так же подставить под удар всю семью был непреодолим для большинства партийных работников и государственных служащих. Сдерживающим фактором коррупционного поведения также являлись идеология и мораль, которые в тот исторический период имели достаточно высокий воспитательный потенциал, формирующий не только идеал, но и практику относительного равенства и справедливости. Коррупционное поведение не столько детерминруется внешними обстоятельствами, сколько зависит от внутренних детерминант: комплекса определенных качеств личности, ее установок, ценностных ориентаций, и морально-нравственных норм регуляции поведения. Наличие в обществе идеала всесторонне развитой личности уважительное отношение к человеку труда, о чем свидетельствовали всякие почетные звания по профессии: «заслуженный шахтер», заслуженный нефтяник», «герой социалистического труда» и т.д. способствовали выработке социально ответственного поведения.

Одним из вызовов в постсоветской России является масштаб и динамика коррупции, которая отражает ее направленность от отдельно взятых индивидов до коррупционных преступных сообществ. Коррупция - чрезвычайно многостороннее явление и проявляется в политическом, социально - экономическом, правовом и криминологическом аспектах. Характерная черта современной коррупции в том, помимо государственной и муниципальной службы она проявляется в других сферах жизни. Не является секретом, что сегодня коррумпированные отношения выступают связующим звеном между государственными органами и криминальными группировками, в том числе и организованными. Весьма характерно, что еще на рубеже 1990-х годов эта тенденция просматривалась уже

достаточно отчетливо, а коррумпированные связи криминальных кругов с государственными чиновниками разных уровней в этот период в значительной степени предприняли последующее активное формирование и развитие в России организованной преступности. По оценкам экспертов, от одной трети до половины доходов, полученных в результате преступной деятельности, сегодня в России тратятся на создание и укрепление позиции организаторов и активных участников преступных сообществ в органах законодательной и исполнительной власти, судебной и правоохранительной системы [Пашута 2017]. Немаловажное значение имеет целевой негативный отбор кадров, при котором чиновники отбираются не по принципу успешности, а по принципу личной преданности, удобства для власти, руководствуясь внутри элитным обменом.

Как полагают многие аналитики, предпосылками коррупции выступают также централизация и многоуровневый характер управления, избыток предпочтений правящему классу и господство материальных ценностей в социальном пространстве. Особое значение имеет подготовка кадров для государственной службы. Уже в момент выбора ВУЗа, готовящего госслужащих, абитуриенты думают о доступе к властным ресурсам, о престиже и привилегиях которые закреплены юридически. Согласно Указу Президента РФ №2267 от 22.12.1993 г федеральные госслужащие (чиновники) обособляются в особую социальную группу с льготной системой финансового, медицинского, бытового, пенсионного и иного обеспечения. Абитуриенты, выбравшие будущую деятельность в качестве госслужащего, в своем большинстве обладают определенным социально - психологическим типом характера, где завуалированная корысть занимает не последнее место. В связи с этим, при подготовке специалиста очень важен анализ мотивации выбора профессии, которая, в конечном счете, определяет установку на учебу, а затем и на деятельность. [Романова, 2004]

Социально - экономическое расслоение, пестрота, неоднородность нашего общества, отражающая как общее прошлое, так и степень адаптивности к новым историческим условиям, перестает быть общим свойством, становится персональным и разделяющим. Так порядочность как свойство личности утрачивает свое социальное массовидное явление, становится персональным индивидуальным качеством. Критическое мышление становится аморфным, готовым принять что угодно. Как отмечают некоторые авторы, «достаточно очевидно проявляется и социально-психологические особенности нашей культуры, создающей благоприятную среду для коррупции. Она состоит в приоритете неформальных социальных отношений над формальными отношениями, «не уставных» над «уставными», очень характерном для современной России. «Нашей российской, как и другим культурам, - пишут А.Л. Журавлев и А.В. Юревич, - не изжившим элементы патриархальности, свойственные

клановость, семейственность, кумовщина, телефонное право, «теневые» способы решения проблем, в том числе и властными структурами, всевозможные «серые кардиналы», «банановый» механизм приближения к власти. Они создают психологическую среду, в которую коррупция вписывается очень органично» [Журавлев, Юревич 2013]

Ментальность как социальный феномен жизни, вобравший в себя все своеобразие и уникальность культуры народа, с необходимостью проявляет себя не только в духовной, а в любой другой сфере как общественных отношений: экономических, политических, правовых, нравственных и т.д., так и в частной жизни и семье.

«Ценности» двойной морали уже сформированы в подрастающих элитах российского общества и естественным образом ретранслируются на идущее во взрослую жизнь поколение, выросшее в эпоху коренных социальных изменений. Как отмечает политолог Н. Миронов: «...Новые времена требуют новых «строителей будущего». И современный режим их формирует, лепя по своему образу и подобию. Идеологические «ценности страны становятся и основой для формирования личностей. ...Выросшая золотая молодежь, которая скоро придет (и уже приходит) к основным рычагам управления, изначально развращена, коррумпирована, с презрением относится к народу и совершенно не настроена на создание. Она никогда не знала иной социальной системы, кроме нынешней, и никогда не видела другой морали, кроме «морали» кастового общества, построенного по клановому (мафиозному) принципу. ... Клановость формирует особую модель карьеризма, альфа и омега которой - абсолютная верность своему клану и умение рвать глотки конкурентам. И все это на фоне разглагольствования о социальности, народности, патриотизме...» [Миронов 2016].

Об этой социально психологической особенности богатых писал Т. Гоббс еще несколько веков назад в своем знаменитом «Левиафане»: «Люди, кичащиеся своим богатством, смело совершают преступления в надежде, что им удастся избежать наказания путем коррумпирования государственной юстиции или получить прощение за деньги или другие формы вознаграждения» [Гоббс 1988].

Классовость и кастовость в России оказывают влияние на формирование ценностей простого народа. Для тех, кто не принимает эту «мораль», закрыты высокие социальные статусы. Чтобы сделать карьеру, нужно соглашаться с двойными этическими стандартами, признавать привилегированное положение элиты, не требовать для себя равных с ней прав. Отсюда формирование еще одной «ценности» современной России - конформизм и лояльность.

Поиск универсальных ценностей, могущих преодолевать клановую мораль и коррупционное поведение приводит некоторых ученых к возвышению роли религиозного сознания. Так Л.Г.Фишман

отмечает: «...последним средством нередко представляется крепкая, не формальная религиозная вера, ведущая к нравственному перерождению человека. Ее воздействие заключается в том, что она вызывает индивида из сферы потенциально коррупциогенных социальных связей, побуждая заботиться скорее не о благе своих ближних, а о спасении своей души. Поэтому не удивительны упования некоторых высших чиновников российского государства на православие как лекарство от коррупции. Однако не следует возлагать на православие слишком больших надежд. Сведение проблемы коррупции к наследию атеистического воспитания как минимум не учитывает опыта дореволюционной России, где религиозное воспитание коррупции не препятствовало» [Фишман 2014].

Коррупцию в народе часто называют болезнью грязных рук, но справедливее было бы говорить о «болезни» совести. Не случайно многие чиновники, замеченные в коррупционном поведении, с большой активностью строят часовни, храмы, жертвуют деньги церкви, таким образом, пытаясь покаяться в грехах.

Верхушечная коррупция охватывает политиков, высшее и среднее чиновничество и сопряжена с принятием решений, имеющих высокую цену (формулировки законов, госзаказы, реформация социальных институтов, изменение форм собственности и т.п.). Низовая коррупция распространена на среднем и низшем уровнях, и связана с постоянным рутинным взаимодействием чиновников и граждан (штрафы, вымогательство и т.п.) Часто обе заинтересованные в коррупционной сделке принадлежат к одной государственной структуре. Взятка чиновника своему начальнику выступает в качестве связующего звена между верхушечной и низовой коррупцией. Это особенно опасно, поскольку свидетельствует о переходе коррупции из стадии разрозненных актов в стадию организованных форм, создающих системность.

Современная правовая политика России в сфере борьбы с коррупцией ориентируется, прежде всего, не на карательную (в приоритете уголовную), а на профилактическую модель развития. Более того, многие даже возбужденные уголовные дела с причиненным многомиллионным или даже миллиардным вредом в суде лихо разваливаются. Преступные личности, участвующие в этих процессах, и не законно оправданные, становятся героями анекдотов и других форм народного сатирического творчества. Только в том обществе, где правосудие охраняет равенство, закон делает людей равными, Ибо правосудие - душа закона (Цицерон). Нарушение законов на всех уровнях их действия ослабляет властные полномочия государства, разрушает государственность. Коррупция снижает способность государственной власти эффективно решать социальные проблемы.

В переходный период от одной исторической формации к другой, основанной на капиталистическом способе производства, в котором все социальные ценности, так или иначе, подчиняются одной

главенствующей - капиталу, адаптивность, приспособляемость к новым социальным условиям легче всего происходит через освоение негативной практики, освоения пороков. Интенсивно увеличивается и закрепляется имущественное расслоение людей, растет социальная напряженность в обществе. Происходит смещение целей государственной политики от общего национального развития к обеспечению отдельных олигархических или криминальных группировок, должностные лица рассматривают свою службу как продолжение рынка, а демократию понимают как свободу преобразования нормального рынка в рынок коррупционных услуг. В настоящее время также актуально высказывание Ш. Монтескье: «...известно уже по опыту веков, что всякий человек, обладающий властью, склонен злоупотреблять ею, и он идет в этом направлении, пока не достигнет положенного ему предела» [Монтескье 1995: 321].

Выводы:

Если в обществе разрушены нравственные критерии, то его жизнь определяют Сила и Деньги. И тогда никакой борьбы с криминалом, никакой борьбы с коррупцией не получится. Люди должны не воровать, не убивать и не брать взятки не потому, что в государстве строгие законы, а потому, что нравственные чувства человека не позволяют этого делать. Совесть как внутренний регулятор добра и зла должна формироваться в процессе развития человека с момента его рождения, воспитания в семье и в условиях дальнейшей социализации под воздействием социальных институтов, которые выполняют образовательные, воспитательные и просветительные функции. Это возможно лишь в том случае, когда в обществе есть объединяющая идеология, в которой не последнее место по значимости и ценности занимает человек. Но в условиях такой социальной неоднородности говорить о единой идеологии весьма проблематично.

Коррупция становится предметом исследований не только юристов, криминологов и экономистов, но и философов, поскольку социальная философия имеет собственный, отличный от других дисциплин, научный инструментарий для анализа феномена коррупции. Однако, без идеологических установок: гражданственности, патриотизма, нравственности - формировать антикоррупционное мировоззрение проблематично.

Неоднозначные изменения социальной, экономической и политической ситуации в России внесли на повестку дня проблему коррупции. Для научного сообщества осмысление и анализ данного явления - одно из наиболее приоритетных. Однако большинство исследовательских работ, посвященных коррупции, указывают на то, что нет универсального определения этого явления и способа борьбы с ним. Решать проблему коррупции возможно только в системном подходе. Государство, если оно заинтересовано в минимизации коррупции, определяет стратегию борьбы с коррупцией и обеспечивает ее законодательно. В 2017 году правоохранительные органы выявили более 5-ти тысяч

фактов коррупции в крупном и особо крупном раз- мере со стороны чиновников. При этом стереотип безнаказанности нечистых на руку чиновников разрушается (Доклад прокурора Ю.Чайки К П - WWW.kp.ru от 20 04 2018) Однако, парадокс в том,, что в это список часто попадают чиновники, возглавляющие структуры по борьбе с коррупцией. Другие институты, связанные с воспитанием и профессиональной подготовкой личности должны в своей деятельности формировать такие свойства личности, основанные на чести и достоинстве, которые могли бы противостоять «вирусу» коррупции. Для высокопоставленных чиновников немаловажным фактором было бы принесение клятвы (по подобию «Клятвы Гиппократы») служению интересам общества и государству, а не использования служебного места в личных целях.

Список литературы

1. Аристотель. Политика. СПб. : Азбука, Азбука - Аттикус, 1916. - 352 с.
2. Вебер, М. Избранные произведения : пер. с нем. / М. Вебер. - М.: Прогресс, 1990. 808 с.
3. Герцен А.И. О развитии революционных идей в России. Собрание сочинений: в 30 томах. М.: Академия наук СССР, 1956, т. 7, 474С (142с)
4. Гладких В.И. Коррупция в России: генезис, детерминанты и пути преодоления // Российский следователь. 2001. № 3. 31-36с.
5. Гоббс, Т. Левиафан, или Материя, форма и власть государства церковного и гражданского / Т. Гоббс. - М. : Мысль, 1988. 478 с.
6. Гуревич А.Я. Ментальность//50 /50 Опыт словаря нового мышления М., 1989 С.454
7. Даль В.И. Пословицы русского народа. Издательство: Тип. М.О. Вольфа. Место издания: СПб.-М. Год издания: 1879.1392 с
8. Журавлев А.Л., Юревич А.В. Психологические факторы коррупции // Психологическая газета: Мы и Мир. 2013. № 2 (197).
9. Каратуев А.Г. Советская бюрократия (текст) Система политико-экономического господства и ее кризис-(1919-1991). Белгород, (Б И.), 1993 год 370 с.
10. Макиавелли Н Государь Сочинения // М. 1954. ЭКСМО -Пресс 2001 - 656С стр286.
11. Миронов Николай Поколение лабутенов и покемонов. Газета «Московский комсомолец. РРЕ» 17 - 24 августа 2016года 4с.
12. Монтескье Ш. Избранные произведения. М., 1995. С. 321..
13. Пашута Ольга История коррупция в России 29 Декабря, 2017 FB.ru: <http://fb.ru/article/368737/istoriya-korrupsii-v-rossii>
14. Романова К.С Нравственные аспекты современной системы подготовки кадров государственной службы. / Политическая наука и государствен-

ная власть в Российской Федерации и Новых независимых Государствах. Екатеринбург: УрО РАН, 2004. 550 с (453 -461). С.459

15. Российское законодательство X-XX веков // М., 1995. С.181,

16. Седов П.В. На посуле как на стуле. Из истории российского чиновничества VII в. // Звезда. 1998. № 4. 206-214с

17. Сюзева Н.В. Культурно-исторические предпосылки формирования коррупционной направленности сознания и способы её преодоления./ Актуальные проблемы научного обеспечения государственной политики Российской Федерации в области противодействия коррупции: сб. тр. По итогам Всерос. науч. конф. / отв. ред.В.Н. Руденко; ред. К.В. Киселев, Е.А.Степанова, В.В. Эмих ; Ин-т философии и права Урал. отд-ния Рос. Акад.наук. Екатеринбург 2014. 468 с(148 -155) с151.

18. Фишман Л.Г. Движемся ли мы к антикоррупционной системе ценностей?// Актуальные проблемы научного обеспечения государственной политики Российской Федерации в области противодействия коррупции: сб. тр. По итогам Всерос. науч. конф. / отв. ред.В.Н. Руденко; ред. К.В. Киселев, Е.А.Степанова, В.В. Эмих ; Ин-т философии и права Урал. отд-ния Рос. Акад.наук. Екатеринбург, 2014. 468 С. (127 - 134с) . 131 с

List of references

1. Aristotle. Policy. SPb. : Azbuka, Azbuka - Atticus, 1916. - 352 p.
2. Weber, M. Selected works : translated from German. / M. Weber. - Moscow: Progress, 1990. 808 p.
3. Herzen A. I. On the development of revolutionary ideas in Russia. Collected works: in 30 volumes. M.: Academy of Sciences of the USSR, 1956, vol. 7, 474S (142s)
4. Gladkikh V.I. Corruption in Russia: Genesis, determinants and ways to overcome // Russian investigator. 2001. No. 3. 31-36S.
5. Hobbes, T. Leviathan, or Matter, form and power of the Church and civil state / T. Hobbes. - M.: Thought, 1988. 478 p.
6. Dal V.I. Proverbs of the Russian people. Publisher: Type. M.O. Wolf Place of publication: SPb.-M. Year of publication: 1879.1392 s
7. Zhuravlev A.L., Yurevich A.V. Psychological factors of corruption // Psychological newspaper: We and World. 2013. № 2 (197).
8. Zhuravlev, A.L. Yurevich, A. V. Psychological factors of corruption. Applied legal psychology. No. 1. 2012. С. 8-21.

9. Karatuev A.G. the Soviet bureaucracy (text) the system of political and economic domination and its crisis(1919-1991). Belgorod, (bi), 1993 370 p.

10. Machiavelli N Sovereign Works // М. 1954. EKSMO -Press, 2001 - 656С стр286.

11. Martianov V. S. Corruption and class-status rent in Russia/Actual problems of scientific support of the state policy of the Russian Federation in the field of anti-corruption: sat.Tr. On the results of the Second vsoros. scientific. Conf. / OTV. edited by V. N. Rudenko; ed. by K. V. Kiselev, E. A. Stepanova, V. V. Emikh ; Institute of philosophy and law, Ural. otd-nia Grew. Akad.sciences'. Ekaterinburg:2016,416 (31-48) p. 35.

12. Mironov Nikolay Generation of louboutins and pokemon. Newspaper " Moskovsky Komsomolets. RRE" 17 - 24 August 2016godu 4C.

13. Montesquieu sh. Selected works. M., 1995. P. 321..

14. Pachuta Olga History of corruption in Russia is December 29, 2017 FB.ru: <http://fb.ru/article/368737/istoriya-korrupsii-v-rossii>

15. Romanova K. S. Moral aspects of the modern system of public service personnel training. / Political science and state power in the Russian Federation and New independent States. Ekaterinburg: Uro RAS, 2004. 550 sec (453 -461). S. 459

16. Russian law Xxx centuries // М., 1995. S. 181,

17. Sedov PV on the promise as a chair. From the history of Russian officials VII. // Star. 1998. No. 4. 206-214s

18. Syuzeva N. In. Cultural-historical preconditions of formation of corruption consciousness and ways of its overcoming./ Actual problems of scientific support of the state policy of the Russian Federation in the field of anti-corruption: sat.Tr. According to the results of all-Russia. scientific. Conf. / OTV. edited by V. N. Rudenko; ed. by K. V. Kiselev, E. A. Stepanova, V. V. Emikh ; Institute of philosophy and law, Ural. otd-nia Grew. Akad.sciences'. Ekaterinburg 2014. 468(148 -155) с151.

19. Fishman L. G. are we Moving towards an anti-corruption value system?// Actual problems of scientific support of the state policy of the Russian Federation in the field of anti-corruption: sat.Tr. According to the results of all-Russia. scientific. Conf. / OTV. edited by V. N. Rudenko; ed. by K. V. Kiselev, E. A. Stepanova, V. V. Emikh ; Institute of philosophy and law, Ural. otd-nia Grew. Akad.sciences'. Ekaterinburg, 2014. 468 P. (127 - 134s). One hundred thirty one

ЮРИДИЧЕСКИЕ НАУКИ

Артюхова Н.О.

кандидат юридичних наук, доцент кафедри
Національна академія Служби безпеки України

ОПЕРАТИВНЕ ЗАБЕЗПЕЧЕННЯ НАЦІОНАЛЬНИХ ІНТЕРЕСІВ УКРАЇНИ У СФЕРІ МІЖНАРОДНОГО ТОРГОВЕЛЬНО-ЕКОНОМІЧНОГО СПІВРОБІТНИЦТВА: КОНЦЕПТУАЛЬНІ ЗАСАДИ

Artiukhova N.O.

PhD in Law, assistant professor,
National Academy of the Security Service of Ukraine

OPERATIONAL SUPPORT OF UKRAINE'S NATIONAL INTERESTS IN THE SPHERE OF INTERNATIONAL TRADE AND ECONOMIC COOPERATION: CONCEPTUAL FRAMEWORK

Анотація. У статті визначено та проаналізовано концептуальні засади, а саме, принципи оперативного забезпечення національних інтересів України у сфері міжнародного торговельно-економічного співробітництва. Виведено визначення поняття «принципи оперативного забезпечення національних інтересів України у сфері міжнародного торговельно-економічного співробітництва». Запропоновано розподіл вищезазначених принципів на 3 групи – основні, спеціальні та галузеві. Досліджено зміст згаданих принципів. Розроблено їхню класифікацію.

Abstract. In the paper the conceptual framework, namely the principles of operational support of Ukraine's national interests in the sphere of international trade and economic cooperation, is defined and analyzed. The definition of the concept of "the principles of operational support of Ukraine's national interests in the sphere of international trade and economic cooperation" is developed. The division of the above mentioned principles into 3 groups – general, special and sectorial – is offered. The content of the aforementioned principles is investigated. Their classification is developed.

Ключові слова: концептуальні засади, принципи, законодавство, правоохоронні органи, оперативне забезпечення, міжнародне торговельно-економічне співробітництво, національна безпека.

Key words: conceptual framework, principles, legislature, law enforcement bodies, operational support, international trade and economic cooperation, national security.

Introduction. The issue of defining the conceptual framework of the operational support of state economic security by the law enforcement bodies of Ukraine insofar as it relates to part concerning its international trade and economic cooperation, is quite urgent nowadays because it has got no proper doctrinal comprehension yet. Therefore, the above-mentioned problem requires the corresponding theoretical, legal and scientific substantiation, since law-enforcement activity aimed at ensuring state security in the field of international trade and economic cooperation should be based on the corresponding principles, which comprise its conceptual framework.

Analysis of recent research and publications. The principles of operation of law-enforcement bodies of Ukraine in the field of supporting national interests in various spheres of social relations were thoroughly investigated by O.M. Bandurka, V.G. Gritsenko, M.I. Kozyubra, S.M. Kuznetsov, V. Marmazov, L.V. Polyakov, O.L. Samofalov et al. At the same time, the principles of operational support of the national interests relating to the international trade and economic cooperation (hereinafter – ITEC) of Ukraine are still not properly studied in the scientific literature, and therefore require comprehensive analysis and systematization.

Presentation of the basic material. In lexicographic literature, the "principle" is interpreted as: the basic initial position of any scientific system, theory, ideological direction, etc.; the rule as the basis for the activities of any organization, society, etc. [1]. Philosophical dictionaries define the "principle" as the basis, the beginning, the guiding idea on the most significant laws that are of primary importance [2, p. 519]. Thus, the principles are viewed as fundamental, important, essential foundations of any activity.

Now let us refer to the classification of the above mentioned principles. It should be noted that the operational support of the national interests in the sphere of the ITEC is based on a combination of basic principles of the law enforcement activity enshrined in the norms of the current legislation of Ukraine as well as in the international treaties and agreements ratified by Ukraine and sectorial principles of international trade and economic relations (including provisions of the international legal acts in this field). Therefore, we propose to divide the principles of the operational support of the national interests relating to the international trade and economic cooperation into three groups: general (basic principles of the activity of the law-enforcement bodies of Ukraine enshrined both in national and international legislature), special (principles of the operational support of the ITEC of Ukraine) and sectorial

(principles, including those set forth in the provisions of international legislature regulating public relations in the field of foreign economic activity, an integral part of which is the ITEC).

As it is known, the main constitutional principles of the activity of law-enforcement bodies of Ukraine are: respect for and observance of human rights and freedoms, equality before the law, the rule of law, democracy, sovereignty and unanimous rule of the people, etc. [3]. In official sources, the following principles of the above mentioned activity can also be found – “a combination of united command and collegiality, transparency and conspiracy” [4].

Moreover, it should be emphasized that the principle of observance of the rule of law is one of the international obligations taken by Ukraine in accordance with the Article 3 of the Statute of the Council of Europe [5, p. 215].

We agree with V. Marmazov, who argues that the principle of the rule of law in the context of law-enforcement activity means that human rights are enshrined in national regulations and in international laws and law-enforcement bodies are responsible for the implementation and enforcement of the law on human rights. Law enforcement agencies should not violate the application and implementation of the law [6, p. 265].

Furthermore, in accordance with the provisions of the Recommendation of the Committee of Ministers of the Council of Europe (R2001 (10)) of 19 September 2001, the basic principles of law enforcement activity are the principles of legality, necessity and appropriateness, the principles of impartiality and non-discriminatory approach, the plea for justice is absolute and not subject to restriction [7, p. 265].

Thus among the general principles of law enforcement activity the following ones should be mentioned:

- the rule of law and order – law enforcement activities are carried out in accordance with the Constitution of Ukraine, international legal acts ratified via the established procedure, laws, normative legal acts of the Verkhovna Rada of Ukraine, the President of Ukraine, the Cabinet of Ministers of Ukraine, profile ministries and departments. The use of measures of state coercion for the realization of duties and rights by the subjects of this activity is permissible only in cases and in the manner prescribed by the law;

- justice. Justice means above all a non-discriminatory approach, impartiality. Ensuring justice is crucial for implementing the constitutional principle of the rule of law in Ukraine. One of the manifestations of the rule of law is that the law is not limited only to the law itself, but also includes other social regulators, in particular norms of morality, traditions, customs, etc., which are legitimized by society and are determined by the historically achieved cultural level of society [8, p. 99];

- observance of the rights and freedoms of individuals and legal entities. The activity takes place on the basis of observance of human rights and freedoms, their legitimate interests and respect for their dignity;

- openness and transparency. The activity is carried out according to the principles of openness and

transparency within the limits defined by the laws of Ukraine.

- political neutrality;
- continuity;
- providing public trust on the basis of partnership.

We believe that the above mentioned principles of the activity of law enforcement bodies can serve as the basis for determining the general principles of operational support of international trade and economic cooperation of Ukraine.

Among the special principles that determine the organization and implementation of the operational support of national interests in the sphere of international trade and economic cooperation of Ukraine, the following ones should be mentioned:

the principle of scientific management: it is based on the existence of scientifically grounded methodology for the organization and implementation of counter-intelligence and operational-search activities to support the ITEC of Ukraine. It allows to carry out the practical work of law enforcement agencies in this field on a scientific basis, as well as contributes to a better understanding of the role and significance of such type of operational activity;

the principle of system-optimization is aimed to develop a system of operational measures in the sphere of the ITEC of Ukraine, which is supposed to be a set of interrelated actions of the relevant operational units in order to detect, prevent and eliminate threats to the national security in the sphere of the ITEC of Ukraine;

the principle of integrity is meant to involve all the available operational forces and facilities in order to organize and conduct appropriate activities in the sphere of the ITEC of Ukraine;

the principle of planning assumes the availability of targeted programs, specific plans and strategies for organizing and conducting counter-intelligence and operational-search activities in the sphere of ITEC of Ukraine based on the results of studying and assessing the operational environment in this field;

the principle of continuity is based on continuous monitoring of the operational environment to identify its trends in order to increase the effectiveness of law enforcement bodies in securing national interests in the sphere of international trade and economic cooperation of Ukraine;

the principle of adequacy involves the development and implementation of such a system of operational measures that would ensure the adequate response of the authorized units of law enforcement agencies of Ukraine to the threats, challenges and risks to national security in the sphere of ITEC;

the principle of selectivity and concentration. Under the condition of growing openness of the Ukrainian economy together with the intensification of its interaction with other countries of the world community, new threats, risks and challenges to the state economic security at the global, regional and national levels are emerging. The prevention of these dangers primarily involves observing the principle of selectivity and concentration, which in this context consists in: under-

standing and counteracting the threats, risks and challenges to the state security in the sphere of ITEC of Ukraine by the authorized law-enforcement bodies of Ukraine; the correct definition of the subjects of the international trade and economic cooperation of Ukraine, whose activities contain the signs of offenses, as well as those which are the objects of interest of the foreign intelligence agencies, etc.;

the principle of interaction is aimed at developing an effective mechanism of internal interaction between the operational units involved in ensuring the interests of the state in the sphere of ITEC of Ukraine, as well as the external interaction of law enforcement agencies of Ukraine with each other and with other state institutions that carry out regulatory policy in this area;

the principle of organizational structure involves the distribution of operational activity in the sphere of ITEC of Ukraine at certain levels, with the relevant tasks (strategic, tactical, etc.) fulfilled at each level;

the principle of forecasting assumes continuous updating and processing of information on the current state of operational environment in the sphere of the ITEC of Ukraine in order to determine the prospects for its change, as well as trends and patterns of activity (inactivity) to the detriment of the state interests of Ukraine, including those performed under legal cover;

the principle of priority of prevention and control measures provides timely identification of trends and preconditions that contribute to the emergence of potential threats and the development of a set of appropriate preventive and control measures to eliminate the development of real threats;

the principle of competence means that the operational activities of law enforcement bodies of Ukraine in the sphere of international trade and economic cooperation of Ukraine should be aimed at solving problems that are within their competence.

Thus, taking into account the general approaches to the interpretation of the concept of "principle" and considering the classification offered above, we propose to define the principles of operational support of the national interests in the sphere of international trade and economic cooperation of Ukraine as *the main provisions defining the content, namely organizational forms and methods of operational support of this activity, and characterizing the patterns of the use of legal, personnel, material, technical and other resources in the process of its implementation in accordance with the set objectives*.

In the context of our research, we should also mention the field-specific sectorial principles of international trade and economic cooperation, which, although having an indirect relation to the activity of law enforcement agencies of Ukraine in this sphere, should nevertheless be taken into account while determining the conceptual framework of the operational support of the national interests in the sphere of international trade and economic cooperation of Ukraine.

These sectorial principles can be divided, first of all, into internal ones (enshrined in the current legislation of Ukraine, in particular, in the Law of Ukraine "On Foreign Economic Activity" [9]). Among them:

the principle of sovereignty of the people of Ukraine in the implementation of foreign economic activity; the principle of freedom of foreign economic activity; the principle of legal equality and non-discrimination; the rule of law; the principle of protecting the interests of subjects of foreign economic activity; the principle of equivalence of exchange, the inadmissibility of dumping in the import and export of goods.

Secondly, among the sectorial principles of the ITEC of Ukraine, we can also distinguish between external ones, that are those, enshrined in the corresponding international legal acts and are binding for all the signatory states.

Thus, in order to regulate international cooperation in the field of trade, a complex of international legal acts that constitute international trade law (sub-branch of the international economic law) was developed. In particular, it refers to the UN Charter (1945); the Multilateral General Agreement on Tariffs and Trade (GATT) (1947); Declaration on Principles of International Law Concerning Friendly Relations and Cooperation among States (1970); Declaration on the Establishment of a New International Economic Order (1974); Principles of International Trade and Trade Policy Promotion (1964), World Trade Organization (WTO) (1995), etc.

The most comprehensive list of principles for the organization of international economic relations is included in the Charter of Economic Rights and Duties of States – a document adopted by the Fourth Special Session of the General Assembly of the United Nations (1974) [10]. Among them it is worth to mention: the sovereign equality of all states; mutual and equitable benefit; peaceful settlement of disputes; fulfillment in good faith of international obligations; respect for human rights and international obligations; no attempt to seek hegemony and spheres of influence; promotion of international social justice; international cooperation for development etc.

The analysis of all the international legal documents listed above proves that the principle of cooperation between the states of the world community, as well as the development of international economic and, especially, trade cooperation, is the basis for the establishment and development of international relations in various spheres and industries.

Therefore, we can argue that these principles deserve special attention in the process of determining the conceptual framework for the operational support of Ukraine's national interests in the field of international trade and economic cooperation.

Conclusions. Proceeding from the above mentioned, we can conclude that the principles of operational support of the international trade and economic cooperation of Ukraine can be considered as the main provisions defining the content, namely organizational forms and methods of operational support of this activity, and characterizing the patterns of the use of legal, personnel, material, technical and other resources in the process of its implementation in accordance with the set objectives.

We suggest to divide these principles into general, which are the basic principles of the activity of law-enforcement bodies of Ukraine and special ones, reflecting the specifics of the authorized law enforcement units' activity organization in this sphere.

In addition, we consider it appropriate to determine the principles of operational support of ITEC of Ukraine taking into account the field-specific principles that regulate social relations in the sphere of foreign economic activity and international trade and are enshrined in the provisions of Ukrainian and international legislation.

Promising direction for further research is supposed to be the definition and theoretical substantiation of other components of the operational support of the international trade and economic cooperation of Ukraine, namely the areas of activity and priority tasks of the law enforcement bodies of Ukraine in this field.

References

1. Academic Explanatory Dictionary of the Ukrainian Language. – Available at : sum.in.ua [accessed 14 January 2019].
2. Philosophical Encyclopedic Dictionary / National Academy of Sciences of Ukraine, Institute of Philosophy. – Chief editor V. I. Shinkaruk. – K. : Abris, 2002. – 742 p.
3. Constitution of Ukraine [Adopted at the fifth session of the Verkhovna Rada, June 28, 1996] // Bulletin of the Verkhovna Rada (BP). – 1996. – № 30.
4. Official site of the Security Service of Ukraine. – Available at : <https://ssu.gov.ua/ua/pages/38> [accessed 14 January 2019].
5. Statute of the Council of Europe : The Council of Europe ; Statute, international document, 05.05.1949 / Official Bulletin of Ukraine // 2004. – № 26. – P. 215. – Article. 1733
6. Marmazov V. Principle of the rule of law in the practice of the European Court of Human Rights / V. Marmazov // Scientific journal of the Kyiv University of Law. – 2009. – № 2. – P. 262-271
7. Council of Europe: Committee of Ministers, Recommendation Rec (2001) 10 of the Committee of Ministers to Member States on the European Code of Police Ethics, 19 September 2001, Rec (2001) 10. – Available at : <https://www.refworld.org/docid/43f5c7944.html> [accessed 14 January 2019].
8. Zelenskiy S.M. The functional purpose of justice in criminal procedure / S.M. Zelenskiy // Scientific journal of the National Academy of Internal Affairs of Ukraine. – 2013. – № 2. – P. 97-101.
9. Law of Ukraine "On Foreign Economic Activity", April 16, 1991. – Available at : <http://zakon0.rada.gov.ua/laws/show/959-12> [accessed 14 January 2019].
10. Charter of Economic Rights and Duties of States. GA Res 3281 (xxix), UN GAOR, 29th Sess. (12 December 1974). – Available at : <http://www.un-documents.net/a29r3281.htm> [accessed 14 January 2019].

Корнеева Ю.А.,

Кандидат психологических наук, доцент,

М.В. Северный (Арктический) федеральный университет им. М.В. Ломоносова, Архангельск,

Российская Федерация,

Коробкин А.В.

преподаватель кафедры «Уголовное право»

Академии ФПС России,

(Федеральная служба исполнения наказаний России), Рязань,

Российская Федерация,

ABOUT THE POSSIBILITIES OF USING RESTORATIVE JUSTICE AND MEDIATION CONCERNING THE PERSONS WHO HAVE COMMITTED A CRIME AT THE MINOR AGE

Korneeva Y.A.

Candidate of psychological Sciences, associate Professor,

M.V. Lomonosov Northern (Arctic) Federal University, Arkhangelsk,

Russian Federation,

Korobkin A.V.

the lecturer of the Chair «Criminal Law»

of the Academy of FPS of Russia,

(Federal Penitentiary Service of Russia), Ryazan,

Russian Federation,

О ВОЗМОЖНОСТЯХ ИСПОЛЬЗОВАНИЯ ПРОЦЕДУР ВОССТАНОВИТЕЛЬНОГО ПРАВОСУДИЯ И МЕДИАЦИИ В ОТНОШЕНИИ ЛИЦ, СОВЕРШИВШИХ ПРЕСТУПЛЕНИЕ В НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНЕМ ВОЗРАСТЕ

Аннотация: Статья посвящена рассмотрению вопроса о перспективах использования альтернативных лишению свободы мер (таких как восстановительное правосудие и медиация) в отношении лиц, совершивших преступление в несовершеннолетнем возрасте и особенностях использования восстановительного подхода как способа погашения уголовно-правового конфликта.

Summary: The article is devoted to the question of the prospects for the use of alternative measures to deprivation of liberty (such as restorative justice and mediation) in relation to persons who have committed a crime at a minor age and the peculiarities of the use a restorative approach as a way of settling a criminal law conflict.

Ключевые слова: *восстановительное правосудие, разрешение уголовно-правового конфликта, медиация, возмещение вреда, причиненного преступлением, примирительные процедуры.*

Key words: *restorative justice, resolution of criminal law conflict, mediation, compensation for harm caused by a crime, conciliation procedures.*

В настоящее время мировое сообщество пришло к единому мнению о необходимости сокращения сферы применения лишения свободы и расширения практики использования примирительных процедур, в первую очередь, в отношении лиц, совершивших преступления в несовершеннолетнем возрасте.

В условиях реформирования уголовно-исполнительной системы, попыток создания единой системы ювенальной юстиции, применения альтернативных видов уголовных наказаний и мер реагирования на преступления, совершенные несовершеннолетними правонарушителями большое значение приобретают институты восстановительного правосудия и медиации*.

Понимание со стороны государственной власти важности проблемы в обеспечении баланса прав и законных интересов несовершеннолетних, совершивших преступление, и потерпевших от них привело к разработке нормативной основы восстановительного подхода в нашей стране, в основе которого лежат процедуры восстановительного правосудия и медиации.

В основе своей восстановительное правосудие технологически опирается на способы посредничества (медиации) между жертвой и правонарушителем, а также их примирения. Главным в восстановительном правосудии считается не наказание, а примирение правонарушителя с жертвой и возмещение ущерба [1, с.74].

Согласно Федеральному закону «Об альтернативной процедуре урегулирования споров с участием посредника (процедуре медиации)» [2] под **процедурой медиации** понимается способ урегулирования споров при содействии медиатора (независимое лицо либо независимые лица, привлекаемые сторонами в качестве посредников в урегулировании спора для содействия в выработке сторонами решения по существу спора) на основе добровольного согласия сторон в целях достижения ими взаимоприемлемого решения. Рекомендации Комитета министров Совета Европы № R (99) 19 «О посредничестве по уголовным делам» под посредничеством (медиацией) понимают «любой процесс, где жертве и правонарушителю предоставляется возможность, в случае их согласия, с помощью беспристрастной третьей стороны (ведущего) принимать активное участие в разрешении вопросов, связанных с произошедшим преступлением» [3, с. 185]. Схожие понятия даются и в Стандартах восстановительной медиации, разработанных и

утвержденных Всероссийской ассоциацией восстановительной медиации 17 февраля 2009 г. [4, с. 3] и в Концепции развития до 2020 года сети служб медиации в целях реализации восстановительного правосудия в отношении детей, в том числе совершивших общественно опасные деяния, но не достигших возраста, с которого наступает уголовная ответственность в Российской Федерации, утвержденной Распоряжением Правительства Российской Федерации в 2014 г. [5], в которых выделяются ключевые особенности посредничества (медиации) по уголовным делам.

В настоящее время среди мер погашения уголовно-правового конфликта в обществе все большее значение приобретает именно восстановительный подход, в основе которого лежит компромисс между его участниками. Суть компромисса, который лежит в основе восстановительного подхода, состоит в освобождении лица, совершившего преступление, от уголовной ответственности или наказания, при условии осуществления им определенных действий, одним из которых является возмещение вреда, причиненного преступлением.

Так, приоритет восстановительного подхода как одного из основных принципов дружественного к ребенку правосудия закреплен в Указе Президента Российской Федерации от 01.06.2012 №761 «О Национальной стратегии действий в интересах детей на 2012-2017 годы» [6]. На основе данного Указа Правительством РФ была разработана и принята уже упомянутая выше Концепция развития до 2020 года сети служб медиации для восстановительного правосудия в отношении детей, в том числе совершивших общественно опасные деяния, но не достигших возраста, с которого наступает уголовная ответственность [см. 4]. Одной из основных целей Концепции является создание благоприятных, гуманных и безопасных условий (среды) для полноценного развития и социализации детей и подростков, в том числе при возникновении конфликта с законом, формирование механизмов восстановления прав потерпевших от противоправных действий несовершеннолетних. В целях совершенствования государственной политики в сфере защиты несовершеннолетних Указом Президента РФ 2018-2027 гг. [7] объявлены Десятилетием детства в Российской Федерации, что еще раз подчеркивает особое отношение государственной власти к проблемам защиты лиц, не достигших совершеннолетия.

* Статья выполнена при финансовой поддержке Российского фонда фундаментальных исследований в рамках научного проекта № 19 – 011 – 00385 «Медиация

по уголовным делам о преступлениях против несовершеннолетних: современное состояние и перспективы развития».

В целом использование механизмов восстановительного правосудия и медиации соответствует общемировым стандартам и правилам, закрепленных в международных документах, включая Минимальные стандартные правила Организации Объединенных Наций, касающиеся отправления правосудия в отношении несовершеннолетних [8], Руководящие принципы Организации Объединенных Наций для предупреждения преступности среди несовершеннолетних [9], Рекомендации Совета Европы CM/Res (2017) «О европейских правилах в отношении общественных санкций и мер» [10], Рекомендации Комитета министров Совета Европы «О Европейских правилах для несовершеннолетних правонарушителей, по отношению к которым применены санкции или ограничительные меры уголовно-правового характера» [11] и др.

В последнем документе, в частности, указано, что санкции или ограничительные меры уголовно-правового характера, которые могут применяться к несовершеннолетним, а также порядок их осуществления должны быть определены законодательством и основываться на принципах социальной интеграции и воспитания, а также исходить из наилучших интересов несовершеннолетних правонарушителей. Меры уголовно-правового воздействия должны быть ограничены силой тяжести совершенных правонарушений, с учетом возраста, физического и психического состояния несовершеннолетнего и личных обстоятельств.

Как показывает анализ проведенных за последнее десятилетие научных исследований, проблемы возмещения вреда, причиненного преступлением, исследуются в основном в гражданско-правовом и процессуальном аспектах. Совершенно не изучены возможности использования уголовно-правовых средств возмещения вреда, в частности, применения норм, стимулирующих причинителей вреда к добровольному возмещению. Изучение уголовных дел показало, что добровольное возмещение вреда в большинстве случаев осуществлялось на досудебных стадиях, причем в полном размере ущерб возмещался только по 13,3% уголовных дел, а в частичном – по 21,6%. Столь незначительный процент возмещения вреда не может не вызывать беспокойства относительно адекватности мер, направленных на защиту интересов потерпевшего, в том числе относительно преступности несовершеннолетних. Дело в том, что имущественная преступность наиболее типична для подростков, а соответственно, существенными при этом становятся материальный и иной вред, причиненный потерпевшим.

Согласно официальным данным Судебного департамента при Верховном Суде Российской Федерации [12], чаще всего в качестве объектов преступных посягательств со стороны несовершеннолетних выступают собственность (76,1 %), жизнь и здоровье (7,3 %), половая неприкосновенность и половая свобода личности (1,7 %), общественная безопасность (0,8 %). В общей структуре осужден-

ных, совершивших преступления в несовершеннолетнем возрасте, как и прежде, наиболее высок удельный вес подростков, совершивших: кражи – 43,8 % (10 329 чел.), грабежи – 13,6 % (3 219 чел.), угоны транспортных средств без цели хищения – 11,9 % (2 817 чел.), разбои – 4,3 % (1 014 чел.), умышленные причинения тяжкого вреда здоровью – 3,2 % (750 чел.).

Ущерб от преступлений (по оконченным и приостановленным уголовным делам) за период январь-ноябрь 2018 г. составил 491,8 млрд. руб., что на 36,7% (аналогичный период прошлого года – 345,2 млрд руб.) больше аналогичного показателя прошлого года [13].

Не смотря на то, что согласно данным Портала правовой статистики Генеральной прокуратуры РФ и ГИАЦ МВД России в последнее время коэффициент преступной активности несовершеннолетних показывает устойчивую тенденцию к снижению, которое происходит на фоне общего снижения количества преступлений в России за последние годы [14], необходимо учитывать, что преступления несовершеннолетних обладают достаточно высокой латентностью, поэтому статистические данные о преступности несовершеннолетних не могут отразить в полной мере размеры данного негативного явления [15, с. 182].

Таким образом, развитие таких примирительных процедур как медиация и восстановительное правосудие может и должно стать одним из приоритетных направлений совершенствования уголовной политики государства в отношении несовершеннолетних правонарушителей, что обуславливает в свою очередь, необходимость более детальной конкретизации возможностей и условий применения медиации и восстановительных техник в уголовном судопроизводстве.

В целях совершенствования существующих в Российской Федерации механизмов урегулирования споров и защиты нарушенных прав граждан, по нашему мнению, следовало бы внести специальные поправки в федеральное законодательство, а именно дополнить положение ч. 2 ст. 1 Федерального закона от 27 июля 2010 г. № 193-ФЗ «Об альтернативной процедуре урегулирования споров с участием посредника (процедуре медиации)», изложив его следующим образом:

«Настоящим Федеральным законом регулируются отношения, связанные с применением процедуры медиации к уголовно-правовым конфликтам, спорам, возникающим из гражданских правоотношений, в том числе в связи с осуществлением предпринимательской и иной экономической деятельности, а также спорам, возникающим из трудовых правоотношений и семейных правоотношений».

Также целесообразно было бы дополнить ст. 92 УК РФ «Освобождение от наказания несовершеннолетних» ч. 5 следующего содержания: «Несовершеннолетнему осужденному за совершение преступления средней тяжести, а также тяжкого преступления к лишению свободы, либо несовершеннолетнему осужденному, который

был освобожден судом от наказания с применением принудительной меры воспитательного воздействия, предусмотренной частью второй настоящей статьи, суд может отсрочить отбывание наказания в виде лишения свободы или указанной принудительной меры воспитательного воздействия в случае заключения примирительного соглашения с потерпевшим и на период осуществления возмещения ему вреда. Отсрочка от отбывания наказания либо применения принудительной меры воспитательного воздействия применяется до достижения несовершеннолетним осужденным возраста восемнадцати лет, но не более чем на три года».

В случае если в течение установленного срока осужденный добросовестно исполняет принятые на себя обязательства по возмещению вреда потерпевшему в соответствии с положениями примирительного соглашения и по истечении данного срока не будет установлено факта систематического уклонения от возмещения вреда, осужденный может быть освобожден от уголовного наказания или принудительной меры воспитательного воздействия. Напротив, если обязательства не были исполнены, суд отменяет отсрочку отбывания наказания или применения принудительной меры воспитательного воздействия и направляет осужденного в место отбывания наказания, назначенное в соответствии с приговором суда или помещает его в специальное учебно-воспитательное учреждение закрытого типа.

Поиск альтернатив карательному правосудию, в особенности правосудию по делам несовершеннолетних, обусловлен в нашей стране пониманием недостаточной эффективности действующей системы мер уголовно-правового воздействия, что актуализирует востребованность концепции восстановительного правосудия. Как составной элемент восстановительного правосудия медиация должна стать неотъемлемой частью ювенальных технологий в части возмещения материального и иного вреда причиненного потерпевшему.

Таким образом, можно сделать вывод, что восстановительный подход, основанный на уголовно-правовом компромиссе между несовершеннолетним, совершившим преступление и потерпевшим на сегодняшний день является наиболее перспективным и приоритетным видом государственного реагирования на преступления совершенные лицом, не достигшим совершеннолетнего возраста, а также действенным механизмом по заглаживанию причиненного преступлением вреда.

Ссылки:

1. Жучкова Р.О. Гражданская правосубъектность несовершеннолетних и участие органов внутренних дел в ее реализации. дис. ... канд. юрид. С. Пб., 2006. 200 с.
2. Федеральный закон от 27 июля 2010 г. № 193-ФЗ [ред. от 23.07.2013] «Об альтернативной

процедуре урегулирования споров с участием посредника (процедуре медиации)» // Собр. законодательства Рос. Федерации. 2010. № 31. Ст. 4162.

3. Рекомендация № R (99) 19, принятая Комитетом министров Совета Европы 15 сентября 1999 года и пояснительные заметки // Организация и проведение программ восстановительного правосудия. Методическое пособие / Под редакцией Л.М. Карнозовой и Р.Р. Максудова. М.: МОО Центр «Судебно-правовая реформа», 2006 с. 200;

4. Данные Стандарты опубликованы на официальном сайте общественного центра «Судебно-правовая реформа» // <http://sprc.ru/wp-content/uploads/2012/08/Стандарты-восстановительной-медиации.pdf>. с. 10.

5. Распоряжение Правительства Российской Федерации от 30 июля 2014 г. № 1430-р [ред. от 01.09.2018] «Об утверждении Концепции развития до 2020 года сети служб медиации в целях реализации восстановительного правосудия в отношении детей, в том числе совершивших общественно опасные деяния, но не достигших возраста, с которого наступает уголовная ответственность в РФ» // Собр. законодательства Рос. Федерации. 2014. № 32. Ст. 4557.

6. Указ Президента РФ от 01.06.2012 № 761 «О Национальной стратегии действий в интересах детей на 2012 - 2017 годы» // Собр. законодательства Рос. Федерации. 2012. № 23. Ст. 2994.

7. Указ Президента РФ от 29 мая 2017 г. №240 «Об объявлении в Российской Федерации Десятилетия детства» // СЗ РФ. № 23. 2017. Ст.3309.

8. Минимальные стандартные правила Организации Объединенных Наций, касающиеся отправления правосудия в отношении несовершеннолетних (Пекинские правила) / (Приняты 29.11.1985 Резолюцией 40/33 на 96-ом пленарном заседании Генеральной Ассамблеи ООН) // Консультант-Плюс: Российское законодательство (Версия Проф). Дата обращения: 20.01.2019.

9. Руководящие принципы Организации Объединенных Наций для предупреждения преступности среди несовершеннолетних (Эр-Риядские руководящие принципы) / (Приняты 14.12.1990 Резолюцией 45/112 на 68-ом пленарном заседании Генеральной Ассамблеи ООН) // Консультант-Плюс: Российское законодательство (Версия Проф). Дата обращения: 20.01.2019.

10. Рекомендации Совета Европы CM/Rec (2017) О европейских правилах в отношении общественных санкций и мер // Compendium of Conventions, Recommendations and Resolutions related to Prison and Community Sanctions and Measures. Council of Europe Publishing. 2018 (на английском языке).

11. Рекомендация N CM/Rec (2008)11 Комитета министров Совета Европы «О Европейских правилах для несовершеннолетних правонарушителей, по отношению к которым применены санкции или ограничительные меры уголовно-правового характера» (Принята 05.11.2008 на 1040-ом заседании заместителей министров) //

КонсультантПлюс: Российское законодательство (Версия Проф). Дата обращения: 20.01.2019.

12. Данные официальной судебной статистики: сайт Судебного департамента при Верховном Суде Российской Федерации // URL: <http://www.cdep.ru/index.php?id=79> Дата обращения: 20.01.2019.

13. Данные официальной статистики правоохранительных органов: сайт МВД России // Статистика и аналитика: состояние преступности январь-ноябрь 2018 г. // URL: <https://xn--b1aew.xn--p1ai/folder/101762/item/15304733/>. Дата обращения: 20.01.2019.

14. Портал правовой статистики Генеральной прокуратуры Российской Федерации // URL: <http://crimestat.ru/>; Главный информационно-аналитический центр МВД России // URL: <https://мвд.рф/folder/101762/item/11830347/> Дата обращения: 20.01.2019.

15. Невский С.А. Деятельность органов внутренних дел по профилактике правонарушений несовершеннолетних // Проблемы развития ювенальной юстиции: взаимодействие федерального и регионального уровней. Орехово-Зуево, 2009. 136 с.

Куркин Борис Александрович,
доктор юридических наук, профессор кафедры «Международное право»,
ФГБОУ ВО «Тамбовский государственный технический университет»
Искевич Ирина Сергеевна
заведующий кафедрой «Международное право»,
ФГБОУ ВО «Тамбовский государственный технический университет»

ПОНЯТИЕ «ПУБЛИЧНОГО ПОРЯДКА» (PUBLIC POLICY) В ТЕОРИИ И ПРАКТИКЕ МЕЖДУНАРОДНОГО КОММЕРЧЕСКОГО АРБИТРАЖА РОССИИ

Kurkin B.A.
Doctor of jurisprudence, professor,
Tambov State Technical University
Iskevich I.S.
Candidate of Law Sciences, associate professor,
Cracow University of Technology

THE CONCEPT OF «PUBLIC ORDER» (PUBLIC POLICY) IN THEORY AND PRACTICE OF THE INTERNATIONAL COMMERCIAL ARBITRATION OF RUSSIA

Аннотация: В статье анализируется эволюция понимания публичного порядка в теории и практике международного частного права России и ее международном коммерческом арбитражном процессе. Авторы уделяют особое внимание новейшим тенденциям в понимании публичного порядка в российской арбитражной доктрине и практике. В статье исследуется новейший нормативный материал по данной теме.

Summary: The article analyses evolution of understanding of public policy in the theory and practice of international private law of Russia and its international commercial arbitral procedure. The authors focus on the latest trends in understanding of public policy in the Russian arbitration doctrine and practice. The article explores the latest regulations on the issue.

Ключевые слова: публичный порядок, международный коммерческий арбитраж

Key words: public order, international commercial arbitration

Оговорка о публичном порядке является общепризнанным принципом и институтом международного частного права. Оговорка о публичном порядке закреплена в законодательстве многих государств, в международных договорах, применяется судами в том числе и тех государств, чье законодательство не содержит ее прямого закрепления.

Национальное право допускает применение иностранного права, устанавливает порядок его применения и одновременно очерчивает допустимые границы его применения на своей территории. Этой цели и служит «оговорка о публичном порядке» (ordrepUBLIC, publicpolicy, Vorbehaltsklausel).

Следует подчеркнуть, что оговорка о публичном порядке направлена не против данного иностранного правопорядка в целом (хотя коллизийная норма и привязывает отношение к данному правопорядку в целом), а против действия определенной иностранной нормы.

Институт публичного порядка известен правовым системам всех стран, будучи закрепленным в законодательстве зарубежных стран, в частности, ГК Испании 1889 г., ст. 12(3); Законе Италии 1995 г., ст. 16; ГК канадской провинции Квебек 1991 г., ст. 3081; ГК Португалии 1966 г., ст. 22; Законе Швейцарии 1987 г., ст. 17, и др. [17: 57 – 58].

Оговорка о публичном порядке закреплена и судебной практикой. В качестве примера закрепления механизма публичного порядка в судебной практике можно рассматривать страны общего права, в частности Великобританию и США.

Он нашел также закрепление во многих многосторонних международных конвенциях в области международного частного права, в числе которых следует упомянуть Гаагскую конвенцию о праве, применимом к договорам международной купли-продажи товаров, 1986 г. (ст. 18), Гаагскую конвенцию о праве, применимом к договорам о посредничестве и к представительству, 1978 г. (ст. 17), Римскую конвенцию 1980 г. (ст. 16), Межамериканскую конвенцию о праве, применимом к международным договорам, 1994 г. (ст. 18).

Следует отметить, что в рамках международных договоров и национального законодательства РФ понятие публичного порядка не раскрывается.

В российской судебной практике это привело к тому, что понятие публичного порядка получало зачастую крайне широкое толкование [12: 352–401; 15; 16: 197—210].

Мировой практике известны два вида оговорки о публичном порядке: позитивная и негативная. Позитивная оговорка сложилась во Франции, где ее понимают как определенную совокупность норм французского права, в которых заинтересован «публичный порядок и добрые нравы». Отсюда название «позитивная»: она исходит из того, что какие-то принципы и нормы национального права имеют особое, позитивное значение для государства. Однако периодически возобновляемые попытки очертить круг этих законов ни к чему не привели.

Немецкие коллизийнисты подошли к проблеме иначе. Статья 6 Вводного закона к Германскому гражданскому уложению [10], озаглавленная «Публичный порядок» (ordrepUBLIC), гласит: правовая норма иностранного государства не применяется, если ее применение ведет к результату, который явно несовместим с основными принципами германского права. В особенности она не может быть применена, если применение несовместимо с основными правами. В этой формулировке акцент делается на иностранный закон, который не может быть применен в случае противоречия национальному публичному порядку. Такой подход получил название «негативная концепция публичного порядка», которая нашла отражение в современных кодификациях подавляющего большинства стран.

Таким образом, негативная оговорка в отличие от позитивной исходит из того, что иностранное право, которое следует применить по предписанию национальной коллизийной нормы, не должно применяться, если оно или его отдельные нормы несовместимы с публичным порядком этого государства. Негативная форма оговорки преобладает в международном частном праве, она закреплена в законах многих государств, в частности, англо-американских [19: 117 и далее].

Негативная оговорка о публичном порядке, несмотря на свою распространенность, так же, как и позитивная, не имеет четко определенных границ. Законодатели самых разных стран исходят из того, что детальное определение в праве понятия «публичный порядок» едва ли возможно, а сами государства не заинтересованы «связывать себе руки».

Тем не менее, следует подчеркнуть, что применительно к публичному порядку практика не слишком обширна, поскольку во всех странах к этому способу отказа от применения иностранного закона прибегают сравнительно редко.

Как принципиальный институт российского международного частного права оговорка о публичном порядке содержится в разд. VI Гражданского кодекса. Она закреплена в ст. 1193, в соответствии с которой «Норма иностранного права, подлежащая применению в соответствии с правилами настоящего раздела, в исключительных случаях не применяется, когда последствия ее применения явно противоречили бы основам правопорядка (публичному порядку) Российской Федерации. В этом случае при необходимости применяется соответствующая норма российского права».

Отказ в применении иностранного права не может быть основан только на отличии правовой, политической или экономической системы соответствующего иностранного государства от правовой, политической или экономической системы Российской Федерации».

В первой норме ст. 1193 подчеркивается, что неприменение иностранного права может иметь место «в исключительных случаях», а противоречие основам правопорядка Российской Федерации должно быть «явным».

В соответствии со смыслом ст. 1193, суд, придя к выводу о невозможности применения нормы иностранного права в силу наступления последствий, противоречащих публичному порядку, должен определить, какую норму права применить взамен отклоненной. Как правило, в этом случае суды используют нормы своего права — *lex fori*. Указанный подход закреплен, в частности, в ст. 167 Семейного кодекса РФ 1995 г., а также в § 6 Закона Австрии 1978 г., ст. 5 Закона Турции 1982 г. и др.

В некоторых законодательных актах это указано прямо. Таким образом, допускается возможность заполнения пробела, возникшего в результате отторжения иностранной нормы, другой нормой применимого иностранного права (очевидно, близкой по содержанию отвергнутой норме) при условии, разумеется, что ее применение не будет противоречить публичному порядку *lex fori*. Применение же права *lex fori* исключает применение оговорки о публичном порядке.

В ст. 1193 указано также, что при установлении противоречия применения нормы иностранного права российскому публичному порядку «при необходимости применяется соответствующая норма российского права». Включение слов «при необходимости» допускает также возможность применения норм иностранного права. Суд должен убедиться в невозможности найти другие нормы иностранного права вместо неприемлемых и лишь при их отсутствии обратиться к российскому праву.

Российские законы используют три формулы оговорки о публичном порядке.

Первая формула — «основы правопорядка» — закреплена в частноправовых законах. Например, согласно ст. 167 СК РФ «Нормы иностранного права не применяются в случае, если такое применение противоречило бы основам правопорядка (публичному порядку) Российской Федерации».

Вторая формула — «суверенитет и безопасность» — используется в процессуальных актах. Например, подп. 5 п. 1 ст. 412 ГПК РФ устанавливает, что российские суды не исполняют решения иностранных судов, если их исполнение «может нанести ущерб суверенитету Российской Федерации или угрожает безопасности Российской Федерации или противоречит публичному порядку Российской Федерации». Она повторена в п. 2 ст. 407 ГПК РФ о судебных поручениях.

Третья формула — «публичный порядок» — получила закрепление в Законе о международном коммерческом арбитраже 1993 г. (п. 2 ст. 34 и п. 2 ст. 36) и в Арбитражном процессуальном кодексе 2002 г. (подп. 7 п. 1 ст. 244) в качестве основания для отказа в признании и исполнении решения иностранного суда и иностранного арбитражного решения.

Таким образом, в российском праве либо вообще не раскрывается, либо используется лишь ориентировочная формулировка «основы правопорядка», нуждающаяся в своей очереди в расшифровке. Так, по высказанному в литературе мнению, понятие «публичный порядок» должно включать в

себя основы конституционного строя РФ, принципы отраслей права, общепризнанные принципы и нормы международного права и международные договоры РФ [9: 13 – 19]. Публичный порядок – это основные принципы, закрепленные в Конституции и федеральных законах России.

Главные элементы понятия публичного порядка раскрываются в литературе с учетом судебной практики.

Чаше всего российские суды сталкиваются с необходимостью толкования ст. 1193 в сфере международного гражданского процесса, в частности, при необходимости принудительного исполнения иностранных арбитражных решений. Так, в постановлении Президиума Верховного Суда РФ от 02.06.99 было указано, что под публичным порядком следует понимать основные принципы, закрепленные в Конституции и законах РФ. Определение Судебной коллегии по гражданским делам ВС РФ от 25.09.98 также дает пример толкования анализируемой оговорки: «Под публичным порядком Российской Федерации понимаются основы общественного строя Российского государства. Оговорка о публичном порядке возможна лишь в тех отдельных случаях, когда применение иностранного закона могло бы породить результат, недопустимый с точки зрения российского правосознания».

Сегодня нередко можно наблюдать попытки участников гражданско-правовых споров обратиться к оговорке о публичном порядке для защиты своих интересов, однако они, как правило, не находят поддержки в судах.

В практике советских судов оговорка о публичном порядке не применялась ни разу. До недавнего времени не было случаев и в практике МКАС при ТПП РФ, когда бы арбитры отказывали в применении иностранного права, ссылаясь на оговорку о публичном порядке [11: 106 – 107].

Ситуация резко изменилась в 90-е годы прошлого века. Тогда едва ли не в каждом деле о приведении в исполнение или оспаривании решения третейского суда сторона проигравшая арбитраж, ссылаясь на нарушение публичного порядка РФ.

Противоречие публичному порядку, по российскому законодательству, является правовым основанием, позволяющее мне признавать и не исполнять на территории России решения, вынесенного зарубежными судебными или арбитражными институтами. Практическая значимость категории публичного порядка заключается в том, что в ряде случаев нарушение публичного порядка может стать единственным основанием для отказа в признании и приведении в исполнение в России иностранного решения. При этом речь идет как правило о содержании как материального права. В этом нет ничего экстраординарного. Так, отказ в признании иностранных арбитражных решений со ссылкой на нарушение публичного порядка предусмотрен подп. б) п. 2 ст. V Нью-Йоркской конвенции о признании и приведении в исполнение иностранных арбитражных решений 1958 г., подп. 2) п.

1 ст. 36 Закона РФ от 7 июля 1993 г. № 5338-1 «О международном коммерческом арбитраже», а также ч. 2 и п. 7 ч. 1 ст. 244 АПК РФ. Возможность отказа в признании иностранных судебных решений в связи с нарушением публичного порядка предусмотрена рядом многосторонних и двусторонних договоров (соглашений) о правовой помощи, также ч. 2 и п. 7) ч. 1 ст. 244 АПК РФ. Необходимо отметить, что Обзор не затрагивает острый вопрос о возможности признания и приведения в исполнение на территории России иностранного решения, вынесенного судом той страны, с которой у России отсутствует международный договор о правовой помощи. Отсутствие такого международного договора в некоторых случаях может выступить самостоятельным основанием для отказа в признании и приведении в исполнение на территории России иностранного судебного решения.

Следует также отметить, что концепция нарушения публичного порядка используется при рассмотрении не только заявлений о признании и приведении в исполнение иностранных судебных и арбитражных решений на территории РФ, но и заявлений об отмене решений международного коммерческого арбитража, вынесенных, например, Международным коммерческим арбитражным судом при Торгово-промышленной палате России. Право на это закреплено в подпункте 2) п. 2 ст. 34 Закона о МКА и ч. 4 ст. 233 АПК РФ.

В частности, в п. 29 Обзора практики рассмотрения арбитражными судами дел о признании и приведении в исполнение решений иностранных судов, об оспаривании решений третейских судов и о выдаче исполнительных листов на принудительное исполнение решений третейских судов Президиум ВАС РФ отмечал, что публичный порядок РФ предполагает «добросовестность и равенство сторон, вступающих в частные отношения, а также соразмерность мер гражданско-правовой ответственности виновному правонарушению». Указанный Обзор был утвержден Информационным письмом Президиума ВАС РФ от 22 декабря 2005 г. № 96.

Одним словом Президиум ВАС РФ предлагал понимать под нарушением публичного порядка нарушение отдельных отраслевых принципов права.

В последние годы российскими судами стала широко применяться следующая, более узкая формулировка, в которой при разрешении вопроса о нарушении публичного порядка предлагалось также обратить внимание на то, какие последствия может иметь такое нарушение, в частности, будет ли оно затрагивать суверенитет и безопасность государства, интересы больших социальных групп и пр.: «Решение международного третейского суда может быть признано противоречащим публичному порядку Российской Федерации в том случае, если в результате его исполнения будут совершены действия либо прямо запрещенные законом, либо наносящие ущерб суверенитету или безопасности государства, затрагивающие интересы больших социальных групп, являющиеся несовместимыми с

принципами построения экономической, политической, правовой системы государств, затрагивающие конституционные права и свободы граждан, а также противоречащие основным принципам гражданского законодательства, таким как равенство участников, неприкосновенность собственности, свободы договора». Этой теме были посвящены, в частности, определения ВАС РФ от 28 апреля 2012 г. № ВАС-5156/12, от 12 декабря 2011 г. № ВАС-14119/11, от 5 декабря 2011 г. № ВАС-14097/11, от 18 апреля 2011 г. № ВАС-2861/11, от 18 мая 2009 г. № ВАС-3436/09, от 8 мая 2007 г. № 4223/07.

Однако, как справедливо отмечают в связи с этим А.В. Асосков и А.Н. Кучер, и такая формулировка оставляла существенный простор для широкого толкования концепции публичного порядка [8: 192].

До выхода свет Информационного письма № 156 существенную роль для судебной практики в области взаимодействия государственных судов с третейскими играло Информационное письмо Президиума ВАС РФ от 22 декабря 2005 г. № 96, в котором присутствовал «Обзор практики рассмотрения арбитражными судами дел о признании и приведении в исполнение решений иностранных судов, об оспаривании решений третейских судов и о выдаче исполнительных листов на принудительное исполнение решений третейских судов» (в дальнейшем – Информационное письмо № 96).

Это письмо, впрочем, подвергалось серьезной критике в российской юридической литературе опять-таки за расплывчатость формулировок, что давало необычайно широкий простор судебскому усмотрению. В итоге региональные суды стали формулировать собственные определения публичного порядка [13: 201].

Можно с полным правом утверждать, что Информационное письмо № 156 стало крупным шагом в деле развития российской доктрины публичного порядка в России. Так, п. 1 Информационного письма № 156 в целом следует уже сложившейся судебной практике и определяет публичный порядок так: «Под публичным порядком в целях применения (ст. V(2) (b) Нью-Йоркской Конвенции) понимаются фундаментальные правовые начала (принципы), которые обладают высшей императивностью, универсальностью, особой общественной и публичной значимостью, составляют основу построения экономической, политической, правовой системы государства. К таким началам, в частности, относится запрет на совершение действий, прямо запрещенных сверх императивными нормами законодательства Российской Федерации (статья 1192 Гражданского кодекса Российской Федерации <...>), если этими действиями наносится ущерб суверенитету или безопасности государства, затрагиваются интересы больших социальных групп, нарушаются конституционные права и свободы частных лиц».

В первом же пункте Информационного письма № 156 дается следующая описательная формули-

ровка понятия «публичный порядок»: «...под публичным порядком в целях применения названных норм [подп. б) п. 2 ст. V Нью-Йоркской конвенции и п. 7 ч. 1 ст. 244 АПК РФ. -Авт.] «публичный порядок»: понимаются фундаментальные правовые начала (принципы), которые обладают высшей императивностью, универсальностью, особой общественной и публичной значимостью, составляют основу построения экономической, политической, правовой системы государства.

К таким началам, в частности, относится запрет на совершение действий, прямо запрещенных сверх императивными нормами законодательства Российской Федерации (статья 1192 Гражданского кодекса Российской Федерации...), если этими действиями наносится ущерб суверенитету или безопасности государства, затрагиваются интересы больших социальных групп, нарушаются конституционные права и свободы частных лиц».

Как отмечает в связи с этим Б.Р. Карабелников, «фактически это < > формулировка, которая была воплощена в судебных актах начиная с 2007 г., с одной только важной поправкой: в нее включена ссылка на ст. 1192 ГК РФ» [13: 203]. Представляется, что данное определение публичного порядка существенно содержательнее прежних.

Важно отметить, что новое определение из п. 1 Обзора сужает понятие публичного порядка: в частности, действия, затрагивающие интересы больших социальных групп или нарушающие конституционные права частных лиц, теперь не могут быть автоматически квалифицированы как нарушающие российский публичный порядок.

Исходя из нового определения публичного порядка, для того чтобы установить нарушение российского публичного порядка, необходимо будет определить, что 1) действия нарушают фундаментальные принципы российского права или прямо запрещены российскими сверх императивными нормами.

Напомним, что в соответствии с п.1 ст. 1192 ГК РФ сверх императивными нормами (нормами непосредственного применения) являются такие императивные нормы, которые вследствие указания в самих нормах или ввиду их особого значения регулируют соответствующие отношения независимо от права, подлежащего применению на основании положений международного частного права. Как правило, к подобной категории норм относятся положения публично-правового законодательства, которые влекут недействительность сделок или невозможность исполнения обязательств (антимонопольное, валютное регулирование, лицензирование и квотирование экспорта и импорта, эмбарго на поставки товаров и т.п.).

Нарушением публичного порядка по смыслу письма № 156, будет также нарушение, наносящее ущерб суверенитету или безопасности государства, затрагивает конституционные права и свободы частных лиц или затрагивает интересы больших социальных групп.

Кроме того, из определения публичного порядка было исключено указание на нарушение таких отраслевых принципов гражданского законодательства, как равенство участников, неприкосновенность собственности, свобода договора. Ранее на практике российские должники, против которых выносились иностранные судебные или арбитражные решения, часто ссылались на допущенные иностранным судом или арбитражем нарушения данных принципов (а также принципа законности) и доказывали, что подобные нарушения противоречат российскому публичному порядку. Как справедливо отмечают А.В. Асосков и А.Н. Кучер, «Отсутствие в новом определении публичного порядка ссылок на данные принципы снижает вероятность успешного использования подобных аргументов» [8: 193].

При подобной узкой трактовке понятия публичного порядка, которая в значительной степени приближается к сложившимся зарубежным стандартам. В свою очередь, зарубежные стандарты понимания публичного порядка представлены, в частности, в Рекомендациях Ассоциации международного права 2002 г. по применению публичного порядка в качестве основания для отказа в признании или приведении в исполнение международных арбитражных решений (International Law Association Recommendations on the Application of Public Policy as a Ground for Refusing Recognition and Enforcement of International Arbitral Awards).

Возникает, однако, вопрос, следует ли рассматривать то или иное нарушение иностранным судебным или арбитражным решением конституционных прав граждан в качестве нарушения фундаментальных норм российского права? Обзор не дает ответа на данный вопрос.

В письме № 156 предложен и общий механизм применения оговорки о публичном порядке. Так, в п. 2 Обзора указывается, что российский суд может рассматривать иностранное решение на предмет соответствия российскому публичному порядку не только по заявлению стороны спора, но и по собственной инициативе. Этот вывод полностью соответствует ст. V Нью-Йоркской конвенции, где в п. 1 предусмотрены основания для отказа в признании и приведении в исполнение арбитражного решения, которые применяются только по заявлению стороны, против которой направлено решение, в то время как основания, предусмотренные п. 2 ст. V (нарушение публичного порядка и неарбитрабельность спора) могут быть применены компетентным судом по собственному усмотрению.

В данном контексте важное значение имеет разъяснение, которое дается в п. 4 Обзора: суд применяет оговорку о публичном порядке лишь в исключительных случаях, когда отсутствуют иные применимые специальные основания для отказа в признании и приведении в исполнение иностранного решения. В качестве примера в Обзоре приводится ссылка ответчика на ненадлежащее извеще-

ние о месте и дате устного слушания. Данное основание специально указано в подп. б) п. 1 ст. V Нью-Йоркской конвенции, а потому в данном случае отсутствуют основания для обращения к понятию публичного порядка.

На практике такое разграничение между применением оговорки о публичном порядке и применением иных оснований к отказу в признании и приведении в исполнение арбитражного решения имеет важное значение, поскольку большинство специальных оснований (в том числе ненадлежащее уведомление стороны об арбитражном разбирательстве) может применяться лишь при условии, что сторона, против которой направлено арбитражное решение, ссылается на соответствующее основание и представляет соответствующие доказательства.

Еще один чрезвычайно важный момент, отмеченный в письме № 156, это последствия расхождения между нормами российского и иностранного права как потенциальное основание для применения оговорки о публичном порядке.

В связи с этим следует упомянуть п. 5, в котором подчеркивается, что признание и приведение в исполнение иностранного решения не могут нарушать российский публичный порядок лишь на том основании, что в российском праве отсутствуют нормы, аналогичные нормам примененного иностранного права.

Следующим важным моментом – потенциальным основанием для применения оговорки о публичном порядке объявляется нарушение процессуальных положений.

В п. 12 Обзора констатируется наличие не только материально-правовой, но и процессуальной составляющей публичного порядка. Иными словами, нарушение публичного порядка потенциально может иметь место и в ситуации, когда при вынесении иностранного судебного или арбитражного решения были допущены нарушения фундаментальных процессуальных принципов, которые сами по себе не образуют специального самостоятельного основания для отказа в признании и приведении в исполнение иностранного решения.

Наконец, еще одним основанием для применения оговорки о публичном порядке назван коммерческий подкуп. В п. 2 Обзора приведен пример, в рамках которого российские суды сделали вывод о наличии достаточных оснований для отказа в признании и приведении в исполнение иностранного арбитражного решения по соображениям публичного порядка. Так, в российский суд на стадии рассмотрения заявления о признании и приведении в исполнение на территории России иностранного арбитражного решения был представлен вступивший в законную силу приговор российского суда о привлечении к уголовной ответственности по ч. 3 ст. 204 УК РФ («Коммерческий подкуп») директора российского федерального государственного унитарного предприятия, заключившего от имени предприятия договор на заведомо невыгодных для

предприятия условиях, о чем в момент заключения договора было.

В Информационном письме № 156 содержится ряд рекомендаций. Так, п. 2 разъяснено, что противоречить публичному порядку в силу коммерческого подкупа представителя стороны арбитражное решение будет только в случае, если к моменту рассмотрения вопроса о выдаче экзекватуры подкупленное лицо уже осуждено вступившим в силу приговором суда.

Представляется, что данное определение публичного порядка существенно содержательнее прежних. Можно утверждать, что оно уже активно способствует обеспечению максимально возможному разнообразию российской арбитражной практики.

Анализ Письма № 156 показывает, что в целом оно ориентирует суды и арбитражи России на ограничительное толкование понятия публичного порядка и приводит его в соответствие с зарубежными стандартами.

Тем не менее, ряд острых вопросов, возникающих в деле взаимодействия государственных и третейских судов, затронутых в Информационном письме № 156, так и не нашли своего решения.

Так, в частности, оказалась в подвешенном состоянии проблема так называемых «косвенных исков», когда предвидя неблагоприятный исход международного арбитража, акционеры российских компаний инициируют процесс об оспаривании в российских государственных судах сделки, спор из которой вынесен на рассмотрение третейского суда.

Например: российский суд признает сделку недействительной или ничтожной, а международный арбитраж наказывает российского ответчика за ее неисполнение, то между российским судебным актом и арбитражным решением возникает сущностное противоречие, которое многие отечественные судьи рассматривают в качестве нарушения публичного порядка.

Кроме того, как отмечает Б.Р. Карабельников, «в Информационном письме № 156 оказался не рассмотренным вопрос об арбитрабельности корпоративных споров, причем как собственно споров, связанных с корпоративными решениями, так и споров между акционерами компании, касающихся исполнения заключенных между ними договоров» [13: 212].

В целом же, по мнению авторов настоящей статьи, конкретизация понятия публичного порядка несомненно будет способствовать изменению российской судебной и арбитражной практики по делам, связанным с признанием и приведением в исполнение иностранных арбитражных и судебных решений. Особенно важен вывод ВАС РФ о том, что российский публичный порядок не затрагивается такими иностранными решениями, которые основаны на применении иностранных материальных и процессуальных институтов, отсутствующих в российском праве.

Список литературы:

1. Андреева К. П. Основы менеджмента. Практическое обозрение терминологии / К. П. Андреева // Менеджмент и Управление. – 2014. – уч. – К-234 с.
1. Арбитражный процессуальный кодекс Российской Федерации от 24.07.2002 № 95-ФЗ (ред. от 25.12.2018) // Собрание законодательства РФ. – 2002. – N 30. – Ст. 3012.
2. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть четвертая) от 18.12.2006 № 230-ФЗ (ред. от 23.05.2018) // Собрание законодательства РФ. – 2006. – № 52 (1 ч.). – Ст. 5496.
3. Гражданский процессуальный кодекс Российской Федерации" от 14.11.2002 № 138-ФЗ (ред. от 27.12.2018) // Собрание законодательства РФ. – 2002. – № 46. – Ст. 4532.
4. Семейный кодекс Российской Федерации от 29.12.1995 № 223-ФЗ (ред. от 03.08.2018) (с изм. и доп., вступ. в силу с 01.01.2019) // Собрание законодательства РФ. – 1996. – № 1. – Ст. 16.
5. Закон РФ от 07.07.1993 № 5338-1 (ред. от 25.12.2018) «О международном коммерческом арбитраже» // Ведомости СНД и ВС РФ. – 12.08.1993. – № 32. – Ст. 1240.
6. Информационное письмо Президиума ВАС РФ от 26.02.2013 № 156 «Обзор практики рассмотрения арбитражными судами дел о применении оговорки о публичном порядке как основания отказа в признании и приведении в исполнение иностранных судебных и арбитражных решений» // Вестник ВАС РФ. – 2013. – № 5.
7. Конвенция Организации Объединенных Наций о признании и приведении в исполнение иностранных арбитражных решений" от 10.06.1958 года) (с изм. и доп. на 20.04.2018) // Вестник ВАС РФ. – 1993. – N 8.
8. Асосков А.В., Кучер А.Н. Президиум ВАС РФ определил подходы к понятию публичного порядка: краткий комментарий к Информационному письму от 26.02.2013 № 156 / А.В. Асосков, А.Н. Кучер // Вестник международного коммерческого арбитража. – 2013. – № 1. – С. 119 – 199.
9. Беляева Н.Г. Публично-правовые и частно-правовые аспекты оговорки о публичном порядке / Н.Г. Беляева // Российский юридический журнал. – 2002. – № 1. – С. 13 – 19
10. Германское право. Часть I. Гражданское уложение. – М., 1996.
11. Кабатов В.А. Применимое право при разрешении споров в международном коммерческом арбитражном суде при Торгово-промышленной палате РФ / В.А. Кабатов // Хозяйство и право 1998 № 6 — С. 106 — 107
12. Карабельников Б.Р. Международный коммерческий арбитраж: учебник / Б.Р. Карабельников. – М., 2012.
13. Карабельников Б.Р. ВАС РФ объясняет публичный порядок / Б.Р. Карабельников // Вестник международного коммерческого арбитража № 1, 2013. – С. 190 – 198.
14. Кох Х., Магнус У., Винклер фон Моренфельс П. Международное частное право и сравнительное правоведение / Х. Кох, У. Магнус, П. Винклер фон Моренфельс. – М., 2003.
15. Крохалев С.В. Категория публичного порядка в международном гражданском процессе / С.В. Крохалев. – СПб., 2006.
16. Курзински-Сингер Е., Давыденко Д.Л. Материально-правовой ordre public в российской судебной практике по делам о признании и приведении в исполнение или отмене решений международного коммерческого арбитража / Е. Курзински-Сингер, Д.Л. Давыденко // Закон. – 2009. – № 9. – С. 197— 210
17. Куркин Б.А. Международное частное право / Б.А. Куркин. – М.: 2014
18. Лунц Л.А. Международное частное право. Общая часть / Л.А. Лунц – М.: 1970.
19. Чешир Дж., Норт П. Международное частное право / Дж. Чешир, П. Норт. – М.: Прогресс. – 1982.

УДК 343.7: 340.5

Соловйова Аліна Миколаївна
Кандидат юридичних наук, доцент
Міністерство юстиції України,
Головний спеціаліст

**КРИМІНАЛЬНО-ПРАВОВА ОХОРОНА ВЛАСНОСТІ ЗА ЗАКОНОДАВСТВОМ КРАЇН
РОМАНО-ГЕРМАНСКОЇ ПРАВОВОЇ СІМ'Ї**

Soloviova Alina,
Doctor of Philosophy (Ph.D.) in Law
Associate Professor
Ministry of Justice of Ukraine,
Chief Specialist

**CRIMINAL LEGAL PROTECTION OF PROPERTY UNDER THE LAW OF THE COUNTRIES OF
ROMANO-GERMANIC LEGAL FAMILY**

Анотація. У статті аналіз кримінально-правової охорони власності за законодавством романо-германської правової сім'ї здійснено за такими групами країн: 1) країни романської правової групи; 2) країни німецької правової групи; 3) країни нордичного права; 4) країни Латинської Америки; 5) країни південних і західних слов'ян та країни пострадянського простору, в тому числі країни Балтії. Зроблено висновок, що у цілому поняття і регулювання відповідальності за вказані злочини в країнах романо-германської правової сім'ї мають багато спільного.

Summary. In the article, the analysis of criminal legal protection of property under the legislation of the Roman-Germanic legal family was carried out in the following groups of countries: 1) countries of the Roman legal group; 2) the countries of the German legal group; 3) countries of Nordic law; 4) countries of Latin America; 5) countries of the southern and western Slavs and the post-Soviet countries, including the Baltic states. It is concluded that, in general, the concept and regulation for the specified crimes in the countries of the Romano-German legal family have lots of similarities.

Ключові слова: злочини проти власності, крадіжка, грабіж, розбій, романо-германська правова сім'я, правова система.

Key words: crimes against property, theft, robbery, robbery, romano-germanic legal family, legal system.

Постановка проблеми. У час євроінтеграційних процесів, особливої актуальності набувають дослідження порівняльно-правового характеру, особливо дослідження кримінально-правової охорони власності за законодавством країн романо-германської правової сім'ї. Необхідність кримінально-правового оформлення євроінтеграційних тенденцій у сфері охорони власності очевидна, однак за своєю природою євроінтеграція – складний та довготривалий процес.

Аналіз останніх досліджень і публікацій. Аналіз злочинів проти власності здійснювали українські та зарубіжні вчені у різний період часу. Особливо слід відзначити роботи П.П. Андрушка, О.О. Дудорова, А.А. Музики, П.С. Матишевського, М.І. Панова, Є.Л. Стрельцова, В.Я. Тація, П.Л. Фріса, М.І. Хавронюка, С.Д. Шапченка та інших відомих вчених. Питаннями порівняльно-правового аспекту цікавилися чимало науковців, серед яких, особливо слід відзначити ґрунтовні роботи М.І. Хавронюка, С.С. Яценка та ін.

Виділення не вирішених раніше частин загальної проблеми. Не зважаючи на вагомий внесок вчених у дослідження злочинів проти власності за законодавством України та деяких зарубіжних країн, необхідним є дослідження кримінально-правової охорони власності саме за законодавством країн романо-германської правової сім'ї.

Мета даної статті полягає в тому, щоб сформулювати основні положення кримінально-правова охорона власності за законодавством країн романо-германської правової сім'ї, дослідити їх з точки зору можливості удосконалення правових норм щодо кримінальної відповідальності за злочини проти власності Кримінального кодексу України.

Виклад основного матеріалу. У межах романо-германської правової сім'ї країни було поділено на групи: 1) країни романської правової групи (Бельгія, Люксембург, Нідерланди, Італія, Португалія, Іспанія та інші); 2) країни німецької правової групи (Австрія, Німеччина, Швейцарія та інші); 3) країни нордичного права (Швеція, Норвегія, Данія, Ісландія, Фінляндія); 4) країни Латинської Америки (Чилі, Уругвай, Бразилія, Аргентина, Куба, Гаїті, Болівія, Мексика, Домініканська Республіка, Венесуела); 5) країни південних і західних слов'ян та

країни пострадянського простору, в тому числі країни Балтії. Для класифікації країн було застосовано критерії: спільність історичного розвитку, приналежність до певної правової сім'ї, географічний критерій.

Слід зазначити, що окремо у п'ятій групі романо-германської правової сім'ї виділено країни південних і західних слов'ян. Це пов'язано з тим, що у кримінальних законах південних і західних слов'ян існує певна подібність законодавчих конструкцій. Досліджено три групи слов'янських народів, які зараз мають власні держави, серед них: західні слов'яни (Польща, Чехія), східні слов'яни (Україна, Білорусь, Росія), і південні слов'яни (Болгарія, Сербія, Хорватія, Боснія і Герцеговина, Македонія, Словенія, Чорногорія). Групу східних слов'ян в результаті особливого історичного розвитку відносять до іншої правової сім'ї. Західні славяни (Польща, Чехія) та південні славяни (Болгарія, Сербія, Хорватія, Боснія і Герцеговина, Македонія, Словенія, Чорногорія) мають національні правові системи, об'єднані спільністю структур, джерел, правових інститутів, понятійно-категоріального апарату юридичної науки.

Крім того, звертаємо увагу, що нами виділено країни нордичного права. Такі країни у науці частіше називають Скандинавськими. Ми обґрунтуємо не точність такої назви. Досліджуючи питання місця Скандинавських країн на правовій мапі світу вчені вказують на безумовну спільність історичного минулого цих країн, розвитку державності і права в них, відмінному від розвитку країн континентальної Європи і Англії. У той же час певний вплив на розвиток правових систем Скандинавських країн надали і романо-германські і англосаксонські правові сім'ї. Тому в цих країнах можна зустріти деякі риси континентального і загального права.

Нордична юридична наука завжди звертала увагу на події на континенті, і в XIX столітті вона безперечно перебувала під впливом. Але тенденція до надмірного концептуалізму та побудови великомасштабних інтегрованих теоретичних систем ніколи насправді не дотримувалася на Півночі. Таким чином, хоча скандинавські правові системи брали

участь у правовому розвитку континентальної Європи, вони також зберігали свої місцеві особливості, і виправдовує виокремлення їх у спеціальну нордичну групу [1].

У географічному розумінні Скандинавія означає Скандинавський півострів, який розташований між Атлантичним океаном і Балтійським морем. У такому розумінні лише Норвегія, Швеція і найпівнічніша частина Фінляндії будуть складати Скандинавію. Однак у більш загальному розумінні очевидно, що і Данію можна віднести до Скандинавії, хоча півострів Ютландія є частиною європейського материка. Фінляндія за історією та культурою суворопів північна країна. Так само Ірландія і Фарерські острови, які є автономним районом Королівства Данії. Гренландія географічно розглядається як частина американського континенту, а за своєю історією та культурою, у першу чергу є частиною Північного регіону [2, с. 15]. Гренландія стала Данською колонією у 1814 році, а після прийняття в Данії Конституції 1953 року — частиною Співдружності Королівства.

Основною особливістю групи країн Скандинавії є значна етноспорідненість. Свого часу всі вони перебували під впливом одне одного (династичні союзи, особисті унії, завоювання та залежні території), або позиціонували себе таким чином, що дало змогу створити досить таки гомогенну правову спільноту, з точки зору загальних принципів права. Тим більш цікаве дослідження цієї системи, яка хоч і розвивалась під деяким впливом Європи, проте завжди відрізнялась значною автаркією і самобутністю, і при цьому її результати багато в чому нагадують результати сусідів по правовій карті світу, а багато в чому принципово відрізняються, що дало змогу дослідникам виділити самостійну скандинавську правову систему [3, с. 21].

Цікавим є те, що поняття Скандинавії до тепер ще не визначено однозначно. Частіше до нього включають Швецію, Норвегію, Данію, Ісландію, Фінляндію. Але лише в трьох державах – Норвегії, Швеції та Данії – вчені підтримують таку точку зору. Головним аргументом є мовна спорідненість. Фінляндія та Ісландія не відносять себе до Скандинавії, але приєднуються до більш широкого історико-географічного поняття – Norden (Північ). У літературі для позначення правової сім'ї всіх п'яти держав часто використовують словосполучення (термін) нордичне право. У юридичній літературі часто терміни «скандинавське право» і «нордичне право» використовують як синоніми [4]. На нашу думку, з урахуванням неточностей у найменуванні цих п'яти країн Скандинавськими, пропонуємо підтримати точку зору вчених про можливість більш точного найменування – Нордичні [5] або країни нордичної групи чи країни нордичного права.

Скандинавські країни мають спільні історичні корені. У 1397 році Данія, Норвегія та Швеція об'єдналися в єдину державу під верховною владою датського короля за Кальмарською унією [6, с. 271]. У 1523 році, Данія, Норвегія та Ісландія довгий час

знаходилися під централізованим управлінням данської королівської сім'ї. У 1814 році Данія поступилася територію Норвегії Швеції, яка в 1906 році мирним шляхом отримала повну автономію. У 1918 році незалежною державою була проголошена і Ісландія, хоча формально вона перебувала під юрисдикцією датського короля до кінця Другої світової війни [7, с. 72].

У скандинавській юридичній літературі тема класифікації правових систем розглядалася багатьма вченими. Так, Майкл Богдан, професор Лундського університету, у своєму підручнику *Komparativ rättskunskap* (Comparative Legal Science) [8] підкреслює, що Швеція, Норвегія, Данія, Ісландія, Фінляндія є державами нордичного права, яке належить перш за все до правових систем континентальної Європи, демонструючи набагато більшу схожість з цими системами, ніж ті, що належать до сім'ї загального права (common law) [9]. З іншого боку, Ditlev Tamm, датський професор, підтримував точку зору щодо вживання терміну скандинавського права. Країни (Швеція, Норвегія, Данія, Ісландія, Фінляндія) слід розглядати як країни скандинавського права, окрему правову сім'ю, вказуючи на три ключові фактори: обмежену важливість юридичних формальностей, відсутність сучасних кодифікацій і відсутність впливу римського права [10].

Відповідно до правової традиції європейських держав, Конституція Королівства Іспанії 1978 р. є джерелом кримінального права. Крім того, Іспанія має Карний кодекс з 1848 року. До цього часу кримінальне законодавство цієї країни було дуже запутаним. Найдавнішим пам'ятником іспанської юриспруденції є так званий "Pueblo Juzgo" 8 століття. Далі йшла компіляція, опублікована в 1265 році - "Las Siete Partidas", і в 1556 році була видана нова збірка іспанських законів "Recopilacion de las Leyes de Espana". Кримінальний кодекс містив принципи, викладені в цих збірниках, виражені детально та лаконічно; остання збірка 1808 року стала його основою [11, с. 120].

Чинний Кримінальний кодекс Іспанії 1995 року з наступними змінами і доповненнями, складається з трьох частин (книг) [12]: Книга перша - загальні положення, Книга друга - злочин і покарання та книга третя - проступки і покарання.

Тобто Кримінальний кодекс Іспанії передбачає кримінальну відповідальність не лише за злочини, а й за проступки, в тому числі проти власності. Книги в свою чергу поділяються на розділи, підрозділи, глави і статті. Злочини проти власності містяться в Книзі другій у тринадцятому розділі «Злочини проти власності та соціально-економічної діяльності» [13, 14].

У розділі XIII «Злочини проти власності та соціально-економічного порядку» Книги 2 КК Іспанії визначені такі злочини проти власності: дрібна крадіжка (глава I); крадіжка (глава II); вимагання (глава III); крадіжка і угон засобів пересування (глава IV); насильницьке привласнення (глава V); обманне привласнення чужого майна (глава VI);

заподіяння шкоди (глава IX); викрадення муніципальної власності, призначеної для соціального чи культурного користування (глава XII); зберігання краденого та аналогічні злочини (глава XIV) [15].

Особливість КК Іспанії полягає у формулюванні статей, тому на відміну від КК України, в більшості статей КК Іспанії спочатку в статті вказується санкція за даний злочин і лише, потім вказується диспозиція статті. Так, у статті 236 КК Іспанії зазначено, що дрібна крадіжка карається тюремним ув'язненням на термін від одного року до трьох років: 1) Якщо були викрадені предмети художньої, історичної, культурної чи наукової цінності. 2) Якщо були викрадені предмети першої необхідності або публічного використання, якщо викрадення завдає істотної шкоди або призводить до залишення без засобів для проживання. 3) Якщо існує особлива небезпека, враховуючи цінність викрадених предметів, або завдається шкода особливої тяжкості. 4) Якщо потерпілий або його сім'я ставиться в важке економічне становище або для скоєння крадіжки були використані особисті обставини потерпілого.

Отже, в кримінальному праві Іспанії питанням кваліфікації злочинів проти власності приділяється значна увага. Перелік складів, закріплених у КК Іспанії практично аналогічний складам злочинів проти власності за Кримінальним кодексом України, однак мають місце відмінності. Необхідно акцентувати увагу на якісно іншому підході до визначення поняття "крадіжка" і відмежуванні від суміжних складів (грабіж, розбій, вимагання), на розширеному переліку кваліфікуючих ознак, на особливостях закріплення складу одного злочину, у декількох статтях кодексу.

Вельми широка регламентація відповідальності за злочини проти власності за Кримінальним кодексом Швеції (далі – КК Швеції). КК Швеції, який вступив в силу з 1 січня 1965 р. містить декілька глав, які передбачають кримінальну відповідальність за вчинення злочинів проти власності. Глава 8 має назву – «Про крадіжку, розбій та інші злочини, пов'язані з викраденням майна». У цій главі містяться наступні юридичні конструкції: крадіжки (в тому числі незначні), грабежі, незаконне позбавлення володіння, самовільне відновлення у володінні, незаконне користування електроенергією.

Правова система Данії має самостійний характер і не підпадала під вплив будь-якої з держав. Однак, як справедливо зазначає С.С. Беляєв, у зв'язку з процесами гармонізації в економічних, соціальних та інших відносинах між Скандинавськими державами йде активне зближення їх правових систем і кримінальне право не виняток [16, с. 12]. КК Данії передбачає відповідальність за крадіжку в § 276 Глави 28 «Злочини проти власності» (276-290). Цікаво, що в юридичній літературі часто під час перекладу з англійської чи датської на російську мову, вчені отримують назву глави 28 КК Данії – «Стяжательские преступления» [17, с. 13; 18]. Такий переклад є не зовсім точним. З датської мови назву глави 28 «Formueforbrydelser» науковці Анетт Нергаард Яппе і Карен Вольф-Фредеріксен,

за сприяння юридичного радника Ларса Лінденконе Петерсен, перекладають англійською як «Offences against property» [19]. Більш точним на українську мову буде переклад – «Злочини проти власності». Відповідно до § 276 будь-яка особа, яка без згоди власника забирає будь-який матеріальний предмет з метою отримання для себе або для інших осіб незаконної вигоди шляхом його привласнення, визнається винною у крадіжці.

Крім того, законодавець криміналізує і крадіжку енергії, зазначаючи що для цілей цієї і наступних статей будь-яку кількість енергії, яка вироблена, збережена або використана для виробництва світла, тепла, потужності або руху або для будь-якої іншої економічної мети, необхідно розглядатися як еквівалент матеріальному предмету. КК також містить Главу 29 «Інші злочини проти майна» [20]. Проаналізувавши кримінальні кодекси Литви (ст. 179), Латвії (ст. 182), Молдови (ст. 194), Швейцарії (ст. 142), отримала додаткову аргументації точка зору, що енергія — не є річчю, а тому її не можна «викрасти»; з іншого боку, енергія має справжню економічну вартість, є об'єктом економічного обігу, має товарну форму і вартісне вираження.

У КК Аргентини відповідальність за злочини проти власності передбачена у Розділі VI, який так і називається – «Злочини проти власності» (Delitos Contra La Propiedad). Macagno M. зазначає, що не дивлячись на досить вдалу на перший погляд, назву розділу, на практиці виникає чимало проблем, пов'язаних із розумінням поняття «власність», «майно» [21, с. 6]. Macagno M. зазначає, що слід взяти до уваги те, що Верховний суд Аргентини ототожнює поняття «майно» і «сукупність майнових прав». Відповідно до ст. 17 Конституції Аргентини власність є недоторканою [22]. Виходячи зі змісту ст. 17 Конституції Аргентини захисту підлягає все, що утворює поняття «майно», у тому числі матеріальне та нематеріальне майно [21, с. 6]. На проблему розуміння поняття власності (El concepto de propiedad) звертають увагу також інші вчені [23, с. 4]. Усі точки зору зарубіжних вчених на розуміння власності у кримінальному праві Аргентини можна поділити на три групи: 1) розуміння власності у контексті майна як злочини проти майна (delitos contra el patrimonio) [24, 25, 26] 2) розуміння власності як воно є, тобто як злочини проти власності (delitos contra la propiedad es correcto) [27-29] 3) розуміння власності у соціально-економічному контексті, злочини проти власності та майна (delitos contra la propiedad, el patrimonio o el orden socioeconómico o rubricarse como delitos contra la propiedad y el patrimonio) [30].

Розділ поділено на глави (крадіжка; пограбування; шахрайство та інше обманне привласнення майна; лихварство; банкрути та інші карані боржники; незаконне привласнення; збиток; загальні положення) і статті (статті не мають назв).

Поняття протиправного заволодіння міститься у ст. 162 КК Аргентини. Простий склад злочину полягає у протиправному заволодінні (apoderamiento)

повністю або частково чужою рухомою річчю (ст. 162 КК).

Щодо питання кримінально-правової охорони власності за законодавством країн Латинської Америки, необхідно зазначити, що кримінальне законодавство латиноамериканських країн представляє належний захист власності. У цілому поняття і регулювання відповідальності за вказані злочини в країнах Латинської Америки мають багато спільного. Але, за межами регулювання кримінальної відповідальності за злочини проти власності у країнах Латинської Америки, залишилися таке важливе питання, як обсяг кримінально-правового поняття власності.

У цілому, кримінальні закони країн пострадянського простору побудовані на тих же принципах, що і КК України. Але окремі норми відрізняються конструкцією, ознаками об'єктивної сторони, набором кваліфікуючих ознак.

Законодавець Хорватії розрізняє крадіжку і «розбійницьку» крадіжку (Razbojnička krađa). Під розбійною крадіжкою відповідно до статті 231 слід розуміти випадки, коли злочин було розпочато як крадіжку, але в процесі його здійснення винний з метою збереження викраденого майна використовує силу. Кваліфікованими ознаками розбійницької крадіжки є застосування зброї або інших небезпечних засобів. Особливо кваліфікованим видом «розбійницької» крадіжки є крадіжка, наслідком якої стала смерть людини.

КК України не знає такого злочину проти власності, відповідальність за який передбачена ст. 239 КК Хорватії - зловживання чеками та платіжними картками. Суб'єктом цього злочину є законний власник, тобто, особа, яка на законних підставах отримала кредитну картку, і яка діє всупереч договору про використання платіжних карток. Якщо такі дії вчиняють особи, які юридично не є власниками, та різними шляхами вилучають чужі платіжні картки або підробляють такі, то вони несуть відповідальність за статтею 236 КК Хорватії [31 с.384].

Кримінальний кодекс Словацької Республіки (Закон 300/2005), був прийнятий у 2005 році, набув чинності 1 січня 2006 р. При створенні нового Кримінального кодексу були враховані культурні та правові традиції Словаччини, а також збережені прогресивні і перевірені часом кримінально-правові інститути епохи Чехословаччини. Одночасно в новому законі суворо визначені межі охорони прав і свобод людини відповідно до вимог міжнародних договорів і Конституції Словацької Республіки [32].

У КК Македонії в главі 23 передбачено кримінальну відповідальність за злочини проти власності. Першою традиційно для кримінальних законів держав цієї групи йде стаття, яка передбачає відповідальність за крадіжку (ст. 235 КК). Цей злочин визнається як вилучення рухомого предмета у іншої особи з метою незаконного привласнення. Закон розуміє вилучення, яке є способом переривання фактичної влади над річчю. Ці дії здійснюються проти волі власника [33, с. 49-50]. Предметом викрадення

може бути тільки рухоме майно. У зв'язку з цим кримінальний закон має більш широке розуміння рухомості. Важлива фактична мобільність предмета, можливість його забрати, підняти, викоринити т.ін. [33, с. 50].

КК Боснії і Герцеговини знає такий вид злочину проти власності як крадіжка [34, с.209]. Обтяжуючі крадіжку обставини за КК Боснії і Герцеговини [35] схожі з КК Македонії. Кваліфікованими видами крадіжки є: крадіжка поєднана з руйнуванням і проникненням в приміщення, кімнату, сейф, на певну територію тощо; крадіжка здійснена зухвалим способом; крадіжка здійснена особою, яка при собі мала будь-яку зброю або небезпечний предмет; крадіжка під час пожежі, повені або аналогічного стихійного лиха. КК Боснії і Герцеговини розрізняє поняття розбій (ст.289 Razbojništvo) і розбійницьку крадіжку (ст. 288 Razbojnička krađa). В даному випадку, помічаємо спільність КК Хорватії, КК Македонії, які так само розрізняють поняття розбій і розбійницької крадіжки і не знають поняття грабежу.

В системі кримінального права Республіки Сербія майнові злочини систематизовані в главі 21 «Злочини проти майна» [36]. Відповідно до статті 203 Кримінального кодексу основною формою викрадення є крадіжка, що в залежності від обставин може бути кваліфікованою або привілейованою. Під крадіжкою КК Сербії розуміє вилучення рухомого майна іншої особи з метою його привласнення на свою користь або на користь іншої особи і отримання незаконної матеріальної вигоди.

Стаття 210 Кримінального кодексу Республіки Сербії розрізняє такі злочини цього виду: крадіжка, ухилення від сплати податків і шахрайство. Слід зазначити, що поняття крадіжки у всіх КК південних і західних слов'ян майже тотожні. Відмінність, як правило, полягає в обсязі законодавчого формулювання [36].

У КК Республіки Чорногорія кримінальна відповідальність за різні види викрадення майна передбачена аналогічно КК Республіки Сербії. Зміст статті 246 Кримінального кодексу Республіки Чорногорія тотожний до змісту статті 210 КК Республіки Сербії. Процес вдосконалення Кримінального кодексу Болгарії пройшов кілька етапів. Найбільші реформи Кримінального кодексу після його прийняття в 1968 році здійснено в 1982 р, коли серед іншого був створений новий режим охорони власності, в зв'язку з чим злочини проти соціалістичної власності (глава п'ята КК) і злочини проти особистої власності (глава шоста КК) були об'єднані в одному розділі - п'ятою "Злочини проти власності". Ці зміни ґрунтуються на Конституції Республіки Болгарія 1991 р яка встановила рівний режим для всіх форм власності. Відповідальність за злочини проти власності за КК Болгарії передбачена в розділі п'ятому. Починається глава розділом 1, який встановлює відповідальність за крадіжку. КК Болгарії виділяє такі злочини проти власності: 1) крадіжка; 2) грабіж; 3) привласнення; 4) обман; 5) ви-

мога; 6) приховування майна; 7) знищення і пошкодження майна; 8) зловживання довірою (зазначена глава містить вісім відповідних розділів). Під крадіжкою КК Болгарії розуміє вилучення чужої рухомої речі з володіння іншої особи без її згоди, з наміром протизаконного заволодіння нею (ст. 194). Крадіжка має місце і тоді, коли винний має право на частину цієї речі. Поняття "розбій" КК Болгарії не містить. Під грабежем розуміється вилучення чужої рухомої речі з володіння іншої особи з наміром незаконного заволодіння, шляхом застосування насильства, погрози таким насильством, або шляхом попереднього приведення особи до безпорадного стану. А також викрадення, при вчиненні якого винний, будучи захопленим на місці злочину, застосовує насильство або загрозу таким насильством з метою утримання викраденої речі (ст. 198).

Отже, західні слов'яни (Польща, Чехія) та південні слов'яни (Болгарія, Сербія, Хорватія, Боснія і Герцеговина, Македонія, Словенія, Чорногорія) мають національні правові системи, об'єднані спільністю структури, джерел, правових інститутів, понятійно-категоріального апарату юридичної науки. У кримінальному законі південних і західних слов'ян існує певна ідентичність законодавчих конструкцій. Слід зазначити, що поняття крадіжки тотожні. Відмінність, як правило, полягає в обсязі законодавчого формулювання. Традиційно дефініція ніяк не виділена лексично або текстуально, проте часто знаходиться в частині першій відповідного параграфа Особливої частини, чим суттєво відрізняється від законодавчих конструкцій КК України, де в частині першій статті Особливої частини як правило наявна така дефініція. Крім того, проведений аналіз дозволив констатувати наявність позитивного досвіду для подальшого вивчення питання вдосконалення норм КК України, які передбачають відповідальність за злочини проти власності.

Висновки і пропозиції. Таким чином, щодо питання кримінально-правової охорони власності за законодавством країн романо-германської правової сім'ї, необхідно зазначити, що кримінальне законодавство країн представляє достатній захист власності. У цілому поняття і регулювання відповідальності за вказані злочини в країнах романо-германської правової сім'ї мають багато спільного. Крім того, проведений аналіз дозволив констатувати наявність деякого позитивного досвіду для подальшого вивчення питання вдосконалення норм КК України, які передбачають відповідальність за злочини проти власності. Завдання системної модернізації (оновлення) кримінального права, в цілому, і кримінально-правової охорони власності вимагають розробки додаткових підходів до розуміння кримінально-правової природи власності, які мають за основу ідеї філософії та економічної теорії, одночасно ґрунтуючись на теоретико-інструментальному аналізі кримінального закону. Сучасні економічні реалії диктують нові підходи в галузі науки кримінального права, що перш за все, викликано необхідністю захищати права людини, в тому числі

її власність. Окрім того, на сьогоднішній день в науці кримінального права неможливо пов'язувати власність виключно з предметами матеріального світу, що мають "статус" речей. У попередні історичні періоди предметами злочинів проти власності були фізичні, матеріальні речі. Сьогодні власність також може включати нематеріальні активи. На наш погляд, необхідність перегляду «речової» ознаки власності в доктрині кримінального права, очевидна. Український законодавець вже відносить викрадення води, електричної або теплової енергії шляхом її самовільного використання до злочинів проти власності, тим самим відносячи до таких злочинів також злочини, з нематеріальним предметом. Така обставина є додатковим аргументом щодо переосмислення доктринальних положень кримінально-правової охорони власності. Наприклад, законодавець Данії, який криміналізує і крадіжку енергії, зазначає у тексті самої статті про крадіжку (§ 276), що для цілей цієї і наступних статей будь-яку кількість енергії, яка вироблена, збережена або використана для виробництва світла, тепла, потужності або руху або для будь-якої іншої економічної мети, необхідно розглядатися як еквівалент матеріальному предмету.

Список літератури:

1. Zweigert K. Introduction to comparative law / K.Zweigert, H. Kötz. - Oxford, 1998. - [Electronic resource]. - Access mode: <https://academic.oup.com/ajcl/issue/26/3>
2. Bernitz U. What is Scandinavian Law? Concept, Characteristics, Future / Ulf Bernitz. - Stockholm: Institute for Scandinavian Law 1957-2010. - [Electronic resource]. - Access mode: <http://www.scandinavianlaw.se/pdf/50-1.pdf>
3. Ничка Ю. Правотворчість у правових системах скандинавського типу: теоретичні аспекти / Ю. Ничка // Вісник Львівського університету. - 2011. - №52. - С.21-26.
4. Zweigert K. Introduction to comparative law / K.Zweigert, H. Kötz. - Oxford, 1998. - [Electronic resource]. - Access mode: <https://academic.oup.com/ajcl/issue/26/3>
5. Патракова Е.А. Скандинавская (Нордическая) правовая семья / Е.А. Патракова. - [Електронний ресурс]. - Ружим доступу: <file:///C:/Users/ASUS/Downloads/skandinavskaya-nordicheskaya-pravovaya-semya-1.pdf>
6. Щеглов А.Д. Договор 1397 г. о Кальмарской унии / А.Д. Щеглов // Средние века. М., 2003. Вып. 64. С. 271-287.
7. Рассказов Л.П. Правовые системы Скандинавских стран: общее и особенное / Л.П. Рассказов // Философия права. 2014. №6 (67). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/pravovye-sistemy-skandinavskih-stran-obshche-i-osobennoe> (дата обращения: 16.01.2019).
8. Bogdan M. Comparative law / Michael Bogdan. - Deventer: Kluwer; Stockholm: Norstedts Juridik; [Oslo]: TANO, 1994. - 245 p. - [Electronic resource]. - Access

mode:<https://trove.nla.gov.au/work/31831135?q&versionId=38623959>

9. Bogdan, M. Komparativ rättskunskap // Michael Bogdan. - Lund: Norstedts Juridik AB, 2003. - 82 f. - [Electronic resource]. - Access mode: <https://lup.lub.lu.se/search/publication/319d38b7-cdb8-4187-9c07-f636fdd63a15>

10. Tamm, D., The Nordic Legal Tradition in European Context, in Letto-Vanamo, P (ed), Nordisk identitet – Nordisk rätt i europeisk gemenskap, published by KATTI, Institute for International Economic Law at Helsinki University, 1998 p 15 ff.)

11. Sanford H.S. The Penal Code of Spain // The Different systems of Penal Codes in Europe; Also a report on the Administrative changes in France since the revolution of 1848. – Washington: Beverly tuckey, senate printer, 1854. – 404 p. – P. 120. // http://www.loc.gov/rr/frd/Military_Law/Lieber_Collection/pdf/PenalCodes-in-Europe.pdf

12. Criminal Code of the Kingdom of Spain (1995, as of 2013) (English version). – The Ministry of Justice. – 2013 // Official State Gazette. - № 28. – 24 November 1995. // [Electronic resource] Access mode: file:///C:/Users/%D0%90%D0%B4%D0%BC%D0%B8%D0%BD%D0%B8%D1%81%D1%82%D1%80%D0%B0%D1%82%D0%BE%D1%80/Downloads/Spain_CC_am2013_en.pdf

13. Уголовный кодекс Испании (исп. яз) // [Электронный ресурс] - URL http://perso.unifr.ch/derechopenal/assets/files/legislacion/l_20121008_02.pdf.

14. Código Penal // Ley Orgánica 10/1995, de 23 de noviembre // <https://confi legal.com/20170710-codigo-penal-espanol-actualizado/>

15. Хавронюк М. І. Кримінальне законодавство України та інших держав континентальної Європи: порівняльний аналіз, проблеми гармонізації: Монографія. — К.: Юрисконсульт, 2006. — 1048 с.

16. The Danish Penal Code / edited and introduction by S. S. Belyaev, candidate of law (MSU after Lomonosov), translated from Danish and English by candidate of law S. S. Belyaev and A. N. Rytcheva - St. Petersburg: "Yuridichesky Center Press", 2001 — 230 p.

17. Сверчков, В. В. Преступления против собственности: система, юридическая характеристика, особенности и проблемы применения уголовного законодательства: учеб. пособие для бакал., специал. и магистр. / В. В. Сверчков. — М.: Издательство Юрайт, 2018. — 210 с.

18. Уголовный кодекс Дании / Научное редактирование и предисловие С С Беляева, канд. юрид. наук (МГУ им М В Ломоносова) Перевод с датского и английского канд. юрид. наук С. С. Беляева, А. Н. Рычевой — СПб Издательство «Юридический центр Пресс», 2001. — 230 с.

19. Consolidation Act 2015-07-09 № 873

20. The Danish Penal Code /Translated by: Anette Nørgaard Jappe and Karen Wolf-Frederiksen. Legal UDK 343.811:364.277

advisor: Lars Lindencrone Petersen. – [Electronic resource]. - Access mode: https://www.unodc.org/res/cld/document/criminal-code_html/Straffeloven-ENG.pdf

21. Macagno M. Hurto Simple /Mauricio Macagno//http://www.pensamientopenal.com.ar/system/files/162_con_pie.pdf

22. Constitución De La Nación Argentina http://www.justiniano.com/constituciones/constitucion_nacion_argentina.htm

23. Milei L. Milei Hurto Agravado / Luis Milei // <http://www.pensamientopenal.com.ar/system/files/cpc omentado/cpc37956.pdf>

24. Ramos, Juan P., Curso de Derecho Penal (segunda parte), Tomo Quinto, Biblioteca Jurídica Argentina, Buenos Aires, 1938, p. 153. La cursiva me pertenece.

25. Molinario, Alfredo J., Derecho Penal, Editorial Revista Jurídica, Buenos Aires, 1937, p. 13;

26. Molinario, Alfredo J., Derecho Penal, Talleres Gráficos Emilio Bustos, La Plata, Buenos Aires, 1943, p. 431 y ss

27. Soler, Sebastián, Derecho Penal Argentino, Tomo IV, Tipográfica Editora Argentina (TEA), Buenos Aires, 1973, ps. 157 a 159.

28. Núñez, Ricardo C., Manual de Derecho Penal, Parte Especial, Marcos Lerner Editora Córdoba, Córdoba, 1988, p. 215.

29. Fontán Balestra, Carlos, Tratado de Derecho Penal, Tomo V, Parte Especial, 3° edición, Abeledo – Perrot, Buenos Aires, 1996, ps. 377 a 379.

30. Romero, Nancy Gladys, Caamaño Iglesias Paiz, Cristina Y López, Hernán, Curso de delitos contra la propiedad. Hurto – Robo – Extorsión, Fabián J. Di Plácido Editor, Buenos Aires, 2008, p. 22.

31. Milivoj Jelenski, Marijan Šuperina, Josip Budiša Kriminalitet platnim karticama (krađa identiteta, krivotvorenje i zlouporaba platne kartice) // [Elektronički izvor] - Način pristupa: file:///C:/Documents%20and%20Settings/User/%D0%9C%D0Downloads/jelenski_superina_budisa.pdf

32. Лазарева Н.Ю. Уголовный кодекс Словацкой Республики 2005 г.: структура и характеристика основных институтов общей части. / Лазарева Н.Ю., Чентеш И. [Электронный источник] - Режим доступа: <https://elibrary.ru/item.asp?id=22475851>

33. Казнено право [Електронски извор] - Режим за пристап: // https://scholar.ugd.edu.mk/.../kazнено_pravo_poseben_del_so_praktich.

34. MSc Goran Čimburović. Provaljivanje kao oblik izvršenja krivičnog dela teške krađe. pravne teme, Godina 2, Broj 3, str. 208-217.

35. Krivični Zakon Federacije Bosne I Hercegovine // [Electronic source] - Access mode: http://www.oss.ba/dokumenti/Krivicni_zakon_FBIH.pdf

36. Кривични Законик Републике Србије [Electronic source] - Access mode: // http://www.tuzilastvorz.org.rs/html_trz/PROPISI/krivicni_zakonik_cir.pdf

Поліщук Геннадій Сергійович,

кандидат юридичних наук, доцент, професор кафедри
кримінології та кримінально-виконавчого права
Національної академії внутрішніх справ,
м. Київ, Україна

Тернавська Анастасія Андріївна,

аспірант кафедри кримінології та кримінально-виконавчого права
Національної академії внутрішніх справ,
м. Київ, Україна

ЗАХОДИ ЗАПОБІГАННЯ СУЇЦИДУ СЕРЕД ЗАСУДЖЕНИХ У ВИПРАВНИХ КОЛОНІЯХ ТА ШЛЯХИ ЇХ УДОСКОНАЛЕННЯ

Polischuk G.S.,

PhD in Law, associate professor, professor of
the department of the criminology and penal law,
National Academy of the Internal Affairs,
Kiev, Ukraine

Ternavska A.A.,

postgraduate student of the department
of the criminology and penal law,
National Academy of the Internal Affairs,
Kiev, Ukraine

METHODS OF PREVENTION OF SUICIDE CONVICTS IN PENAL COLONIES AND WAYS OF THEIR IMPROVEMENT

Summary. The article deals with the main measures to prevent suicide among convicts in correctional colonies and conditionally divides them into three categories: measures of primary (suicidal prevention), secondary (suicidal intervention) and tertiary (suicide poisoning) prophylaxis of suicides. It is proved that in order to increase the effectiveness of measures to prevent suicide among convicts, penal colonies should use the following forms and methods of preventing this destructive phenomenon: criminal, legal, organizational, disciplinary, educational and medical. The ways of improvement of measures to prevent suicide among convicts in penal colonies are determined.

Key words: *penal colonies, convict, deviant behavior, suicide, prevention of suicide.*

Анотація. У статті розглянуто основні заходи запобігання суїциду серед засуджених у виправних колоніях та умовно поділено їх на три категорії: заходи первинної (суїцидальної превенції), вторинної (суїцидальної інтервенції) та третинної (суїцидальної поственції) профілактики суїцидів. Доведено, що з метою підвищення ефективності заходів запобігання суїциду серед засуджених, працівники виправних колоній мають використовувати такі форми та методи профілактики цього деструктивного явища, як: кримінально-правові, організаційні, дисциплінарні, виховні та медичні. Визначено шляхи удосконалення заходів запобігання суїциду серед засуджених у виправних колоніях.

Ключові слова: *виправні колонії, засуджений, девіантна поведінка, суїцид, запобігання суїциду.*

Постановка проблеми. На сьогоднішній день очевидним є той факт, що Україна твердо і рішуче стала на шлях до інтеграції з країнами Європейського Союзу. А це означає, що поширення, розуміння і підтримка серед народу України євроінтеграційних ідей та настроїв є обов'язковою умовою перетворення нашої країни на справжню, прогресивну європейську державу. Протягом останніх декількох років відмічається значний прогрес, досягнутий у сфері поваги прав людини та її основоположних свобод.

Однак, незважаючи на такі позитивні зрушення у сфері дотримання прав людини, існують певні прогалини в процесі реалізації передбачених державою гарантій права людини на життя. На нашу думку, актуальною є проблема щодо визна-

чення дієвих способів і шляхів запобігання девіантній поведінці в сучасному суспільстві, зокрема такій її небезпечній формі, як суїцид.

Так, відповідно до положень статті 3 Загальної декларації прав людини, частини першої статті 2 Європейської конвенції з прав людини, а також частини першої статті 27 Конституції України кожна людина має право на життя. Крім того, у статті 3 Основного Закону України визначено, що людина, її життя і здоров'я, честь і гідність, недоторканність і безпека визнаються в Україні найвищою соціальною цінністю.

Суїцид як форма девіантної поведінки людини, спрямована на навмисне позбавлення себе життя, є свідомим нехтуванням цими цінностями. Тобто, це деструктивне явище можна розцінювати як злочин людини проти себе самої та віднести його до

найбільш складних і болючих психолого-правових проблем сьогодення.

Людей завжди цікавило питання про те, чи має людина право сама позбавити себе життя. У різних країнах світу з плином часу існувало діаметрально протилежне ставлення до суїциду: від схвалення до кримінальної відповідальності. В Україні, як і в ряді інших сучасних цивілізованих країн, суїцид не переслідується законом.

Водночас, дотепер немає єдиного як міжгалузевого, так і правового підходу до феномену суїциду. Триває дискусія щодо доцільності віднесення суїциду до елементів предмета кримінології, а відтак, – розгляду його як об'єкту кримінологічних досліджень, або ж вивчати суїцид лише як психосоціологічну проблему. На нашу думку, існує тісний зв'язок між суїцидом і віктимологією в її широкому розумінні та латентністю злочинності; є багато спільного в причинах, які породжують злочинність і суїцид; суїцид потерпілого може бути наслідком багатьох злочинів, а також доведення до самогубства; показники злочинності та суїциду корелюють між собою.

Вбачається, що розгляд самогубства з позицій кримінологічного вчення про злочинність як негативного і асоціального явища, що корелює за абсолютними та відносними показниками із відповідними показниками злочинності, є новим та достатньо актуальним підходом до даної проблеми.

З розвитком наукової думки про суїцид як кримінологічне явище виникла необхідність вивчення суїциду серед засуджених як самостійного об'єкта дослідження.

Аналіз досліджень та публікацій. Аналізу та висвітленню проблем суїциду як об'єкту кримінологічних досліджень були присвячені праці таких відомих вчених як Ю. В. Александров, Ю. М. Антонян, І. Г. Богатирьов, С. В. Бородін, Е. К. Волконська, М. Г. Дебольський, О. Г. Єрмолаєва, І. А. Матвєєва, Л. М. Мелентьєв, А. С. Михлин, О. М. Моховіков, В. В. Новіков, Г. О. Радов, В. В. Розанов, В. М. Синьов, О. В. Старков, В. В. Сулицький, А. П. Тищенко, В. А. Тихоненко, Г. Ф. Хохряков, В. О. Шаповалов, Л. М. Шестопалова, Р. А. Шахманов, В. В. Шкуро та ін., в яких вони торкалися окремих питань проблеми суїциду в установах виконання покарань. Зокрема, частково розкрито віктимологічні аспекти суїцидальної поведінки засуджених, індивідуально-психологічні особливості засуджених, які вчиняють суїцид в установах виконання покарань, рівень імовірності повторної спроби вчинення суїциду засудженими. Проте, питання суїциду серед засуджених у виправних колоніях та заходи його запобігання комплексно науковцями не досліджувалось, що зумовлює актуальність теми дослідження та необхідність проведення відповідного комплексного наукового пошуку.

Метою даної статті є визначення основних заходів запобігання суїциду серед засуджених у виправних колоніях та шляхів їх удосконалення.

Виклад основного матеріалу дослідження. Виходячи з етимології слова «суїцид» (англ. suicide < лат. Sui – сам, себе + caedes – вбивство), суїцид це аутоагресія, яка спрямована агресором на позбавлення себе життя. Отже, суїцид це цілком свідомо вчинювані дії окремою особою, що спрямовані на припинення свого існування, а їх наслідком є смерть. Тобто, суїцид є свідомим і умисним вчинком, ключовим моментом у якому є факт позбавлення життя себе самим.

Аналіз наукової літератури дозволяє стверджувати, що різні особливості середовища, в якому знаходиться людина, підвищують або знижують ймовірність виникнення агресивних дій. В умовах виправної колонії соціально-психологічні чинники агресії є найбільш значущими. Чим довше особа перебуває у виправній колонії, тим більше на неї впливають такі соціально-психологічні чинники агресії як страх, відчуття приниження.

При позбавленні волі тривалість строку відбування покарання спричиняє значний вплив на особистість і поведінку засуджених. Внаслідок високого ступеню соціальної ізоляції, соціальної депривації, залежно від відбутого строку покарання спостерігаються зміни особистості і поведінки засудженого, що виражається у втраті навичок соціально адаптивної поведінки і розвитку негативних якостей, що призводять до регресу особистості [1, с. 47]. Так, тривала ізоляція викликає у засуджених деформацію особистості, вони починають реагувати на умови в яких вони перебувають більш неадекватно, ніж в початку відбування покарання, в них частіше з'являються думки про суїцид.

Наведене вище дає підстави стверджувати, що засуджені до позбавлення волі складають «групу підвищеного ризику» осіб, схильних до суїциду.

Попередній аналіз літератури з суїцидології та кримінології дає підстави розділити всі заходи запобігання суїциду на заходи первинної (суїцидальної превенції), вторинної (суїцидальної інтервенції) та третинної (суїцидальної поственції) профілактики суїцидів.

Суїцидальна превенція полягає у інформативній роботі з особами, засудженими до позбавлення волі, які потенційно можуть вчинити суїцид, і спрямована на його упередження та надання їм психологічної допомоги.

Вторинна профілактика – суїцидальна інтервенція, що являє собою допомогу при потенційному суїциді (але до вчинення суїцидальної спроби), яка спрямована на відвернення акту саморуйнування, самознищення та має за мету зберегти життя людині як найвищу суспільну цінність [2].

Зазвичай, суїцидальна інтервенція застосовується до осіб, які перебувають під інтенсивним впливом факторів, що з великою часткою

вірогідності здатні спричинити підвищення суїцидальної активності у поєднанні з кримінальною чи віктимною [3, с. 177].

Наступний етап – третинна профілактика, яка має назву суїцидальної поственції, включає в себе комплекс заходів, які полягають у наданні реабілітаційної допомоги особі, яка вчинила суїцидальну спробу, спрямованої на нейтралізацію детермінантів суїциду; надання психологічної підтримки найближчому соціальному оточенню особи, яка вчинила акт аутоагресії, а також запобігання повторній суїцидальній спробі.

Необхідно зазначити, що з метою запобігання суїциду серед засуджених працівники виправних колоній мають можливість використовувати різноманітні форми та методи профілактики цього деструктивного явища, а саме: кримінально-правові, організаційні, дисциплінарні, виховні та медичні. На жаль, в практичній діяльності не всі із вищеперерахованих методів використовуються повністю та достатньою мірою, що значно знижує ефективність заходів, спрямованих на запобігання суїциду серед засуджених.

На нашу думку, в контексті ефективної реалізації профілактичних заходів відомчого рівня, спрямованих на запобігання суїциду засуджених у виправних колоніях, доцільно розглянути систему виокремлених нами відомчих адміністративно-службових заходів, які включають в себе спеціалізовані комплекси: кримінально-правові, виховні, психологічні, медичні та неспеціалізовані комплекси профілактичних заходів.

Так, одним із основних елементів кримінально-правових заходів запобігання суїциду серед засуджених у виправних колоніях є такий самостійний інститут кримінально-виконавчого права, як режим виконання і відбування покарання у виді позбавлення волі. Режим виконання і відбування покарання у виді позбавлення волі являє собою встановлену систему правил поведінки засуджених, що виражається в ізоляції, диференціації умов тримання, правообмежень і забезпеченні розпорядку дня та застосування заходів виправного впливу з метою ресоціалізації і виправлення засуджених, виключення можливості здійснення ними нових злочинів й інших антигромадських вчинків [4; с. 121], до яких слід віднести і аутодеструктивну поведінку засуджених, у тому числі й суїцид.

Профілактичний вплив режиму полягає не тільки в примусовому впливі на засуджених, а ще і в певному наборі правообмежень, покликаних дисциплінувати поведінку та забезпечити виправлення особи.

Роль режиму, як засобу запобігання суїцидальної поведінки в умовах виправної колонії визначається необхідністю і можливістю нейтралізації об'єктивних передумов та детермінант цього деструктивного явища. На нашу думку, досягненню вказаних цілей сприяють: встановлений розпорядок дня в установі, періодична перевірка наявності засуджених, порядок їх пересування, вилучення за-

боронених до використання речей і предметів, особистий огляд, огляд житлових приміщень (камер), чітка фіксація і аналіз всіх випадків суїцидальної поведінки, постановка на профілактичний облік осіб з суїцидальною активністю, а також осіб, віднесених до групи підвищеного ризику здійснення суїцидального акту.

У системі режимних заходів запобігання суїциду серед засуджених у виправних колоніях значний запобіжний потенціал як у виявленні та усуненні причин і умов, які сприяють формуванню саморуйнівної поведінки, так і в запобіганні суїцидальному акту та усуненні його причин, має нагляд. Працівники виправної колонії вправі втрутитись та перешкодити засудженому здійснити спробу суїциду чи членушкодження, у разі виявлення такої ситуації. Зважаючи на складність та багатоаспектність досліджуваного нами питання, форми та методи нагляду та інших режимних заходів в рамках даного наукового дослідження доцільно умовно розділити на дві групи запобіжних заходів, а саме: загально-профілактичного та спеціального характеру.

Першу групу складають загально-профілактичні заходи, направлені на виявлення та усунення причин і умов аутодеструктивної, в тому числі суїцидальної, поведінки осіб, засуджених до позбавлення волі та безпосередньо пов'язані із забезпеченням порядку виконання і відбування покарань у виправній колонії. Дана група включає в себе як забезпечення виконання особами, які відбувають покарання у виправній колонії своїх обов'язків, так і охорону їх законних прав та інтересів, серед яких найбільш пріоритетними є право на особисту безпеку та право на життя.

До загально-профілактичних заходів варто віднести: проведення регулярних обшуків засуджених та камер, у яких вони утримуються; огляд житлової та виробничої зон виправної колонії з вилученням заборонених предметів; запобігання зберіганню та використанню засудженими промислового обладнання, робочого інструментарію не за цільовим призначенням, а також інших предметів, що можуть бути використанні такими особами з метою навмисного нанесення собі членушкодження.

Крім того, важливе місце серед загально-профілактичних заходів запобігання суїцидальної поведінки займає інформування засуджених про негативні для них наслідки вчинення правопорушень, передбачених правилами внутрішнього розпорядку установ виконання покарань, зокрема про передбачені за такі дії каральні заходи.

Погіршення режиму тягне за собою погіршення дисципліни, що частіше за все проявляється у таких формах аутодеструктивної поведінки як вживання алкогольних напоїв та наркотичних речовин, в результаті чого збільшується кількість конфліктних ситуацій, випадків суїциду та нанесення собі членушкодження особами, засудженими до позбавлення волі.

Друга група – спеціальні запобіжні заходи суїциду безпосередньо пов'язані з впливом на осіб,

віднесених до групи підвищеного ризику вчинення суїцидальних актів в умовах виправної колонії. Такі заходи направлені на здійснення посиленого нагляду і контролю за поведінкою осіб, схильних до суїциду, особливо у період їх утримання в дисциплінарному ізоляторі, приміщеннях камерного типу, одиночних камерах, на виробництві, та реалізуються за допомогою технічних засобів нагляду та контролю.

Окрім вже перерахованих режимних заходів запобігання суїциду, на нашу думку, доцільно також використовувати такі режимні заходи, як догляд посилок і бандеролей, цензуру кореспонденції адресованої засудженим, до участі у якій доцільно залучати психолога виправної колонії, а у випадку виявлення у кореспонденції інформації, що може спровокувати особу до суїцидальних дій – тимчасового її вилучення з метою обрання тактики проведення заходів запобігання суїциду.

Враховуючи викладене вважаємо, що режим утримання засуджених є важливою складовою запобігання суїциду серед засуджених, тому удосконалення правових норм спрямованих на посилення режиму у виправних колоніях сприятиме підвищенню рівня забезпечення гарантованого державою права на життя відносно осіб, засуджених до позбавлення волі.

Іншим, не менш важливим елементом кримінально-правових заходів запобігання суїциду серед засуджених у виправних колоніях є діяльність оперативних підрозділів виправних колоній, яка повинна включати в себе заходи загального і спеціального характеру.

До комплексу заходів загального характеру, на нашу думку, слід віднести заходи, спрямовані на запобігання протиправним діям з боку засуджених осіб, викоріненню тюремної субкультури та інших норм і традицій, які мають місце в умовах виправної колонії.

Серед заходів спеціального характеру варто виокремити такі: виявлення причин і умов, що сприяють порушенню засудженими порядку відбування покарання; виявлення осіб, які за своїми психологічними характеристиками потенційно є об'єктами фізичного або психічного насилля з боку інших засуджених; контроль за поведінкою таких осіб; використання різних способів та засобів запобігання суїцидальній поведінці засуджених.

Особливу увагу персоналу виправної колонії необхідно приділяти засудженим із психічними відхиленнями, оскільки вони несуть особливу небезпеку в контексті можливого вчинення агресивних дій.

Окремо необхідно зупинитись на такому важливому напрямку запобігання суїциду серед засуджених у виправних колоніях як спеціально-кримінологічне запобігання.

Спеціально-кримінологічне запобігання – це діяльність персоналу установи виконання покарань, спрямована на недопущення суїцидальної поведінки і, перш за все, такої, що зумовлена злочи-

ном (доведенням засуджених до суїциду, що передбачено статтею 120 Кримінального кодексу України).

Під час проведення заходів з встановлення потенційних суїцидентів у виправних колоніях, персоналу установ необхідно зосередитись на особах, відносно яких надходять дані, що свідчать про їх небезпечне становище в мікросоціальному середовищі засуджених в плані соціальної адаптації, тобто про такі обставини, що можуть призвести до конфліктної ситуації, агресивних проявів чи суїциду.

Зазначене дозволяє стверджувати, що у роботі персоналу виправної колонії, спрямованій на запобігання суїциду серед засуджених, особливу увагу необхідно приділяти вивченню негативних процесів, які відбуваються, могли або можуть відбутися у середовищі засуджених, з метою завчасного виявлення засуджених, найбільш схильних до суїциду. Що в свою чергу, дасть змогу своєчасно запобігти вчиненню засудженим акту самогубства, шляхом проведення різноманітних профілактичних заходів як відносно самого засудженого, схильного до суїциду, так і у середовищі, яке його оточує.

Виховна робота із засудженими, належить до основних заходів запобігання суїциду серед засуджених у виправних колоніях та повинна бути спрямована на весь спецконтингент, так як у співвідношенні з іншими соціальними групами населення дана категорія входить до групи підвищеного ризику вчинення суїциду. Методи і прийоми виховної роботи із засудженими, що спрямовані на запобігання згаданому деструктивному явищу мають бути підібрані індивідуально залежно від їх психологічного типу. Успішність реалізації таких виховних заходів на практиці прямо залежить від ступеню налагодженості взаємозв'язку між відділом соціально-виховної роботи та психологом установи.

Психологічні заходи запобігання суїциду серед засуджених у виправних колоніях реалізуються шляхом психологічної діагностики засуджених відразу після їх прибуття до виправної колонії, яка проводиться за допомогою анкетування, інтерв'ювання, особистих бесід, а також детального вивчення матеріалів особової справи засудженого.

Важливим напрямком у діяльності персоналу виправних колоній спрямованій на запобігання суїциду серед засуджених є корекція агресивних проявів, яка полягає у виявленні засуджених, схильних до агресії.

Визначення різновиду агресії дає можливість персоналу установи правильно обрати найбільш дієві психокорекційні заходи, форми та методи роботи із конкретним засудженим.

До медичних заходів запобігання суїциду серед засуджених у виправних колоніях відносимо: виявлення медичних факторів, що можуть зумовлювати аутодеструктивної поведінки; ретельну діагностику та виявлення психічних розладів і відхилень у осіб, засуджених до позбавлення волі; проведення профілактичних заходів відносно осіб з психічними розладами; надання допомоги особам,

які здійснили акт членушкодження чи спробу суїциду; проведення навчань з персоналом виправних колоній з питання надання невідкладної допомоги особам, які здійснили акт членушкодження чи спробу суїциду.

Беззаперечно, що вагоме значення у реалізації заходів запобігання суїциду серед засуджених мають організаційні заходи, наприклад розробка заходів підвищення ефективності службових розслідувань у виправних колоніях за фактами смерті засуджених, з метою встановлення її істинних причин, а також за фактами доведення до самогубства та вбивств засуджених, замаскованих під самогубства.

Висновки:

1) Заходи запобігання суїциду серед засуджених у виправних колоніях доцільно розподілити на три категорії: заходи первинної (суїцидальної превенції), вторинної (суїцидальної інтервенції) та третинної (суїцидальної поственції) профілактики суїцидів, під час реалізації кожної з яких, працівники виправних колоній мають використовувати такі форми та методи профілактики цього деструктивного явища, як: кримінально-правові, організаційні, дисциплінарні, виховні та медичні. Це, в свою чергу, значно підвищить ефективність заходів, спрямованих на запобігання суїциду серед засуджених.

2) Під час проведення заходів з встановлення потенційних суїцидентів у виправних колоніях, персоналу установ необхідно зосередитись на особах, відносно яких надходять дані, що свідчать про їх небезпечне становище в мікросоціальному середовищі засуджених в плані соціальної адаптації, тобто про такі обставини, що можуть призвести до конфліктної ситуації, агресивних проявів чи суїциду.

3) Усі випадки суїциду та суїцидальних спроб серед засуджених у виправних колоніях, як правило, є наслідком недостатнього розуміння та належної реалізації службами виправної колонії заходів запобігання суїциду. Комплекс заходів запобігання суїциду серед засуджених у виправних колоніях має здійснюватись шляхом організації тісної взаємодії всіх служб виправної установи між собою та з державними, громадськими і релігійними організаціями.

Список літератури:

1. Максимова Н. Ю. Психологічна профілактика суїциду та агресивної поведінки у засуджених до довічного позбавлення волі: метод. рек. / Н. Ю. Максимова. – К. : ПАЛИВОДА А.В. 2011. – 128 с. – С. 47.
2. Мінц М. О. Соціологія девіантної поведінки. Навчальний посібник. - Миколаїв: Вид-во ЧДУ ім. Петра Могили, 2009. - 244 с. URL: http://e-pidruchniki.com/content/657_66_Profilaktika_syicidalnoi_povedinki.html (дата звернення: 10.01.2019).
3. Шкуро В. В. Суїцидальність в Україні: кримінологічна характеристика та протидія: монографія / В. В. Шкуро; За наук. ред. д-ра юрид. наук, доцента Ю. В. Орлова; Кримінологічна асоціація України. – Харків : Панов, 2017. – 262 с. – С. 177.
4. Кашинський М. Ю. Соціально-психологічні фактори розвитку особистості з девіантною поведінкою / М. Ю. Кашинський, Н. В. Пономаренко // Технології безперервної освіти та саморозвитку особистості: матеріали Міжнарод. наук. конф., Гродно, 15-16 травня 2001 р. : в 3 ч. / Гродн. держ. ун-т; редкол. : В. П. Тарантей та ін. - Гродно, 2001. - Ч. 2. - С. 119-121.

#1 (41), 2019 część 6
Wschodnioeuropejskie Czasopismo Naukowe
(Warszawa, Polska)
Czasopismo jest zarejestrowane i publikowane w Polsce. W czasopiśmie publikowane są artykuły ze wszystkich dziedzin naukowych. Czasopismo publikowane jest w języku polskim, angielskim, niemieckim i rosyjskim.

Artykuły przyjmowane są do dnia 30 każdego miesiąca.

Częstotliwość: 12 wydań rocznie.

Format - A4, kolorowy druk

Wszystkie artykuły są recenzowane

Każdy autor otrzymuje jeden bezpłatny egzemplarz czasopisma.

Bezpłatny dostęp do wersji elektronicznej czasopisma.

Zespół redakcyjny

Redaktor naczelny - Adam Barczuk

Mikołaj Wiśniewski

Szymon Andrzejewski

Dominik Makowski

Paweł Lewandowski

Rada naukowa

Adam Nowicki (Uniwersytet Warszawski)

Michał Adamczyk (Instytut Stosunków Międzynarodowych)

Peter Cohan (Princeton University)

Mateusz Jabłoński (Politechnika Krakowska im. Tadeusza Kościuszki)

Piotr Michalak (Uniwersytet Warszawski)

Jerzy Czarnecki (Uniwersytet Jagielloński)

Kolub Frennen (University of Tübingen)

Bartosz Wysocki (Instytut Stosunków Międzynarodowych)

Patrick O'Connell (Paris IV Sorbonne)

Maciej Kaczmarczyk (Uniwersytet Warszawski)

Dawid Kowalik (Politechnika Krakowska im. Tadeusza Kościuszki)

Peter Clarkwood (University College London)

#1 (41), 2019 part 6
East European Scientific Journal
(Warsaw, Poland)
The journal is registered and published in Poland. The journal is registered and published in Poland. Articles in all spheres of sciences are published in the journal. Journal is published in **English, German, Polish and Russian.**

Articles are accepted till the 30th day of each month.

Periodicity: 12 issues per year.

Format - A4, color printing

All articles are reviewed

Each author receives one free printed copy of the journal

Free access to the electronic version of journal

Editorial

Editor in chief - Adam Barczuk

Mikołaj Wiśniewski

Szymon Andrzejewski

Dominik Makowski

Paweł Lewandowski

The scientific council

Adam Nowicki (Uniwersytet Warszawski)

Michał Adamczyk (Instytut Stosunków Międzynarodowych)

Peter Cohan (Princeton University)

Mateusz Jabłoński (Politechnika Krakowska im. Tadeusza Kościuszki)

Piotr Michalak (Uniwersytet Warszawski)

Jerzy Czarnecki (Uniwersytet Jagielloński)

Kolub Frennen (University of Tübingen)

Bartosz Wysocki (Instytut Stosunków Międzynarodowych)

Patrick O'Connell (Paris IV Sorbonne)

Maciej Kaczmarczyk (Uniwersytet Warszawski)

Dawid Kowalik (Politechnika Krakowska im. Tadeusza Kościuszki)

Peter Clarkwood (University College London)

Igor Dzedzic (Polska Akademia Nauk)
Alexander Klimek (Polska Akademia Nauk)
Alexander Rogowski (Uniwersytet Jagielloński)
Kehan Schreiner(Hebrew University)
Bartosz Mazurkiewicz (Politechnika Krakowska im. Tadeusza Kościuszki)
Anthony Maverick(Bar-Ilan University)
Mikołaj Żukowski (Uniwersytet Warszawski)
Mateusz Marszałek (Uniwersytet Jagielloński)
Szymon Matysiak (Polska Akademia Nauk)
Michał Niewiadomski (Instytut Stosunków Międzynarodowych)
Redaktor naczelny - Adam Barczuk

1000 kopii.

Wydrukowano w «Aleje Jerozolimskie 85/21, 02-001 Warszawa, Polska»

Wschodnioeuropejskie Czasopismo Naukowe

Aleje Jerozolimskie 85/21, 02-001 Warszawa, Polska

E-mail: info@eesa-journal.com ,

<http://eesa-journal.com/>

Igor Dzedzic (Polska Akademia Nauk)
Alexander Klimek (Polska Akademia Nauk)
Alexander Rogowski (Uniwersytet Jagielloński)
Kehan Schreiner(Hebrew University)
Bartosz Mazurkiewicz (Politechnika Krakowska im. Tadeusza Kościuszki)
Anthony Maverick(Bar-Ilan University)
Mikołaj Żukowski (Uniwersytet Warszawski)
Mateusz Marszałek (Uniwersytet Jagielloński)
Szymon Matysiak (Polska Akademia Nauk)
Michał Niewiadomski (Instytut Stosunków Międzynarodowych)
Editor in chief - Adam Barczuk

1000 copies.

Printed in the "Jerozolimskie 85/21, 02-001 Warsaw, Poland»

East European Scientific Journal

Jerozolimskie 85/21, 02-001 Warsaw, Poland

E-mail: info@eesa-journal.com ,

<http://eesa-journal.com>